

Д-73

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГР. А. С. и П. С. УВАРОВЫХЪ.

Выпускъ I.

МОСКВА.

—
1911.

1957

1965 г.

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГР. А. С. и П. С. УВАРОВЫХЪ.

Выпускъ I.

МОСКВА.

1911.

Печатается по распоряжению Императорского Московского Археологического Общества,
на основании § 56 его Устава.

Председатель Графиня Узорова.

19502

98

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

B-366

Типография О-ва распр. полезн. книг. Преемник В. И. Вороновъ.
Москва, Моховая, противъ Манежа, домъ кн. Гагарина.

Оглавление I вып. XXIII т. „Древностей“.

	<i>Стр.</i>
1. Повѣстка на засѣданіе 29 декабря 1909 г.	1
2. 29 декабря 1909 г. (съ портретомъ гр. А. С. Уварова) . . .	3
3. Кн. Н. С. Щербатовъ. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ какъ основатель Историческаго Музея	7
4. Проф. Д. Н. Анучинъ. Памяти графа А. С. Уварова	12
5. Проф. М. Н. Сперанскій. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Ува- ровъ и его собраніе рукописей	15
6. Н. Н. Ардашевъ. Графъ А. С. Уваровъ какъ теоретикъ ар- хеологіи	25
7. Н. В. Некрасовъ. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ какъ художественный дѣятель	41
8. И. Н. Бороздинъ. Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ	51
9. Рѣчи и адреса	67
10. Телеграммы	73
11. Присужденіе медали имени гр. А. С. Уварова и отзывы С. О. Долгова, Ю. В. Готье и В. К. Трутовскаго о рекомендован- ныхъ сочиненіяхъ	85
12. Присужденіе преміи имени гр. П. С. Уваровой и отзывы Н. В. Никитина, проф. М. Преображенскаго, Ѳ. Ѳ. Горностаева и проф. Н. В. Покровскаго о представленной работѣ	99
13. Гр. П. С. Уварова. Насколько исполнены завѣты, завѣщан- ные графомъ	118
14. 30 апрѣля 1885—1910 гг. (съ портретомъ гр. П. С. Уваровой).	127
15. Высочайшія телеграммы	131
16. Адресса, поднесенные депутаціями	133
17. Адресса, присланные по почтѣ и телеграммы учреждений	157
18. Телеграммы и привѣтствія отъ отдѣльныхъ лицъ	186

Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь просить Васъ, М. Г., пожаловать 29-го сего декабря въ 2^{1/2} ч. дня, въ Христіанскій залъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, на чрезвычайное засѣданіе Общества и Музея, посвященное памяти незабвеннаго основателя, перваго и пожизненнаго предсѣдателя его графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, по случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня его кончины 29 декабря 1884 года.

ПРОГРАММА ЗАСѢДАНІЯ:

1. Панихида по графѣ А. С. Уваровѣ.
2. Кн. Н. С. Щербатовъ. Графъ А. С. Уваровъ какъ основатель Историческаго Музея.
3. Проф. Д. Н. Анучинъ. Памяти гр. А. С. Уварова.
4. Проф. М. Н. Сперанскій. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ и его собраніе рукописей.
5. Н. Н. Ардашевъ. Гр. А. С. Уваровъ какъ теоретикъ археологіи.
6. Устные и письменныя привѣтствія и телеграммы различныхъ лицъ и учреждений.
7. Объявленіе о присужденіи золотой медали имени гр. А. С. Уварова.
8. Объявленіе о присужденіи преміи гр. П. С. Уваровой за конкурсное сочиненіе на тему о Московскомъ зодчествѣ до XVIII в.
9. Заключительное слово гр. П. С. Уваровой.

Генералъ Михаилъ Лавровъ

ИНСТИТУТЪ
НАСЛЕДІЯ
ФОТОГ. П. ПАВЛОВА

29 декабря 1909 года.

29 декабря 1909 г., въ день исполнившагося 25-лѣтія со дня кончины незабвеннаго основателя, перваго и пожизненнаго предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, состоялось торжественное засѣданіе Общества и Правленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III, каковой Музей также былъ основанъ графомъ, въ Христіанскомъ залѣ Музея. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи многочисленныхъ членовъ Общества и Музея, представителей города Москвы, ея учрежденій, администраціи и дворянства, депутацій, родныхъ покойнаго и стороннихъ посѣтителей.

Передъ началомъ засѣданія, въ вестибюлѣ Музея была отслужена соборне панихида по покойномъ, послѣ чего въ Христіанскомъ залѣ засѣданіе было открыто предсѣдательствующимъ и приступлено было къ выслушанію рѣчей, адресовъ, телеграммъ и постановленій, сдѣланныхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ къ этому дню.

1. Товарищъ предсѣдателя Историческаго Музея князь Н. С. Щербатовъ прочиталъ слѣдующую телеграмму Августѣйшаго предсѣдателя Музея, Е. И. В. Великаго Князя Михаила Александровича:

„Прошу передать всѣмъ собравшимся на сегодняшнемъ засѣданіи, что Я мысленно всѣмъ сердцемъ и молитвою присоединяюсь къ чествованію свѣтлой памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, незабвеннаго труженика и создателя отечественной историко-археологической науки, имя котораго такъ тѣсно и навсегда связано съ нашимъ Музеемъ.

М и х а и л ь“.

2. Московскій городской голова Н. И. Гучковъ произнесъ рѣчь, въ которой, отъ имени города Москвы, принесъ низкій поклонъ благодарственной памяти графа, дѣятельность котораго такъ тѣсно была связана съ Москвой, за обогащеніе имъ столицы такими замѣчательными научными центрами, какъ Историческій Музей и Археологическое Общество, и за его неутомимую ревность въ дѣлѣ сохраненія и защиты священныхъ историческихъ памятниковъ Москвы отъ невѣжественныхъ искаженій, разрушеній и уничтоженій.

3. Московскій губернскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ произнесъ рѣчь отъ имени московскаго дворянства ¹⁾.

4. Затѣмъ слѣдовали депутаціи съ рѣчами и адресами отъ ¹⁾:

а) Московскаго Губернскаго Земства — съ С. К. Родіоновымъ во главѣ.

б) Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, его специальныхъ классовъ, Восточной Комиссіи Общества и Этнографическаго Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э.—съ проф. В. Θ. Миллеромъ во главѣ.

в) Московскихъ Румянцевскаго и Публичныхъ Музеевъ — съ директоромъ Музеевъ, проф. И. В. Цвѣтаевымъ во главѣ.

г) Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности — съ предсѣдателемъ проф. А. Е. Грузинскимъ во главѣ.

д) Московской Святѣйшаго Синода конторы — о. протопресв. В. Марковъ.

е) Московскаго Археологическаго Института—совѣтъ Института съ директоромъ А. И. Успенскимъ во главѣ.

ж) Церковно-Археологическаго Отдѣла Общ. Любит. Духовнаго Просвѣщенія—Н. Д. Струковъ, И. Я. Стеллецкій и Ю. В. Арсеньевъ.

з) Тульской Палаты Древностей — предсѣдатель Н. И. Троицкій.

и) Ярославской Архивной Комиссіи — предсѣдатель кн. С. П. Урусовъ.¹⁾

і) Орловской Архивной Комиссіи — предсѣдатель кн. К. В. Кейкуатовъ.

к) Оренбургской Архивной Комиссіи—предсѣдатель П. А. Незнамовъ ¹⁾.

5. Послѣ сего были произнесены съ кафедры рѣчи, посвященныя памяти графа, слѣдующими лицами ²⁾:

а) Кн. Н. С. Щербатовымъ—„Графъ А. С. Уваровъ какъ основатель Историческаго Музея“.

б) Проф. Д. Н. Анучинымъ ³⁾—„Памяти графа А. С. Уварова“.

в) Проф. М. Н. Сперанскимъ—„Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ и его собраніе рукописей“.

г) Н. Н. Ардашевымъ—„Графъ А. С. Уваровъ какъ теоретикъ археологій“.

¹⁾ См. приложенія.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Былъ представителемъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологій и Этнографіи и Испытателей природы и XII Съѣзда естествоиспытателей и врачей.

6. По окончаніи рѣчей секретаремъ Общества были доложены телеграммы и письма, полученныя къ этому дню отъ различныхъ установленій и лицъ, а именно: отъ Императорской Археологической Комиссіи, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Русскаго Археологическаго Института, Харьковскаго Историко-Археологическаго Общества, Новгородскаго Общества Любителей Древности, Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Военно-Историческаго Общества, Московскаго Общества Любителей Художествъ, Минусинскаго Музея, Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей, Московской Синодальной типографіи, Педагогическаго Музея, Тверской, Рязанской, Ярославской и Витебской Архивныхъ Комиссій, Можайскаго Благотворительнаго Общества, московскаго губернатора В. Ѳ. Джунковскаго, попечителя московскаго учебнаго округа А. Жданова, проф. Д. В. Айналова, проф. Д. И. Багалѣя, проф. М. Н. Бережкова, Е. В. Барсова и А. А. Титова, К. В. Болсуновскаго, М. П. Боткина, проф. В. П. Бузескула, А. И. Вахрамѣева, П. П. Вейнеръ („Старые Годы“), проф. Р. Гаусмана, А. А. Гоздаво-Голомбiovскаго, М. И. Забѣлиной, проф. В. С. Иконникова, проф. Д. А. Корсакова, проф. П. А. Лаврова, проф. Н. П. Лихачева, о. Л. Паевского, проф. Н. И. Петрова, протоіерея Попова (изъ Брянска), доктора Рябинина (с. Мещерское), Н. Ѳ. Рихтера, проф. Д. Я. Самоквасова, протоіерея Семіона Смирнова, А. И. Стоянова и С. Форфоровскаго ¹⁾.

7. Секретарь Общества В. К. Трутовскій доложилъ о результатахъ перваго присужденія золотой медали имени гр. А. С. Уварова, учрежденной Обществомъ въ память 25-лѣтія кончины своего основателя и присуждаемой каждые 3 года, 29 декабря, за лучшее сочиненіе по русской археологіи. Медаль оказалась присужденной проф. В. С. Иконникову за его трудъ „Опытъ русской исторіографіи“ т. II. Объявленіе о присужденіи было встрѣчено аплодисментами присутствовавшихъ и проф. Иконникову была отправлена телеграмма слѣдующаго содержанія: „Въ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти графа, Вамъ присуждена первая золотая медаль его имени за Вашъ „Опытъ исторіографіи“, который является отвѣтомъ на пожеланіе, высказанное графомъ въ 1855 году. Примите же ее какъ дань глубокаго къ вамъ уваженія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Графиня П. С. Уварова“ ²⁾.

8. Секретарь доложилъ результаты конкурса на премію гр. П. С. Уваровой, давшей задачу для сочиненія „Самостоятельное изслѣдованіе московскаго періода древне-русскаго церковнаго зодчества отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка“.

Оказалась присужденной лишь половинная премія за сочиненіе подъ девизомъ „Старина“. По вскрытіи пакета съ этимъ девизомъ авторомъ сочиненія оказался инженеръ М. В. Красовскій ³⁾.

¹⁾ См. приложенія.

²⁾ Правила присужденія и протоколь перваго присужденія см. ниже.

³⁾ См. въ приложеніи, программа, правила и протоколь.

Объявленіе имени было встрѣчено аплодисментами.

9. Секретарь предъявилъ изданія, вышедшія къ 29 декабря: „Древности“. „Труды Имп. Моск. Археол. Общ.“, т. XXII въ 2-хъ выпускахъ, „Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ“, т. III, богато иллюстрированный, и 3 т. мелкихъ, частью неизданныхъ трудовъ гр. А. С. Уварова, изданныхъ гр. П. С. Уваровой. Всѣ эти первые экземпляры были поднесены Обществомъ библиотекъ Историческаго Музея.

10. Въ заключеніе графиня П. С. Уварова произнесла рѣчь на тему „Насколько были исполнены за эти 25 лѣтъ Обществомъ завѣты графа“ ¹⁾).

¹⁾ См. приложенія.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ какъ основатель Историческаго Музея.

Кн. Н. С. Щербатова.

Управленіе Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея съ чувствомъ глубокой благодарности пошло на встрѣчу мысли Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ознаменовать особымъ торжественнымъ соединеннымъ засѣданіемъ сегодняшній достопамятный день 25-лѣтія кончины незабвеннаго графа А. С. Уварова, именно здѣсь—въ Музеѣ, такъ какъ по его мысли создано самое бытіе Музея и его же неусыпными трудами онъ устроенъ.

Здѣсь, въ этомъ залѣ, которымъ Музей обязанъ ему, предъ изображеніемъ его дорогого облика, съ этимъ ласковымъ вдумчивымъ взоромъ, такъ обаятельно дѣйствовавшимъ при его жизни на всѣхъ многочисленныхъ поклонниковъ его, Музей не можетъ не коснуться части приснопамятной созидательной дѣятельности графа, посвященной имъ Музею.

Вся трудовая жизнь его на нивѣ историко-археологической дѣятельности, вполне естественно, влекла его къ внѣдренію въ русское обществѣ интереса и любви къ нашему отечеству, къ родной исторіи, къ своему искусству, къ развитію самопознанія и русскаго самосознанія—симъ великимъ, основнымъ, казалось бы, чувствомъ, но и по сейчасъ недостаточно у насъ развитымъ — на эту косность нашу, на этотъ значительный пробѣлъ въ русскомъ воспитаніи графъ негодовалъ и въ постоянной мысли, какъ побороть этотъ народный грѣхъ передъ своею страной, графъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости созданія въ Москвѣ всероссійскаго древлехранилища, строго научнаго, но могущаго наглядно и въ общедоступной формѣ представить всю исторію Россіи, и тѣмъ способствовать уясненію развитія нашего отечества въ его бытѣ, государственности, религіи, искусствѣ и прочихъ проявленіяхъ его жизни, знаніе, интересъ и любовь къ которымъ и порождаютъ сознаніе чести называть себя сыномъ своего отечества, народную гордость и мощь государства.

Всѣ эти чувства, всегда горѣвшія въ графѣ яркимъ свѣточемъ,

понудили его въ періодъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, не покидая своихъ ученыхъ трудовъ, исполнить свой гражданскій долгъ передъ царемъ и отечествомъ, подобно тому, какъ онъ исполнилъ его и во время Крымской войны, ставъ во главѣ сформированнаго имъ Муромскаго ополченія. Теперь онъ принялъ на себя многотрудную обязанность уѣзднаго предводителя дворянства и взялся за введеніе въ Можайскомъ уѣздѣ земскихъ учреждений. Тутъ, какъ губернской гласный, онъ впервые поднялъ вопросъ о необходимости улучшить народное образованіе, объ увеличеніи числа училищъ и о замѣнѣ малограмотныхъ учителей хорошо подготовленными учительницами.

Въ числѣ лицъ, увлеченныхъ графомъ идеей образованія кадра учительницъ, находилась и Прасковья Ильинична Чепелевская, рѣшившаяся, на свой страхъ, открыть первую женскую учительскую семинарію, дѣйствующую и понынѣ и давшую лучшій контингентъ земскихъ учительницъ.

Борьба о школѣ, поднятая графомъ въ земствѣ, вызвала цѣлую бурю и затянулась надолго, а за это время общность интересовъ графа и Чепелевской сблизила ихъ семьи, при чемъ графъ познакомился и съ братомъ Прасковьи Ильиничны, Николаемъ Ильичемъ Чепелевскимъ.

Въ частыхъ задушевныхъ бесѣдахъ графъ развивалъ здѣсь свои мечты о необходимости созданія Историческаго Музея и такъ воспламенилъ своими идеями Николая Ильича, что тотъ, съ разрѣшенія графа, пока послѣдній занятъ былъ земствомъ, сталъ носиться съ мыслью о Музеѣ и проповѣдывать ее въ разныхъ слояхъ общества и, между другими лицами, сумѣлъ заинтересовать и генераль-адъютанта А. А. Зеленаго, согласившагося стать во главѣ дѣла.

Однако, поспѣшность, съ которой г. Чепелевскій дѣйствовалъ, его неосторожность и малая подготовленность къ рѣшенію научной задачи такой важности, какъ устройство Историческаго Музея, принесли этому дѣлу много вреда и причинили графу въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ много горя, разочарованій и утомленія въ лишней упорной борьбѣ. Борьба оказалась необходимой для спасенія дѣла, тѣмъ болѣе, что Музей уже принятъ былъ подъ высокое покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и, чтобы оправдать это высокое довѣріе, графу пришлось напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать дѣло Музея на научной почвѣ, съ которой намѣревались уже его сдвинуть неопытныя руки.

Но—одинъ въ полѣ не воинъ: дѣло не ладилось и графу не подъ силу было побороть коренные дефекты, положенные въ основаніе всего дѣла проектомъ г. Чепелевскаго. Хотя вся научная сторона дѣла и была поручена графу, хотя оборудованная графомъ ученая комиссія и работала, не покладая рукъ, но заключенія и указанія ихъ зачастую совершенно игнорировались. Значительнымъ тормазомъ являлось и то, что Музей, по мысли того же Чепелевскаго, былъ учрежденіемъ частнымъ и что онъ долженъ былъ быть выстроень и оборудованъ исключительно на частныя же средства.

Деньги, однако, за исключеніемъ совершенно незначущей суммы,

не поступали и на дѣлѣ единственнымъ крупнымъ жертвователемъ явилась Московская городская дума, которая въ бытность городскимъ головою Г. Шумахера, движимая патріотическимъ чувствомъ и въ сознаніи, что уваженіе къ древности есть, несомнѣнно, одно изъ проявленій истиннаго просвѣщенія и что Музей, какъ всероссійскій памятникъ, будетъ свидѣтельствовать о любви народа русскаго къ своему отечеству и объ уваженіи его къ исторической святынѣ и къ подвигамъ предковъ—16 апрѣля 1874 года постановила пожертвовать подѣ Музей лучшее изъ находившихся въ ея распоряженіи свободныхъ мѣстъ, нынѣ занимаемое Музеемъ мѣсто на Красной площади.

Залогъ этой земли въ Кредитномъ Обществѣ и доставилъ капиталъ, на который было выстроено вчернѣ зданіе Музея.

Въ 1880 году средства эти изсякли, а долгъ по залогу требовалъ уплаты; платить было нечѣмъ. Положеніе стало безвыходнымъ. Къ несостоятельности научной прибавилась несостоятельность матеріальная. Правительству пришлось взять Музей въ свои руки.

Письмомъ отъ 31 мая 1881 года министръ финансовъ Н. Х. Бунгэ увѣдомилъ графа, что Государь Императоръ, при разсмотрѣніи условий возможности окончанія устройства Музея, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

- 1) Управление Музея въ бывшемъ его составѣ упразднить.
- 2) Предсѣдателемъ назначить Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича, а графа Уварова его товарищемъ предсѣдателя.
- 3) Для окончанія строительныхъ работъ образовать особую строительную комиссію подѣ предсѣдательствомъ графа.
- 4) Комиссіи поставить въ обязанность озаботиться окончаніемъ къ 1883 г. работъ въ части зданія на Красной площади.
- 5) Ассигновать въ распоряженіе графа 15.000 руб. для изготовленія въ будущемъ году нѣсколькихъ копій съ памятниковъ старины, для размѣщенія ихъ въ тѣхъ залахъ, которыя составятъ начало будущаго Историческаго Музея, и 20.000 руб. на первоначальные строительные расходы, впредь до представленія заключенія технической комиссіи о неотложныхъ работахъ.
- 6) Составить новый уставъ для Музея, имѣющаго быть учрежденнымъ правительствомъ, которому Его Величество соизволилъ даровать названіе: „Императорскій Россійскій Историческій Музей“.

Графъ получилъ зданіе безъ оконъ и дверей и частью безъ крыши. Внутри были также дефекты, которые для пользы дѣла необходимо было капитально исправить, насколько это представлялось возможнымъ.

Принимая въ соображеніе условія, въ которыхъ находилось зданіе, легко представить себѣ, что предстояло совершить графу, чтобы къ маю 1883 года, т.-е. въ два года, завершить зданіе и отдѣлать и открыть 10 залъ Музея; станетъ понятнымъ, какой энергіи, какихъ усилій, какой массы личнаго труда пришлось положить ему, чтобы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Легко сказать — отдѣлать 10 залъ. Отдѣлка эта, въ особенности доисторическихъ залъ, требовала творческой работы, приходилось воскресить, вложить въ эту отдѣлку, такъ сказать,

все искусство доисторическаго человѣка, надлежало создать нѣчто цѣльное и совершенно новое. Въ виду краткости времени пришлось единовременно, въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницей, снимать копии и слѣпки съ замѣчательнѣйшихъ датированныхъ памятниковъ древности долженствовавшихъ занять свои мѣста въ залахъ и, какъ мѣтко выразился графъ, „стать вѣхами“, вокругъ которыхъ постепенно должны были группироваться другіе памятники соответствующихъ эпохъ. Не мало времени заняла разработка археологическаго матеріала сообразно сюжетамъ заказанныхъ графомъ картинъ. Велись переговоры о предоставленіи Музею археологическихъ коллекцій московскаго университета и о покупкѣ другихъ. Въ то же время графъ руководилъ цѣлой серіей раскопокъ, чтобы и посредствомъ ихъ получить недостающія ему древности изъ намѣченныхъ мѣстъ. Наконецъ, графъ лично разработывалъ новый уставъ Музея, самъ составлялъ для предстоящаго изданія памятниковъ описаніе коллекцій каменнаго вѣка и христіанскихъ древностей и, для ускоренія дѣла, самъ же держалъ корректуру всей книги, подолгу просиживая за этой работой въ синодальной типографіи. Наконецъ, по привычкѣ входить во всѣ детали, въ его же присутствіи раскрывались, въ холодныхъ складахъ, всѣ приходившія коллекціи и слѣпки.

Благодаря этимъ трудамъ, къ маю 1883 года всѣ начатыя работы были окончены и заполненные коллекціями залы представляли собой уже научное цѣлое.

27 мая посѣтилъ и осмотрѣлъ Музей Государь Императоръ, и, оставшись вполне удовлетвореннымъ ходомъ дѣла и проводимымъ графомъ характеромъ устройства Музея, Его Величество благодарилъ его и разрѣшилъ открыть Музей для публики.

Однако, эта кипучая дѣятельность, сильная развѣ человѣку во цвѣтѣ лѣтъ, не прошла для графа даромъ, силы его надломились и появились первые признаки его болѣзни. А, между тѣмъ, впереди было еще очень много работы. Хотя работы главнымъ образомъ предстояли строительныя и техническія и слѣдовательно выходили изъ непосредственной компетенціи графа, и онъ могъ бы ихъ предоставить дѣйствовавшей тогда строительной комиссіи, но такъ какъ и эти работы непосредственно соприкасались съ дѣломъ общаго устройства Музея, въ смыслѣ приспособленія всѣхъ деталей зданія къ одной общей цѣли наилучшаго размѣщенія и оборудованія всѣхъ отдѣловъ Музея, то графъ и не считалъ себя вправѣ относиться къ нимъ безучастно.

Къ сожалѣнію, тутъ не обошлось безъ коллизіи чисто хозяйственныхъ интересовъ съ интересами будущей дѣятельности Музея, какъ ее понималъ графъ. Требованіе все подводить подъ урочное положеніе, даже и такія работы, которыя въ оное не укладывались, сдавать художественныя работы—даже заказъ картинъ извѣстнымъ художникамъ—съ квадратнаго вершка, зачастую ставили графу такія препоны, причиняли ему такія непріятности, что къ внутренней болѣзни, требовавшей ухода и спокойствія, прибавились моральныя страданія.

Считая себя обязаннымъ довести дѣло до конца, графъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ оставаться на своемъ посту, но силы стали падать, серьезное лѣченіе и продолжительный отдыхъ стали необходимы. Пришлось уѣхать за-границу. Но и тамъ, за-границей, интересъ къ своему любимому дѣтищу не ослабѣлъ, и графъ велъ съ Музеемъ усиленную переписку; эти заботы не покидали его даже тогда, когда онъ, уже совершенно ослабѣвшимъ, вернулся въ Москву. Духъ еще бодрствовалъ, но жизнь угасала съ каждымъ днемъ. 29 декабря 1884 года графа не стало. Прошло съ этого дня четверть вѣка и свѣточъ, возженный графомъ, не угасъ. Трудный ненормальный періодъ устройства Музея миновалъ. Музей окрѣпъ. Богатства его собраній растутъ съ каждымъ годомъ прогрессивно, и, благодаря вѣрно сознанной графомъ насущной потребности въ созданіи центрального отечественнаго древлехранилища, — подъ сѣнь его, на пользу науки, вносятся дары цѣлыми драгоценными собраніями, — Городскія Чертковская и Голицинская бібліотеки, Музей П. И. Щукина, бібліотеки Бахрушина, Щапова, кн. Барятинскаго, рукописное собраніе Вахромѣева, архивъ барона Розена, а теперь и все научное и трудовое достояніе И. Е. Забѣлина и много другихъ.

Хотя за недостаточностью личнаго состава управленія и средствъ, общественному пользованію доступна только малая часть научныхъ сокровищъ Музея, но, тѣмъ не менѣе, Музей и теперь уже сталъ научнымъ центромъ, — онъ сталъ сокровищницей древняго русскаго творчества, въ которой черпаютъ матеріалы и историки, и художники, и зодчіи, и земства, и театры, и пр.

Въ извѣстныхъ частяхъ нужды Музея и предъявляемая ему обществомъ требованія даже значительно превзошли ожиданія графа.

Читальный залъ бібліотеки спроектированъ графомъ на 60 человекъ; желающихъ же въ немъ заниматься до 300 чел. ежедневно — приходится отказывать. Новый обширный читальный залъ настоятельно необходимъ. Рукописи графъ полагалъ возможнымъ приобщить къ бібліотекъ; въ дѣйствительности собраніе ихъ въ Музеѣ нынѣ столь значительно и богато по содержанію, что образованіе самостоятельнаго отдѣла съ обширнымъ помѣщеніемъ стало неотложнымъ.

Столь же необходимымъ является нынѣ образованіе и особаго помѣщенія для архива.

Нѣтъ, неправы тѣ, что еще такъ недавно высказывали, что Музей выстроенъ на 100 лѣтъ раньше, чѣмъ то слѣдовало, но правъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ, провидѣвшій то, чему мы свидѣтелями.

Воистину, какъ сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ при погребеніи графа протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій: „Созданіе Историческаго Музея — есть вѣнчальный актъ добраго подвига графа — служенія его исторической наукѣ“.

Памяти графа А. С. Уварова.

Д. Н. Анучина.

Выступая на этой кафедрѣ какъ почитатель и бывший сотрудникъ графа А. С. Уварова, я являюсь вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ трехъ научныхъ учреждений: 1) Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, 2) Императорскаго Общества испытателей природы и 3) Распорядительнаго Комитета XII Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей; всѣми этими учреждениями я уполномоченъ заявить о высокомъ уваженіи, которое они питаютъ къ памяти незабвеннаго графа, къ его крупнымъ и важнымъ заслугамъ въ области русской науки.

Фактъ столь широко признанныхъ заслугъ дѣлаетъ излишнимъ для меня повтореніе общеизвѣстныхъ данныхъ о научной дѣятельности покойнаго графа. Я позволю себѣ ограничиться только заявленіемъ, что въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ центральной личностью въ области русскихъ изученій старины, былъ лицомъ, вокругъ котораго объединялись представители русской археологии, исторіи, отчасти также художники и изслѣдователи искусствъ. Это центральное значеніе графа въ продолженіе извѣстной эпохи нашего общественнаго развитія объясняется далеко не однимъ социальнымъ положеніемъ покойнаго; оно вытекало изъ характера научной, организаторской и просвѣтительной дѣятельности графа, обнимавшей, можно сказать, всѣ виды и способы, въ которыхъ можетъ проявляться мысль и энергія собирателя, организатора и изслѣдователя древностей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ можетъ проявляться плодотворная работа въ области археологии? Во-первыхъ, въ собираніи древностей, которое можетъ выражаться какъ въ пріобрѣтеніи уже добытыхъ остатковъ старины, такъ и въ добываніи ихъ вновь путемъ разысканій и раскопокъ. Въ этомъ отношеніи графъ дѣйствовалъ всю жизнь, начавъ съ собиранія нумизматическихъ коллекцій, книгъ, и продолжая ее пріобрѣтеніемъ рукописей, памятниковъ византійскаго искусства, русскихъ курганныхъ древностей, остатковъ каменнаго вѣка, кавказскихъ древностей и т. д. При этомъ онъ не только пріобрѣталъ многія цѣнныя собранія (напримѣръ, собраніе рукописей Царскаго), но

и добывалъ ихъ лично, производя раскопки или разыскивая археологическія сокровища въ иностранныхъ музеяхъ. Но недостаточно собирать древности, необходимо еще сохранять ихъ, устраивать, каталогизировать, описывать. Графъ вполнѣ сознавалъ эту необходимость: древности, имъ собранныя и пріобрѣтенныя, обогатили Румянцевскій и Историческій музеи, образовали музей и библіотеку въ Порѣчьи; описанія ихъ вошли въ рядъ каталоговъ музейныхъ собраний; графъ содѣйствовалъ и каталогизаціи другихъ музеевъ, на примѣръ, Тверского музея. Его же трудамъ обязано, наконецъ, устройство Историческаго музея, для котораго имъ выработанъ былъ планъ размѣщенія древностей, внутренней отдѣлки залъ и заложены первыя основы археологическихъ его собраний. Такимъ образомъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ выдающимся, можно сказать—образцовымъ собирателемъ и устройтеlemъ древностей.

Но собираніе древностей есть, правда, — весьма необходимая и почтенная отрасль археологической дѣятельности, однако, не самая главная. Болѣе высокую ступень занимаетъ изслѣдованіе древностей, изученіе и истолкованіе ихъ. Въ этомъ отношеніи заслуги графа обширны и важны; онѣ выразились въ рядѣ крупныхъ научныхъ трудовъ и во множествѣ болѣе мелкихъ замѣтокъ. При томъ труды эти не касались только одной специальной области изученій, но, въ соотвѣтствіи съ центральной, объединяющей и направляющей дѣятельностью покойнаго, распространялись, можно сказать, на всѣ отрасли археологической науки. Они захватывали и классическія, и византійскія древности, и памятники искусства, и исторію быта; они сосредоточивались наиболѣе на изученіи древностей Россіи; но въ самомъ широкомъ смыслѣ, отъ эпохи каменнаго вѣка до зодчества и иконописи XVII столѣтія, и отъ территоріи центральной Россіи до Крыма, Приуралья, Кавказа и другихъ отдаленныхъ окраинъ. Всѣмъ знакомымъ съ русской археологической литературой извѣстны крупные труды графа по древностямъ южной Россіи, мерянскимъ курганамъ, каменному вѣку, византійской символикѣ.

Но въ археологіи болѣе, можетъ быть, чѣмъ въ какой другой области изученій, важенъ коллективный трудъ собирателей и изслѣдователей; здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, примѣнима поговорка—одинъ въ полѣ не воинъ. Графъ вполнѣ это сознавалъ и всю жизнь прилагалъ старанія и усилія къ привлеченію новыхъ работниковъ и къ объединенію уже имѣющихся, къ поощренію и поддержкѣ археологическихъ изысканій. Еще въ молодости имъ были основаны при Петербургскомъ Археологическомъ Обществѣ преміи, вызвавшія цѣнныя труды покойнаго И. Е. Забѣлина; позже имъ были основаны преміи при Императорской Академіи Наукъ для поощренія работъ въ области русской исторіи и археологіи. Въ Москвѣ имъ было основано Археологическое Общество, къ участию въ которомъ имъ были привлечены всѣ соотвѣтственныя научныя силы Москвы, причемъ онъ старался привлечь и молодыхъ ученыхъ, если видѣлъ въ ихъ дѣятельности задатки дальнѣйшаго развитія на пользу Общества и науки. Заботамъ

графа Общество обязано было своими первыми успѣхами и тѣмъ значеніемъ, которое оно получило, какъ совокупностью своихъ трудовъ, такъ и тѣмъ плодотворнымъ участіемъ, которое оно приняло въ дѣлѣ охраны памятниковъ русской старины, въ возбужденіи вопроса о постановкѣ памятника первопечатнику Ивану Федорову и т. д.—Но для большей успѣшности въ разысканіи и изученіи древностей, для распространенія изслѣдованій на всю Россію и ея окраины, для пропаганды идеи о важности изученія старины какъ для науки, такъ и для упроченія правильнаго историческаго самосознанія, дѣятельности одного Московскаго Археологическаго Общества было мало. Необходимо было привлечь къ изученію старины разбросанныя по всей Россіи мѣстныя силы, вызвать мѣстную самодѣятельность, ознакомиться съ древностями различныхъ краевъ, — и въ этихъ видахъ были основаны археологическіе съѣзды, которые, собираясь періодически въ разныхъ городахъ Россіи, могли бы расширять и углублять дѣло археологическаго изученія Россіи и археологіи вообще. При ближайшемъ участіи графа состоялись съѣзды въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ, Одессѣ, обогатившіе науку рядомъ цѣнныхъ монографій и внесшихъ много новаго и цѣннаго въ изученіе древностей. На всѣхъ этихъ съѣздахъ графъ былъ центральной организационною личностью, вокругъ которой объединялись всѣ изслѣдователи и любители старины, и которая привлекала даже иностранныхъ ученыхъ, видѣвшихъ въ графѣ наиболѣе авторитетнаго представителя и руководителя русской археологической науки.

Преждевременная смерть графа нанесла тяжелый ударъ русской археологіи, но все, заложенное имъ, оказалось настолько прочнымъ, что ничто не завяло, не остановилось, а, напротивъ, стало усиленно развиваться, слѣдуя оставленнымъ имъ завѣтамъ. Московское Археологическое Общество, подъ руководствомъ ближайшей сотрудницы покойнаго, графини П. С. Уваровой, значительно расширило и углубило свою дѣятельность; съѣзды, при неизмѣнной энергіи той же графини, обошли цѣлый рядъ городовъ (Ярославль, Москву, Вильну, Ригу, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Черниговъ), собираясь непремѣнно черезъ три года и существенно обогащая своими „Трудами“ нашу археологическую литературу; Императорскій Историческій Музей непрерывно обогащается и развивается, осуществляя завѣты его перваго устроителя, и вообще дѣло собранія и изученія русскихъ древностей идетъ впередъ, слѣдуя по путямъ, указаннымъ и проложеннымъ покойнымъ графомъ. Въ этомъ осуществленіи намѣченныхъ задачъ тѣнь покойнаго можетъ находить себѣ удовлетвореніе; дѣло его оказалось крѣпкимъ и плодотворнымъ, и намъ, бывшимъ сотрудникамъ и продолжателямъ графа, остается только слѣдовать тѣмъ же путямъ, стремиться къ осуществленію тѣхъ же задачъ, по возможности расширяя и углубляя ихъ, въ соотвѣтствіи съ развивающимися потребностями науки и съ расширяющимися областями археологическихъ изученій.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ и его собраніе рукописей.

М. Н. Сперанскаго.

Графъ А. С. Уваровъ—спеціалистъ археологъ и прежде всего въ той отрасли этой науки, которую условно можно назвать „матеріальной, вещественной археологіей“: большинство его трудовъ, доступныхъ обществу въ изданіяхъ, прежде всего отправляются отъ древняго предмета, который путемъ анализа изслѣдователь заставляетъ рассказывать прошлое изъ жизни человѣчества. Эта „матеріальная“ археологія составляла и составляетъ въ значительной степени предметъ занятій основаннаго и руководимаго цѣлый рядъ лѣтъ гр. Уваровымъ Общества: по признанію историка Общества, за первыя 25 лѣтъ его существованія „памятники письма и языка, составляющіе предметъ собранія, изданія и изученія многихъ ученыхъ учреждений и обществъ въ Россіи,—менѣе сосредоточивали на себѣ вниманіе членовъ М. А. О., чѣмъ памятники вещественные“ („Ист. Зап.“, 29—30). Среди трудовъ гр. Уварова также найдемъ, если взять ихъ перечень, сравнительно очень немного посвященныхъ спеціально памятникамъ языка и письма („Ист. Зап.“, библ. указ., 42). Но было бы большой ошибкой и несправедливостью по отношенію къ гр. Уварову выводить отсюда, что онъ не интересовался либо мало интересовался памятниками письма и языка: это значило бы сѣзуть то широкое пониманіе термина „археологія“, носителемъ и выразителемъ котораго былъ гр. А. С. Уваровъ¹⁾.

Уже самая широта задачъ, которыя ставилъ гр. Уваровъ археологіи, какъ наукѣ, не допускаетъ такого узкаго, односторонняго представленія объ его дѣятельности; а свойства тѣхъ вопросовъ, которые интересовали графа въ области древности, каково, напр., христіанское и русское искусство, въ особенности послѣднее въ связи съ общей

¹⁾ Объ этомъ см. въ статьѣ Д. Н. Анучина въ сборникѣ „Незабвенной памяти графа А. С. Уварова“ (рѣчи 28 февраля 1885 г. въ И. М. А. О.) стр. 27. Ср. „Труды III Арх. Съѣзда“, стр. XIX и XXII („Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи..?“—рефератъ гр. А. С. Уварова).

исторіей русскаго прошлаго,—вопросы эти могли быть разрѣшаемы въ большинствѣ случаевъ лишь на почвѣ сравнительнаго изученія „вещевого“ памятника и его „словеснаго“ выраженія, т.-е. тѣхъ памятниковъ письма и языка, въ которыхъ прежде всего и ближе всего находимъ уясненіе, истолкованіе того міропониманія, идейнаго склада человѣка, эпохи, создавшихъ дошедшій до насъ „вещественный“ памятникъ. И гр. Уваровъ, посвятившій не мало трудовъ сложному и во многомъ еще до сихъ поръ темному вопросу о символикѣ въ древне-христіанскомъ и русскомъ искусствѣ, является недюжиннымъ знатокомъ не только „вещественнаго“ памятника—миніатюры и иконы,—но и литературы, сюда относящейся и привлекаемой имъ по первоисточникамъ съ роскошью спеціалиста и „по письму и языку“. Таковы, такъ сказать, теоретическія наблюденія надъ взглядомъ гр. Уварова на „памятники письма и языка“. Но этимъ однимъ далеко не исчерпывается заслуга гр. Уварова передъ русской наукой, въ частности наукой „о письмѣ и языкѣ“: онъ не только, пользуясь памятниками письма и языка, вносилъ освѣщеніе и разрабатывалъ, такимъ образомъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и русскую письменную древность: ему принадлежитъ заслуга также энергичнаго и щедрнаго собирателя письменныхъ памятниковъ и отчасти ихъ издателя: гр. Уваровъ оставилъ послѣ себя въ Порѣчьи не только замѣчательный музей матеріальной древности и искусства, но и громадное собраніе рукописей, самое крупное изъ всѣхъ частныхъ рукописныхъ собраній и по количеству собранныхъ въ немъ рукописей и по значенію сохраненныхъ тамъ памятниковъ письма и языка. Собраніе это, мало того, что, какъ хранитель прошлаго нашей исторіи и литературы, какъ коллекція, составляетъ фактъ въ нашей наукѣ, но—и это главное—оно, благодаря гр. Уварову и его наслѣдникамъ, хранящимъ свято его завѣты, не осталось, подобно инымъ частнымъ собраніямъ, мертвымъ капиталомъ для русской науки: будучи, по его собственнымъ словамъ, убѣжденъ, что „изданіе рукописей составляетъ существенную потребность при занятіяхъ русскою исторіею и словесностью... графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ рѣшился предпринять изданіе замѣчательнѣйшихъ рукописей своего собранія“; при чемъ изданіе памятниковъ историческихъ принялъ на себя самъ владѣлецъ собранія, поручивъ изданіе памятниковъ словесности спеціалисту (впослѣдствіи академику) М. И. Сухомлинову. Такъ сказано въ предисловіи къ изданнымъ по рук. гр. Уварова и на его средства твореніямъ Кирилла Туровскаго еще въ 1858 г., подъ заглавіемъ: „Рукописи графа Алексія Уварова“, т. II, вып. I.

Къ сожалѣнію, широко задуманное, строго научно начатое изданіе такъ и остановилось на этомъ единственномъ выпускѣ; повидимому, другія заботы, можетъ быть, возникшая и уже въ 1864 году начавшая осуществляться мысль основанія Археологическаго Общества и затѣмъ работы по Обществу отвлекли гр. Уварова отъ задуманнаго изданія¹⁾. Но

¹⁾ Недавно, впрочемъ, мысль графа объ изданіи важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ его собранія начала отчасти осуществляться: я имѣю въ

прекращеніе начавшагося изданія замѣчательнѣйшихъ рукописей собранія гр. Уварова не лишило громаднago значенія это собраніе: прекративъ изданіе, гр. Уваровъ сдѣлалъ свое собраніе, оставаясь его владельцемъ, доступнымъ для всѣхъ, кто интересуется памятниками письма и языка: начиная съ 60-хъ гг. истекшаго столѣтія и по настоящій день, безъ риска впасть въ преувеличеніе можно утверждать, ни одинъ русскій ученый, которому приходилось и приходится обращаться къ памятникамъ древней письменности, ни одинъ не обошелся безъ пользованія рукописями гр. Уварова. Если бы составить списокъ всѣхъ, кто обращался къ собранію Уварова и оттуда извлекалъ матеріалъ для своихъ работъ, то съ увѣренностью можно сказать, списокъ этотъ былъ-бы въ то же время едва-ли не полнымъ спискомъ русскихъ ученыхъ историковъ и особенно историковъ литературы за послѣднее полустолѣтіе русской науки.

То значеніе, какое прочно утвердилось въ русской наукѣ за уваровскимъ собраніемъ рукописей, ясно показываетъ, что собраніе рукописей для гр. Уварова не было лишь дѣломъ прихоти богатаго любителя-коллекціонера, не было дѣломъ собранія рукописей для своихъ занятій только, а разсматривалось имъ, какъ дѣло общественное, какъ служеніе научнымъ стремленіямъ русскаго общества: иначе, онъ не поставилъ бы свое частное собраніе въ положеніе публичнаго, государственнаго, собранія.

Все сказанное о дѣятельности гр. Уварова по отношенію къ памятникамъ письма и языка даетъ право, даже обязываетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на главной сторонѣ этой дѣятельности—на исторіи составленія этого замѣчательнаго собранія рукописей—и на самомъ собраніи, его составѣ и тѣхъ памятникахъ, которые вошли въ него.

Исторія созданія порѣцкаго рукописнаго собранія, какъ фактъ русской науки, тѣсно связана съ исторіей возникновенія у насъ интереса къ изученію древней письменности, стоитъ въ связи съ исторіей разработки памятниковъ древней литературы: въ этомъ отношеніи дѣятельность гр. Уварова есть одинъ изъ послѣдующихъ фактовъ движенія, начало котораго восходитъ еще къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XVIII в. и первымъ въ XIX-мъ, отмѣчено для насъ именами гр. Н. П. Румянцева и его сподвижниковъ. Гр. Уваровъ, начавъ собирать рукописныя сокровища, былъ только однимъ изъ младшихъ (сравнительно) дѣятелей этой эпохи; и, видимо, подъ вліяніемъ настроеній румянцевскаго времени, и у него возникла мысль стать собирателемъ музея и бібліотеки и отчасти стать археографомъ¹⁾. Поскольку извѣстно намъ,

виду „Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты историческіе (опис. И. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ)“ (М. 1905), гдѣ всѣ документы 1482—1612 гг. напечатаны полностью и точно, болѣе поздніе—частью въ извлеченіяхъ, а наиболѣе изъ нихъ интересные также полностью (см. стр. 1—107, 379—439).

¹⁾ Такимъ образомъ, я, видя въ дѣятельности гр. А. С. органическую и историческую связь съ эпохой и дѣятельностью гр. Н. П. Румянцева, иначе понимаю сопоставленіе этихъ поборниковъ просвѣщенія, нежели какъ простую

гр. А. С. Уваровъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца интересъ къ древности, искусству, вмѣстѣ съ крупными матеріальными средствами, собраніемъ древностей, преимущественно античныхъ и западно-европейскихъ памятниковъ искусства, и библіотекой, преимущественно по классическимъ и иноземнымъ литературамъ¹⁾, еще при жизни С. С. Уварова († 14 сентября 1855 г.) начинаетъ осуществлять свой планъ — собраніе рукописей и библіотеки русской, находясь еще на службѣ по разнымъ министерствамъ въ Петербургѣ²⁾. Повидимому, однимъ изъ первыхъ рукописныхъ приобрѣтеній гр. А. С. Уварова, основой его собранія рукописей была покупка³⁾ имъ большого собранія рукописей (около 800 №№) извѣстнаго московскаго собирателя и любителя книжной старины И. Н. Царскаго († 1853 г. 15 іюля), составлявшееся имъ въ теченіе болѣе 40 лѣтъ и уже описанное почти цѣликомъ П. М. Строевымъ („Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому“. М. 1848). Собраніе это — однѣ, впрочемъ, рукописи⁴⁾ — куплены и увезены были въ Спб. гр. А. С. Уваровымъ въ февралѣ 1853 года⁵⁾.

Слѣдующимъ крупнымъ приобрѣтеніемъ гр. А. С. была покупка части собранія извѣстнаго этнографа и собирателя устной и письменной старины И. П. Сахарова († 1863). Собраніе было довольно значительное: въ 1846 г. у Сахарова, по свидѣтельству В. М. Ундольскаго⁶⁾, было болѣе 300 номеровъ; изъ нихъ около 80 №№ было приобрѣтено въ библіотеку гр. Уварова⁷⁾; покупка была сдѣлана уже послѣ

аналогію, основанную на внѣшнемъ сходствѣ, какъ это дѣлалось въ статьяхъ, посвященныхъ памяти графа въ 1885 г. (ср. *Д. Языкова*, „Ученыя заслуги графа А. С. Уварова“ („Ист. Вѣстн.“ 1885, т. XIX, стр. 392) и *Е. В. Барсова*, „Незабвенной памяти гр. А. С. Уварова“, стр. 70).

¹⁾ См. „Учен. Зап.“ И. Ак. Наукъ по II отд., кн. II, вып. I (1856), стр. СXXXVI (Воспоминанія И. И. Давыдова) и СXL.

²⁾ Служебная дѣятельность гр. А. С. Уварова въ Спб. кончилась въ 1857 г., въ 1859-мъ — вообще гражданская его служба.

³⁾ За 25 тысячъ рублей; см. „Русск. Вѣд.“ 1885 г. № 3 (Д. Н. Анучина); ср. „Памяти гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 19. Ср. также въ дневникѣ Погодина: „Вечеромъ былъ у Уварова молодого. Онъ перекупилъ собраніе рукописей Царскаго, а я выжидалъ время... Онъ заплатилъ 25 тысячъ р. серебромъ“. *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина, XII, 377.

⁴⁾ Старопечатныя книги, числомъ 286, также описаны были П. М. Строевымъ: „Описаніе старин. книгъ И. Н. Царскаго“. М. 1836.

⁵⁾ См. Ж. М. Н. П. 1853 г. № 7 (ч. LXXIX), смѣсь, стр. 31—32. Составитель некролога И. Н. Царскаго въ концѣ его замѣчаетъ: „О судьбѣ и назначеніи собранныхъ покойнымъ книгъ старопечатныхъ, славянскихъ и гражданскихъ — въ настоящее время ничего сказать не можемъ“; ср.: „Библіотека старопечатныхъ книгъ осталась собственностью наслѣдниковъ покойнаго собирателя“. (*С. П. Шевыревъ*, Ист. рус. слов., изд. 2 (М. 1859), стр. XLIV). Такимъ образомъ, выходитъ, что гр. А. С. прибрѣтены лишь рукописи, которыя и до сихъ поръ все въ его собраніи.

⁶⁾ Библіогр. розысканія — „Москвитянинъ“ 1846 г., 20 стр. отд. отд.

⁷⁾ Точной цифры установить не удалось по каталогу собранія гр. Уварова, составленному арх. Леонидомъ; цифры рукописей отдѣльныхъ собраній, поступившихъ въ каждый изъ 18 отдѣловъ уваровскаго собранія, приводятся арх. Леонидомъ въ началѣ описанія cadaго отдѣла, но точностью не отличаются; напр., въ отд. XIV указано 8, на дѣлѣ 15 рукописей И. П. Сахарова; для отд. XVII

1855 года ¹⁾. Собраніе Сахарова, насколько намъ извѣстно ²⁾, особой древностью текстовъ не отличалось, но замѣчательно было по содержанию собранныхъ въ немъ памятниковъ, часто въ автографахъ (напр., Каріона Истомина).

Не менѣе цѣннымъ для уваровскаго собранія было поступленіе въ него небольшой коллекціи рукописей А. С. Норова, давно уже пріобрѣтшей извѣстность въ ученомъ мірѣ, благодаря описанію ихъ, сдѣланному знаменитымъ соратникомъ гр. Н. П. Румянцева, А. Х. Востоковымъ ³⁾. Коллекція А. С. Норова состояла всего изъ 18 рукописей, которыя цѣликомъ и вошли въ составъ уваровскаго собранія ⁴⁾; но эти немногія рукописи, какъ по древности, такъ и по своимъ особенностямъ принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ болгарской и сербской письменности; цѣнность ихъ увеличивается еще и тѣмъ, что всѣ эти рукописи пріобрѣтены (въ 1834—5 гг.) въ Палестинѣ, главнымъ образомъ—въ лаврѣ св. Саввы, куда онѣ постепенно заносились славянскими паломниками, отмѣчая, т. о., любопытные факты сношеній юга славянства съ Палестиной. Достаточно упомянуть, что среди этихъ 18 рукописей мы находимъ болгарскую псалтирь XIII в. съ замѣчательнымъ орнаментомъ въ заставкѣ ⁵⁾, того же времени Евангелія, Октоихъ, здѣсь же замѣчательный сербскій Прологъ XIII в. и т. д.

Когда было сдѣлано пріобрѣтеніе норовскаго собранія графомъ

(сборники) указано, что изъ собранія И. П. Сахарова поступило 10 рукописей; на дѣлѣ же изъ самаго описанія отдѣльныхъ рукописей видно, что ихъ было не менѣе 15; изъ числа рукописей Хлѣбникова въ этомъ отдѣлѣ не указано ни одной, тогда какъ на дѣлѣ № 2078 числится поступившимъ отъ него. Тоже съ рукописями Норова: въ отдѣлахъ X (гдѣ не упомянуто 3 рукоп.), XII (не отмѣчено рук. Норова подъ № 973—знаменитый прологъ XIII в.). По подсчету арх. Леонида въ составъ уваровскаго собранія изъ коллекціи Сахарова вошло 69 №№; на дѣлѣ же, несомнѣнно, больше. Съ другой стороны какъ извѣстно (см. Иконниковъ В. С., Исторіографія I, 1, стр. 793), что послѣ 59 г. (можетъ быть, послѣ смерти Сахарова) въ И. П. Б. поступило изъ собранія Сахарова 52 рукоп. и 224 акта. Кое-что, кажется, изъ сахаровскихъ рукописей куплено было И. А. Шляпкинымъ (Спб.), а кое-что поступило и въ Рум. Музей (Иконниковъ, Истор. I, 1, стр. 846). Т. о., замѣчаніе А. Н. Пыпина (Ист. рус. этн. I, 281) о покупкѣ сахаровскаго собранія гр. Уваровымъ нуждается въ ограниченіи.

¹⁾ Въ числѣ рукоп., пріобрѣтенныхъ отъ Сахарова, на одной (№ 1928—167) изъ нихъ запись рукой Сахарова о пріобрѣтеніи имъ этой рукописи въ Москвѣ 1855 г. сент. 25 дня. Впрочемъ, можно предполагать, что или покупка производилась гр. Уваровымъ частями, или Сахаровъ перепродавалъ рукописи Уварову, по мѣрѣ ихъ пріобрѣтенія; въ письмѣ 4/VI 1849 г. И. П. Сахаровъ увѣрялъ Погодина, что онъ свою бібліотеку рукописей продалъ графу А. С. Уварову.—*Барсуковъ Н.*, Жизнь и труды Погодина, X, 462.

²⁾ Напр., по описанію части его, вышедшей въ 1839 г. (Спб.—Славяно-русскія рукописи, отд. первое), а также судя по экземплярамъ, попавшимъ къ гр. Уварову.

³⁾ См. Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XI, II, стр. 529—547, перепечатка—въ „Уч. Зап.“ А. Н. по II Отд., кн. II, 2, стр. 96—108.

⁴⁾ Это по Леонидовскому описанію №№ 6, 38, 55, 733, 623, 973, 108, 57, 848, 740, 11, 62 и др.

⁵⁾ См. снимокъ у Леонида, Описаніе рукоп. I, при стр. 9.

А. С. Уваровымъ, точно мнѣ неизвѣстно; но можно съ увѣренностью сказать, что оно изъ раннихъ ¹⁾.

Изъ другихъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ уваровскаго собранія (не говоря объ отдѣльныхъ №№), можно упомянуть о рукописяхъ Хлѣбникова (Н. П.), иначе С. Д. Полторацкаго, въ количествѣ около 25 ²⁾, гр. Аракчеева—8 №№ и др. ³⁾.

Какъ быстро шло собираніе рукописей у энергичнаго графа А. С., видно уже изъ того, что въ 1858 г. его собраніе насчитывало до 1700 №№, какъ узнаемъ объ этомъ изъ предисловія къ упомянутому выше изданію сочиненій Кирилла Туровскаго. Позднѣе приростъ собранія шелъ уже медленнѣе: за послѣдующія 26 лѣтъ жизни гр. Уварова собраніе достигло цифры 2250 рукописей, т.-е. прибавилось всего 550 штукъ. Причина этого, повидимому, не въ томъ, что собирательскій пылъ ослабѣлъ у гр. Уварова, что его интересы обратились въ другую сторону, а въ измѣненіи общихъ условій собиранія рукописей у насъ, какъ мы это сейчасъ будемъ имѣть случай увидѣть: гораздо меньше стало встрѣчаться рукописей въ продажѣ, старые запасы поразошлись по рукамъ, число собирателей, лицъ и учреждений, стало больше, и собиратели стали больше хранить собранное, менѣе охотно разставаясь съ накопленнымъ добромъ.

Таковы внѣшніе факты, поскольку они извѣстны въ печати, созданія рукописнаго собранія гр. А. С. Уварова. Выше было упомянуто, что на эту сторону ученой дѣятельности графа правильнѣе смотрѣть, не только какъ на дѣятельность, подобную румянцевской, но и какъ на продолженіе этой дѣятельности — идейное, откуда объяснится и упомянутое внѣшнее сходство. Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева выражалась главнымъ образомъ въ возбужденіи интереса къ собиранію, изученію и изданію памятниковъ русской древности; результатомъ этого были, какъ извѣстно, такъ называемыя археографическія экспедиціи, образованіе румянцевскаго кружка ученыхъ съ К. Θ. Калайдовичемъ, П. М. Строевымъ, А. Х. Востоковымъ и др. въ числѣ работниковъ, затѣмъ — Румянцевскій музей съ его собраніемъ рукописей, учрежденіе Археографической Комиссіи, изданіе цѣлаго ряда важнѣйшихъ памятниковъ литературы и исторіи, каковы: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, Памятн. російской словесности XII вѣка и др. Однимъ изъ видныхъ послѣдствій этой дѣятельности „на благое просвѣщеніе“ было развитіе русскихъ науч-

¹⁾ А. С. Норовъ († 1869) продалъ свою первоначальную бібліотеку кн. Н. И. Трубецкому (и отъ него купилъ гр. А. С. Уваровъ?), а вторичная его бібліотека уже въ 1863 г. поступила въ Рум. Музей. В. С. Иконниковъ, Исторіогр. I, 2, стр. 1256.

²⁾ Судя по Леониду, 21 рукопись (въ отд. XIV в. изданія).

³⁾ Изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, отъ которыхъ получалъ графъ А. С. рукописи (судя по записямъ на нихъ), можно назвать: кн. Лобанова-Ростовскаго, Лебедева, гр. С. Г. Строганова, П. М. Строева, А. Θ. Малиновскаго, Мельникова (Печерскаго), о. Леонида, Максима Бѣляева (старообрядца изъ Каз. губ.), (см. Иконниковъ, Исторіографія, I, 2, стр. 1328), бар. Розенкампа (№ 556), В. М. Ундольскаго (№ 1296) и др. Ср. Описаніе рук. гр. А. С. Уварова, I, стр. V.

ныхъ сношеній съ западомъ, въ частности со славянствомъ, появленіе цѣлаго ряда собирателей древнихъ памятниковъ, прежде всего письменности; 20-ые и 30-ые годы прошедшаго столѣтія—время увлеченія коллекціонерствомъ этого рода, время возникновенія крупнѣйшихъ частныхъ (частью ставшихъ общественными впослѣдствіи) собраній рукописей, каковы, напр., *Θ. Толстого*, *М. Погодина*¹⁾, *А. Лобкова*, *Кастерина*, *А. Норова*, *Царскаго*, *Строева*²⁾ и др. Это все—наслѣдіе общественнаго настроенія конца XVIII в. (такихъ, напр., любителей, какъ *гр. Мусинъ-Пушкинъ*, *проф. Баузе*), поддержанное событіями 1812 года и дѣятельностью *гр. Румянцева*, *митр. Евгенія (Болховитинова)*³⁾. Младшимъ, слѣдующимъ, поколѣніемъ этихъ дѣятелей были наши собиратели и ученые археографы, продолжавшіе дѣло, прочно поставленное *гр. Н. П. Румянцевымъ*: это—собиратели и издатели 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, каковы (кромѣ *Погодина*): *В. М. Ундольскій*, извѣстный создатель собранія рукописей, составляющихъ до сихъ поръ украшеніе *Румянцевскаго музея*; начавши собирать рукописи въ 1840—42 гг., онъ въ 1845 г. имѣлъ уже ихъ до 200, въ 1852 г. уже до 1000, а ко времени его смерти († 1864) цифра рукописей его собранія достигла уже 1350⁴⁾; рядомъ съ этимъ *В. М. Ундольскій* является однимъ изъ крупнѣйшихъ изслѣдователей-библіографовъ⁵⁾, издателемъ новыхъ памятниковъ и т. д. Такими же изслѣдователями и собирателями, расширившими районъ своей дѣятельности за предѣлы Россіи и, такимъ образомъ, продолжавшими дѣло *Румянцева* по части славянства и Византіи, являются *В. И. Григоровичъ*, собирающій въ 1844—46 г. славянскія, главнымъ образомъ, рукописи по Балканскому полуострову⁶⁾, *А. Θ. Гильфердингъ*, въ 50-хъ гг. составившій свое замѣчательное собраніе юго-славянскихъ рукописей⁷⁾, *П. И. Севастьяновъ*,

1) Оба собранія, какъ извѣстно, вошли въ составъ *И. Публ. Библ.*

2) Въ 1842 г. она куплена была *Погодинымъ (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Строева“, стр. 389).*

3) Подробнѣе на этой эпохѣ не останавливаюсь въ виду существованія трудовъ въ этомъ отношеніи, каковы: *В. С. Иконникова, „Гр. Н. П. Румянцева“ („Рус. Стар.“ 1881, IX—X; также см. его большую „Исторіографію“ т. I, 1), Барсукова Н. П.: „Жизнь и труды П. М. Строева“, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, Е. Ф. Шмурло „Митр. Евгеній, какъ ученый“, Н. С. Тихонравова (Соч. II, 276) и мн. др.*

4) См. „Славяно-русскія рукописи“ *В. М. Ундольскаго* (М. 1870), стр. I. Это собраніе болѣе другихъ по составу и характеру напоминаетъ *уваровское*, уступая ему, однако, въ объемъ и, въ частности, въ количествѣ чисто историческихъ документовъ, занявшихъ столь видный отдѣлъ у *гр. А. С. Уварова* (см. „Описаніе актовъ собранія *гр. А. С. У.*“).

5) См. его „Библіогр. разысканія“, начавшіяся въ 1846 г. и впослѣдствіи собранныя въ одну книгу, кажется, *А. И. Хлудовымъ* и *А. Поповымъ*.

6) Собраніе *Григоровича* разбилось на части между *Рум. муз.* и *Одесскимъ университетомъ*, главнымъ образомъ; см. Отчетъ *Р. М.* за 1876—78 г.; ср. Лѣтопись *И. Ф. Общ. при Новорос. унив.*, I (1890).

7) Собраніе также разбилось на части между *И. Публ. бібліотекой* (см. Отчетъ ея за 1868 г., стр. 10) и собраніемъ *А. И. Хлудова* (теперь *Единов. мон.* въ Москвѣ); см. *А. Н. Попова „Описаніе рукоп. Хлудова“* (М. 1872), предисловіе.

собиравшій матеріалы (въ видѣ фотографій, снимковъ и рукописей, иконъ), главнымъ образомъ, на Аѳонѣ въ 50-хъ гг.¹⁾ Къ этому же времени относятся собранія И. Д. Бѣляева (Рум. муз.), Д. П. Пискарева (тамъ же), Т. Ѳ. Большакова (тамъ же), кажется, И. Е. Забѣлина²⁾, И. П. Сахарова. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ уже собираютъ рукописи и старину Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. И. Буслаевъ и др. Вотъ въ эту-то семью собирателей и въ то же время изслѣдователей и издателей входитъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ качествѣ виднаго ея представителя и гр. А. С. Уваровъ, сразу ставшій, благодаря покупкѣ рукописей Царскаго, однимъ изъ крупнѣйшихъ собирателей, усвоившій направленіе времени и въ другомъ отношеніи: гр. Уваровъ не только собираетъ матеріалы, начинаетъ ихъ изданіе, но, подобно Румянцеву, является также и археографомъ-меценатомъ: на его средства и при его участіи снаряжается, какъ извѣстно, экспедиція для изслѣдованія древностей южной Россіи (1847), результатомъ которой является его „Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи“ (1851, 1856), напечатанное на средства его-же³⁾; въ 1856 г. графъ предлагаетъ средства П. М. Строеву на изданіе Тверской лѣтописи⁴⁾ и т. д. Тотчасъ же по возникновеніи собраніе гр. Уварова служитъ источникомъ для научныхъ занятій по различнымъ вопросамъ литературы и исторіи: въ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ съ конца 50-хъ и нач. 60-хъ гг. встрѣчаемъ уже ссылки на собраніе гр. Уварова, тексты оттуда-же⁵⁾. Наконецъ, съ эпохой Румянцева связываетъ гр. Уварова и то обстоятельство, что къ нему, такъ сказать, перешли отношенія Румянцева къ его сотрудникамъ (разумѣется, поскольку они были въ живыхъ въ 50-хъ годахъ): устанавливаются тѣсныя сношенія научныя, въ которыхъ археографическіе интересы играютъ видную роль, какъ и у Румянцева, съ Погодинымъ, П. Строевымъ, А. Куникомъ и др.⁶⁾ Такимъ образомъ, гр.

¹⁾ Та же судьба постигла и это собраніе: его унаслѣдовалъ частью Рум. музей (см. Отчетъ музея 1873—75 г.) и Академія Художествъ.

²⁾ Въ 50-хъ годахъ этимъ собраніемъ пользуется А. Н. Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ „Очеркѣ“ (Спб. 1858), см. стр. 21.

³⁾ Пам. гр. А. С. Уварова (Казань, 1885), стр. 11—12.

⁴⁾ См. *Н. П. Барсукова* „Жизнь и труды П. М. Строева“ (Спб. 1898), стр. 491. Но дѣло не состоялось въ значительной степени по винѣ Строева. Рукоп. лишь въ 1863 г. издана А. Ѳ. Бычковымъ.

⁵⁾ Напр., въ 1858 г. Б. В. Кене ищетъ въ собр. Уварова указаній для опредѣленія года рожденія Филарета Никитича (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Строева“, стр. 566). А. Н. Пыпинъ въ своемъ „Очеркѣ стар. пов. и сказокъ русскихъ“ (Спб. 1858, стр. 21) пользуется рукописями Царскаго, перешедшими къ гр. Уварову. Около того же времени Н. С. Тихонравовъ работаетъ надъ отреченными книгами и готовитъ къ печати тексты ихъ, пользуясь тѣмъ же собраніемъ (см. Пам. отр. лит. [1863], I, 259, II, 248, 285, 372, 396, 422). О болѣе позднихъ изслѣдователяхъ, пользовавшихся рукоп. гр. А. С. Уварова, см. выше.

⁶⁾ Ср. *Н. П. Барсуковъ* „Жизнь и труды Погодина“, IX, 182—185; сближеніе съ Погодинымъ началось уже въ 1847 г. (см. письмо С. С. Уварова къ Погодину у Барсукова, стр. 184); съ Куникомъ, повидимому нумизматикой, графъ занимался еще раньше (ср. тамъ же, стр. 185). Съ археографомъ румянцевскимъ, П. М. Строевымъ, гр. А. С. Уваровъ сблизился также довольно рано: около 1855 г.

А. С. Уваровъ, унаслѣдовавъ въ идеѣ основы дѣятельности Румянцева, унаслѣдовалъ даже до извѣстной степени и сотрудниковъ. Но это наслѣдство, не только въ области науки о прошломъ вообще, но и въ частности археографіи и изученія памятниковъ письма и языка, не осталось у гр. Уварова безъ движенія: продолжая дѣятельность Румянцева, гр. Уваровъ сдѣлалъ слѣдующій шагъ въ развитіи русской науки, вызываемый естественнымъ ходомъ русской общественной научной мысли, именно: графъ Уваровъ является основателемъ у насъ, какъ извѣстно, не только археологіи вообще, но прежде всего русской археологіи, сохраняя въ то же время всю широту этого научнаго направленія, иначе сказать: въ науку археологіи гр. Уваровъ внесъ, и при томъ сознательно, идею народности. Въ этомъ случаѣ онъ является научнымъ истолкователемъ той идеи, носителемъ которой въ области просвѣщенія вообще и административной дѣятельности былъ его отецъ, классикъ и въ то же время націоналистъ-патріотъ. Въ области исторической науки эта идея національности, какъ выраженіе національнаго самосознанія, отчетливо впервые стала проводиться гр. А. С. Уваровымъ. Это уже носилось въ воздухѣ: гр. Уваровъ въ своей дѣятельности практически сталъ осуществлять эту идею, но безъ тѣхъ крайностей и односторонностей, какими страдало это примѣненіе въ другихъ областяхъ жизни, конечно, въ зависимости отъ обстоятельствъ, ничего общаго съ наукой и просвѣщеніемъ не имѣющихъ¹⁾. Не замыкая себя въ рамки національной исключительности, въ рамки того или иного общественнаго теченія (напр., славянофильства или западничества, или патріотизма въ духѣ Погодина и его кружка), А. С. Уваровъ въ своей дѣятельности удачно сочеталъ идею національности съ идеей, если такъ можно выразиться, всеобщности; онъ прежде всего служить русской наукѣ, но служить и міровой, постоянно привлекая и эту послѣднюю для пользы той же русской; таковы, какъ извѣстно, его работы по христіанскимъ древностямъ, по византійскому искусству²⁾. Этому-то именно пониманію задачъ русской науки, какъ мнѣ кажется, мы обязаны возникновеніемъ и созданіемъ рукописнаго собранія гр. Уварова. Его отецъ, гр. С. С. Уваровъ, въ своихъ ученыхъ трудахъ вращался въ международной области классицизма и западно-европейской литературы, платя этимъ дань своему времени, въ практической дѣятельности насаждая тотъ же классицизмъ, желая привить его русской школѣ, и теоретически проводя въ школу идею народности³⁾. Сыну онъ оставилъ собраніе классическихъ древностей, бо-

между ними возникаетъ уже переписка; въ 56 г. Уваровъ покупаетъ у Строева старые виды и планы Москвы за 230 р. (см. *Н. Барсуковъ*, „Жизнь и труды Строева“, стр. 521).

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у А. Н. Пыпина: „Ист. этногр.“, т. I.

²⁾ Въ этомъ отношеніи очень поучительна параллель къ взглядамъ гр. А. С. Уварова во взглядахъ его современника В. И. Григоровича, высказаннымъ этимъ послѣднимъ по поводу своихъ впечатлѣній отъ Рима въ 40—41 гг. (см. „Лѣт. И. Ф. Общ. при Новорос. унив.“, I [1890], стр. 22—23).

³⁾ Ср. „Памяти. гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 79.

гатую бібліотеку классиковъ и западно-европейскихъ писателей. Гр. А. С. является, какъ сказано, практическимъ выразителемъ въ области науки идеи народности: унаслѣдованный отъ отца интересъ къ классической древности онъ переноситъ на русскую почву, начавъ свою археологическую дѣятельность съ изученія классическихъ же древностей, но сохранныхъ на югѣ Россіи¹⁾, а въ области археографіи онъ пошелъ по слѣдамъ гр. Румянцева, въ то же время, по наслѣдству отъ С. С. Уварова, практически осуществляя внесеніе этой идеи, но не въ школу, а въ науку: рядомъ съ занятіями русскими древностями, рядомъ съ бібліотекой и музеемъ отца, онъ созидаетъ во много разъ большую бібліотеку русскихъ книгъ и рукописей и музей русскихъ древностей.

Такъ, въ связи съ идейнымъ настроеніемъ времени и личнымъ гр. А. С. Уварова возникло и, при энергіи и средствахъ собирателя, создано замѣчательное собраніе рукописей русскихъ и, неразрывно въ прошломъ связанныхъ съ ними, славянскихъ. Значеніе этого собранія, помимо ближайшей цѣли, которую оно преслѣдовало—собираніе матеріаловъ исторіи и литературы стараго времени,—археографіи въ тѣсномъ смыслѣ, этимъ однимъ не исчерпывается: оно служитъ гр. Уварову и для другихъ задачъ, входящихъ въ вѣдѣніе археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова: я имѣю въ виду работы по исторіи искусства, всегда интересовавшей графа, работы по „матеріальной“ археологіи, опирающіяся на рукописный матеріалъ. Въ подобныхъ работахъ особенную цѣнность представляютъ такъ называемыя лицевыя рукописи и рукописи съ бытовымъ содержаніемъ²⁾. Рукописями

1) Ср. отзывъ П. М. Леонтьева объ „Ислѣдованіи о древностяхъ южной Россіи“ въ кн. „Пам. гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 12.

2) Пользуюсь случаемъ дать небольшую справку о лицевыхъ рукописяхъ собранія гр. А. С. Уварова, составленную на основаніи описанія ихъ арх. Леонида. При пересмотрѣ этого описанія мною отмѣчены на 2250 общаго числа рукописей болѣе 70 съ лицевыми изображеніями, или рукописей лицевыхъ (я, разумѣется, сюда не включаю орнаментированныхъ рукописей, т.-е. съ болѣе или менѣе крупными заставками, рисованными инициалами; число ихъ, конечно, очень значительно). Изъ этого числа болѣе 70 рукописей особенно древнихъ указать нельзя (старшія относятся къ XV в.); преобладаетъ среди нихъ XVIII вѣкъ. Даю списокъ этихъ рукописей, указывая № по описанію Леонида, отмѣчая вѣкъ и группируя рукописи по сюжетамъ:

Библия: № 2—(XVIII в.).

Псалтирь: 15 (Годуновская, конецъ XVI в.), 24, 30, 32 (XVII в.), 671 (1491 г.), пс. ислѣдованная).

Евангеліе: 46 (XV в.), 87 (XVI в.), 57, 99 (XVII в.), 69 (XVI в.), 73 (1558 г.). (О Еванг. 46, 69, 73—см. Е. К. Рѣдина, въ XXI т. „Древностей“).

Апокалипсисъ: 121, 122, 123, 2034, 2079 (XVIII в.), 154, 158, 159, 160 (XVIII—XIX в.).

Синодикъ: 937 (XVII в.), 940 (1704 г.), 943, 948 (XVIII в.), 950, 951, 952 (XIX в.).

Подлинникъ иконописный: 1280 (1666 г.), 1285 (XVII в.), 1289 (XVIII в.).

Житія: 1067 (Іоан. Злат., XVII в.), 1075 (Онуфрій и Аѳанасій, XVI в.), 1077 (Харлампій, 37 миниатюръ, XIX в.), 1068 (Василій Амасійскій, XVI в.), 1081 (Варлаамъ и Іосафъ, XVII в.), 1086, 1088 (Нифонтъ, XVIII в.), 1094 (Андрей юродивый, поморск. письма), 1103 (Алексѣй Б. ч., XVII в.), 1110 (Сергій Радон., нов.

лицевыми своего собранія, равно какъ и текстами своихъ не лицевыхъ рукописей, графъ давно уже пользуется для своихъ работъ, главнымъ образомъ, по русской старинной символикѣ; такъ, для примѣра, можно указать на его статью: „Вѣтеръ.—Изъ русской символики“ („Рус. Арх.“ 1864 г., № 7—8), гдѣ авторъ, для иллюстраціи продолженія, развитія старой традиціи приводитъ изображеніе вѣтровъ по миниатюрѣ Псалтири собственнаго собранія ¹⁾; или же въ статьѣ: „Образъ Ангела-хранителя съ похождениями“, объясняетъ икону ²⁾ „Словомъ отъ видѣнія ап. Павла“, которое и печатаетъ по „Измарагду“ XVI в. своей библіотеки ³⁾; наконецъ, изъ тѣхъ же рукописей своего собранія (№ 114, по Леониду) онъ объясняетъ содержаніе рисунка символической школы XVII в. ⁴⁾. Такимъ образомъ, и съ этой стороны собраніе рукописей и ихъ собираніе графомъ органически входитъ въ общую программу его занятій археологіей.

Не повторяя, уже сказаннаго и того, что представляется общеизвѣстнымъ, о значеніи въ ученомъ мѣрѣ собранія рукописей гр. А. С. Уварова, закончу небольшой характеристикой самого собранія по его содержанію и подбору въ немъ памятниковъ письма и языка. Если бы мы пожелали квалифицировать собраніе гр. Уварова съ внѣшней стороны и примѣнили бы при этомъ тотъ неточный ⁵⁾, хотя на первый взглядъ и наглядный, критерій, который не такъ давно примѣнялся (кажется, и теперь еще примѣняется), именно: процентное отношеніе рукописей пергаминныхъ (а потому и древнихъ, въ большинствѣ случаевъ) къ бумажнымъ въ собраніи, то получили бы слѣдующее: на 2250 номеровъ мы получимъ лишь 46 пергаминныхъ рукописей ⁶⁾; цифра — сравнительно небольшая; взятая же безъ-относительно — до-

вр.), 1121 (Зосима, и Савватій, XVII в.), 1125 (то же, XVIII в.), 1170 (Варлаамъ Хут., XVIII в.). 1174 (Антоній Сійскій, XVII в.), 1206 (Евфросинія Сузд., XVIII в.).

При сочиненіяхъ: 192 (Іоаннъ Лѣств., XV в.), 172 (Ефремъ Сир., XVII в.), 199 (Патер. Римск.: Григорій и Петръ, XVI в.), 254 (Димитрій Рост., XVIII в.), 314 (Іоаннъ Златоустъ, XVII в.), 2026 (Григорій, ученикъ Василія Новаго, XVIII в.).

Отдѣльныя рукописи: 685 (Святцы, XVII в.), 863 (Службы XVI в. Богородицѣ), 1259 (Тихвинск. ик., 1696 г.), 894 (Минея служ. XVI—XVII в.), 1304 (Палея толк. XVI в.; о ней статья Е. К. Рѣдина), 1318 (Александрія, XVIII в.), 1435 (Мамаевщина, XVII в.; о ней—С. К. Шамбинаго), 1730 (Козьма Индикопл., 1495 г.), 1732 (то же, XVI в.), 1760, 1761 (Григоровичъ-Барскій), 1773 (Петръ Дамаск., XVII в.), 2048 (Трифонъ Коробейн., XVIII в.), 2082 (Видѣніе Козьмы, 1845 г.), 1898 (Сборн. XVII в.), 1947, 1973, 2046, 2064 (Сборники XVIII в.).

¹⁾ Это—по Леониду—№ 15.

²⁾ „Рус. Арх.“, 1864 г., вып. I.

³⁾ По Леониду, это—№ 309.

⁴⁾ „Археол. Изв. и Зам.“, 1896 г., № 4.

⁵⁾ Признать его точнымъ мѣшаетъ отсутствіе твердой связи между матеріаломъ и временемъ рукописи: если въ XI, XII, XIII и XIV вв. (не всегда) писали на пергаминѣ, то не всякая рукопись на пергаминѣ можетъ быть относима къ этимъ вѣкамъ: въ Молдавіи еще въ XVI и XVII вв. пишутъ уставомъ и на пергаминѣ (см. № 77, 126, 764, 771 у Леонида и № 120—тамъ же, рукоп. 1625 г.).

⁶⁾ По подсчету на основаніи таблицъ въ началѣ cadaго изъ 18 отдѣловъ описанія арх. Леонида.

Древности, т. XXIII, в. I.

вольно значительная, принимая во вниманіе общеизвѣстную рѣдкость пергаминныхъ рукописей, а также время, когда составлялось въ массѣ собраніе рукописей графа; и, дѣйствительно, большинство пергаминныхъ рукописей попало къ нему отъ Царскаго и Норова, т.-е. отъ давнишнихъ собирателей, легче добывавшихъ подобныя рѣдкости. Другой принципъ внѣшней оцѣнки рукописей — это число датированныхъ рукописей: онъ опредѣляетъ цѣнность собранія по количеству точнаго матеріала и по значенію этого матеріала для цѣлей палеографіи ¹⁾; въ этомъ отношеніи мы получимъ уже бѣольшую цифру: по моему подсчету — 185, и эти датированныя рукописи идутъ на пространствѣ конца XIV в. и до прошедшаго ²⁾; на этомъ пространствѣ встрѣчаемъ довольно много датированныхъ текстовъ XV в., также XVI-го, очень много XVII-го. Т. о., эта одна сторона уваровскаго собранія показываетъ, что оно можетъ доставить, на ряду съ другими общественными собраніями, солидный матеріалъ для палеографіи, исторіи языка. Это его значеніе расширится, если мы примемъ во вниманіе, хотя не датированныя, но опредѣленные по вѣкамъ рукописи, при томъ часто интересныя по мѣстностямъ, гдѣ онѣ писаны; въ этомъ отношеніи уваровское собраніе выиграетъ еще больше: старѣйшія его рукописи восходятъ къ XIII вѣку и даютъ письмо не только русское, но югославянскія. Такъ, къ XIII в. относятся 5 рукописей, къ XIV-му — уже 25, къ XV-му — 84; остальные къ XVI—XIX в. По языку мы находимъ, кромѣ русскихъ: болгарскія (№№ 6—XIII в., 38—XIII в., 55—XIII—XIV в., 108—XV в.), сербскія (№№ 974—XIV в., 733—XIII—XIV в., 57—XV в., 11, 623—XVI в., 754—1602 г.) ³⁾; отдѣльную, богато представленную группу составляютъ своеобразныя рукописи молдавскаго письма (№№ 7, 10, 16, 17, 18, 71, 77, 98, 626, 704, 771), часто писанныя на пергаминахъ, несмотря на сравнительно позднее происхожденіе (XVI в.) ⁴⁾. Такимъ образомъ, собраніе даетъ матеріалъ не только для палеографіи разныхъ странъ, гдѣ писалось кириллицей, но и для языка, не только русскаго (съ его нарѣчіями), но и для югославянскихъ, весьма древняго времени этой письменности.

Наиболѣе правильная оцѣнка рукописнаго собранія, помимо указанныхъ его, пожалуй, второстепенныхъ, достоинствъ, заключается въ оцѣнкѣ содержанія сохраняемыхъ имъ памятниковъ письменности и языка въ широкомъ значеніи этого слова. Но оцѣнка эта въ то же время и наиболѣе затруднительна, особенно примѣнительно къ такому сложному по составу и объему собранію, каково настоящее: перечислить все, что въ немъ находится для исторіи, исторіи литературы,

¹⁾ Ср. этотъ принципъ въ основѣ изданія *Specimina Palaeogr.* Саввы. (Памяти преосв. Саввы и др. изд. М. А. О.; моя статья: „Палеогр. труды Саввы“).

²⁾ Старшая датированная рукопись, сколько я замѣтилъ, — Евангеліе 1392 г., новгородскаго письма (№ 86).

³⁾ Всѣ рукописи идутъ преимущественно изъ норовскаго собранія.

⁴⁾ Ср. выше. Молдавскія рукописи идутъ въ большинствѣ случаевъ изъ собранія Царскаго.

церкви и быта, значило бы перечислить почти всѣ рукописи, въ собраніе вошедшія: поневолѣ приходится ограничиться лишь намеками и примѣрами, которые иллюстрировали бы содержаніе уваровскаго собранія. Прежде всего достаточно обратить вниманіе на громадный каталогъ, составленный арх. Леонидомъ, на тѣ 18 отдѣловъ, на которые по содержанію пытался разбить описываемыя рукописи о. Леонидъ; но этими отдѣлами исчерпать не удалось содержанія всего матеріала¹⁾, даже введя такую группу, какъ „сборники“, рядомъ со „свѣщ. писаніемъ“, „исторіей гражданской“ и т. д. Не смотря на всѣ свои несовершенства²⁾, каталогъ этотъ приводитъ къ весьма внушительному представленію о содержаніи собранія гр. Уварова: почти невозможно указать въ области древней письменности такого памятника (я, конечно, не имѣю при этомъ въ виду такіе уники, какъ „Слово о полку Игоревѣ“, „Поученіе Мономаха“ и т. п.) или, лучше, такой группы памятниковъ, которые бы не имѣли представителя, иногда даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ собраніи гр. Уварова; съ другой стороны, нѣкоторыя группы представлены съ замѣчательной полнотой и разнообразіемъ; наконецъ, въ немъ найдемъ и такія рукописи, которыя составляютъ не только величайшую рѣдкость, но и прямо уники, каковы, напр., автографы дѣятелей стараго времени. Для наглядности приведу нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ отдѣлѣ свѣщ. писанія найдемъ три экз. списковъ книгъ ветхаго завѣта, изъ коихъ одинъ полный; списки же ветхозавѣтныхъ книгъ представляютъ явленіе далеко не частое въ собраніяхъ³⁾; евангелій, довольно часто встрѣчающихся въ собраніяхъ, уваровская коллекція имѣетъ цѣлыхъ 75, изъ коихъ цѣлыхъ 7 относятся къ XIII и XIV вв. Возьмемъ извѣстное „Зерцало“: его найдемъ 10 экземпляровъ, изъ коихъ три отличаются замѣчательной полнотой, заключаая въ себѣ болѣе, нежели по 800 главъ; Кормчихъ, начиная съ XIV в. и по XVIII-й, собраніе насчитываетъ около 20 штукъ, не считая другихъ каноническихъ сборниковъ; хронографы разныхъ редакцій представлены цѣлыми 45 списками; отдѣльно Александріи—7-ю; тутъ же найдемъ „Временникъ“ Георгія Амартола 1456 года—рѣдко находимый въ собраніяхъ. Житійная литература, такъ богато представленная въ собраніяхъ Ундольскаго и Тихонравова⁴⁾, представлена не менѣе обильно и въ собраніи гр. А. С. Уварова: до 70 житій отдѣльныхъ святыхъ (иныхъ въ 2-хъ, 3-хъ и даже 5 экз.), не считая цѣлыхъ

¹⁾ О причинахъ этого см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1894 г., № 3—4.

²⁾ Напр., отсутствіе общаго подробнаго указателя статей и рукописей, неполноту частныхъ указателей, что значительно затрудняетъ пользованіе каталогомъ.

³⁾ Напр., въ коллекціи Ундольскаго, при 1350 рукописяхъ, болѣе или менѣе обширномъ собраніи библейскихъ книгъ, нашлось только 3 экз.; въ собр., очень богатомъ, А. И. Хлудова, не оказалось ни одного; въ собр. Румянцова всего три. А. В. Михайловъ, привлекающій по возможности всѣ списки книгъ ветх. завѣта при своемъ изданіи книги Бытія, въ Россіи и за границей могъ насчитать всего до 30 списковъ (Книга Бытія, вып. I [Варш. 1900], стр. 1).

⁴⁾ См. рукописи Ундольскаго (М. 1870), стр. 15—17; Отчетъ Рум. и Публ. Муз. 1904 г., стр. 11—13.

сборниковъ, содержащихъ житія или опредѣленныхъ собраній житій (каковы: патерики разныхъ составовъ, пролога (ихъ 56), миней-четви (ихъ цѣлыхъ 10 книгъ), такъ называемые „житійники“). Духовно-поэтическая литература (куда относятся, напр., апокрифы) не менѣе богата и цѣнна: достаточно указать, напр., на извѣстный Тульскій сборникъ¹⁾, на рѣдкій и по редакціи пока единственный списокъ Книги Еноха праведнаго (№ 3) XV в., на Толковую Палею съ миниатюрами XVI в. и т. д. Наконецъ, къ числу уникъ надо отнести такія рукописи, какъ автографъ Каріона Истомина, Григоровича Барскаго и др.

Этихъ примѣровъ, число коихъ можно увеличить во много разъ²⁾, достаточно, чтобы, если не ознакомиться, то, по крайней мѣрѣ, составить себѣ нѣкоторое представленіе о дѣйствительномъ богатствѣ собранія. Поэтому понятно, что съ первыхъ же поръ своего существованія, еще во время своего роста, оно стало уже необходимымъ источникомъ для занятій, какъ самого владѣльца, такъ и русской науки вообще; и это послѣднее стало возможно потому, что гр. А. С. Уваровъ съ первыхъ шаговъ своего собиранія широко раскрылъ двери своей сокровищницы для всякаго, кто искалъ знанія; этимъ онъ исполнялъ свой долгъ передъ обществомъ, передъ наукой. Двери эти, благодаря ему и его наслѣдникамъ, остаются отверстыми и до сего дня. И долго, долго еще порѣцкое собраніе, созданное энергіей и благородствомъ А. С. Уварова, будетъ продолжать начатое имъ служеніе русской наукѣ, заставляя насъ съ вѣчной благодарностью вспоминать своего создателя.

1) О немъ см. выше; изъ него много извлекъ Н. С. Тихонравовъ въ своихъ Пам. Отр. лит.

2) Напр., можно бы указать на замѣчательный по величинѣ и разнообразію содержанія отдѣлъ сборниковъ библіотеки: въ немъ (по подсчету Леонида) 317 номеровъ (не считая тѣхъ, которые Леонидъ разнесъ по другимъ отдѣламъ, руководясь преобладающимъ въ нихъ содержаніемъ). Эти сборники начинаются съ знаменитаго сборника Царскаго (№ 361; по Леониду 1770) XIV в. (на пергаминахъ) и № 362 (по Леониду 1772), по которому О. М. Бодянский („Чтенія О. И. и Д. Р.“ 1848 г. кн. 7) печаталъ „Славянорусскія сочиненія въ пергаминахъ сборникъ И. Н. Царскаго“, — и кончаются рядомъ сборниковъ новаго времени. Собиратели очень цѣнили (и справедливо) этотъ родъ рукописей-сборниковъ, охотно ихъ пріобрѣтали. Гр. А. С. Уваровъ въ этомъ отношеніи превзошелъ своихъ товарищей по собирательству, пріобрѣтя собранія Царскаго, Сахарова (дорожжившихъ также сборниками): одинъ изъ наиболѣе богатыхъ сборниками коллекціонеровъ, В. М. Ундольскій, имѣлъ ихъ только болѣе 230, и ни одного изъ нихъ не было XIV вѣка (см. „Рукоп. В. М. Ундольскаго“, М. 1870, стр. 36 прибавленія А. Е. Викторова).

Графъ А. С. Уваровъ, какъ теоретикъ археологіи ¹⁾.

Н. Н. Ардашевъ.

Воспомявая сегодня графа А. С. Уварова, 25-лѣтіе со дня кончины котораго дало намъ не забыть, а только глубже сознать всю величину этой утраты для археологіи, мы достойно вспомнимъ наступающую послѣ завтра первую годовщину по смерти И. Е. Забѣлина, другаго радѣтеля археологіи, сокрушавшагося о томъ, что „при постоянныхъ частныхъ разработкахъ нашихъ древностей, у насъ еще такъ мало говорили объ общемъ, и стремившагося, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить этотъ существенный для науки пробѣлъ.“ ²⁾

Вышеприведенныя слова, конечно, не относились и не относятся къ гр. А. С. Уварову. Покойный графъ-археологъ ничуть не принадлежалъ къ числу людей, которые „никогда не думаютъ надъ тѣмъ, что творять“,—*wer nie bedacht, was er vollbringt*.

„Общее“... Да, наука можетъ пользоваться только такими частными

¹⁾ Благодаря любезности предсѣдателя Археологическаго Общества, графини П. С. Уваровой, авторъ имѣлъ возможность воспользоваться, для своей рѣчи, корректурными листами изготовлявшагося ею къ юбилейному дню монументальнаго „Сборника мелкихъ трудовъ и статей по теоретическимъ вопросамъ“ графа А. С. Уварова, вмѣстѣ съ „Матеріалами для біографіи“.

Въ III-мъ томѣ этого „Сборника“, кромѣ перепечатаннаго доклада графа на третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г. подъ заглавіемъ „Что должна обнимать программа для преподаванія Русской Археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распределена эта программа?“, впервые опубликованы чрезвычайно цѣнныя „Лекціи“ графа, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ въ 1879 году, и особая статья его „Русская Археологія“.

Авторъ имѣлъ случай сослаться также на статью графа (1869 г.) во II-мъ томѣ „Сборника“ подъ заглавіемъ „Международный Съѣздъ въ Копенгагенѣ“ и на протоколы засѣданій третьяго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, напечатанныя въ „Трудахъ“ этого Съѣзда.

²⁾ Авторъ, „Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, какъ теоретикъ археологіи (отъ археологіи до исторіософіи)“. 1—148 с. М. 1909. И въ „Древностяхъ“ И. М. А. О., т. XXII. вып. 2.

наблюдениями, которые находятся въ связи съ какими-либо общими положениями. „Достоинъ сожалѣнія взглядъ,—говоритъ историкъ философіи въ связи съ культурой и наукою Виндельбандъ,—будто науку можно сгрести изъ отдѣльныхъ фактовъ, какъ соръ, сметаемый въ кучу метлой“.

Графъ А. С. Уваровъ тоже отмѣчалъ, что „русская археологія не сложилась еще въ стройную науку, не имѣетъ строгой научной формы“, и стремился вывести „молодую науку“ изъ такого положенія. Непрерывно занятый „частною разработкой нашихъ древностей“, онъ въ то же время не упускалъ изъ виду и „общаго“. Онъ находилъ, что *„вопросы общіе... составляютъ жизненную потребность развитія археологической науки“*; что безъ нихъ, все равно, нельзя обойтись; что всегда съ ними приходится имѣть дѣло. И здѣсь, поэтому, какъ въ зрѣлыхъ наукахъ, подобно, на примѣръ, филологіи, археологу надлежитъ дѣлать одно изъ двухъ: или „примѣнять общія правила“ своей науки къ оцѣнкѣ археологическихъ предметовъ, или, наоборотъ,—изъ разслѣдуемыхъ предметовъ „извлекать общія правила и понятія, общія для всей науки“. Въ противномъ случаѣ, положеніе археологіи оставалось бы всегда такимъ, какимъ оно было ранѣе.

„Всѣ почти изслѣдованія по русскимъ древностямъ ограничивались доселѣ или описаніемъ отдѣльныхъ памятниковъ или составленіемъ отдѣльныхъ монографій по нѣкоторымъ отраслямъ русской археологіи. При такомъ специальномъ направленіи, каждый изслѣдователь придерживался своего метода и проводилъ свое личное воззрѣніе на памятникъ, описывая его, какъ совершенно отдѣльную единицу въ наукѣ, не соображаясь при этомъ или даже не имѣя причины соображать, какое положеніе занимаетъ этотъ отдѣльный памятникъ въ связи съ общимъ строемъ русской археологіи. Понятно, что, при такихъ специальныхъ трудахъ, не могли выработаться никакія *общія воззрѣнія* ни на систему, ни на объемъ русской археологической науки, хотя въ отдѣльныхъ этихъ изслѣдованіяхъ много намѣчено уже изъ того, что должно служить въ послѣдствіи для окончательнаго объясненія настоящей задачи отечественной археологіи... Но пока у насъ не подводились еще итоги такимъ *общимъ понятіямъ о самой наукѣ*“.

Вступая на этотъ новый еще у насъ путь, графъ Алексѣй Сергѣевичъ предварительно обращаетъ свой взглядъ на современное ему положеніе археологической науки на Западѣ, которое не вполне удовлетворяетъ его.

Не говоря уже о томъ, что „во всей Европѣ въ прошломъ столѣтіи понятіе объ археологическомъ памятникѣ не было еще вполне разъяснено“, даже въ трудахъ до своего времени онъ тамъ не всегда находилъ „точное разграниченіе того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ археологія“. Затѣмъ, онъ обозрѣваетъ „развитіе понятія о русской археологіи“, начиная открытіемъ въ 1726 г. Академіи Наукъ съ историческимъ отдѣломъ, въ трудахъ котораго, благодаря Байеру, появляются первыя „изслѣдованія чисто-археологическаго содержанія“, при чемъ приходитъ къ заключенію, что у насъ „не было самостоятельнаго опредѣленія этой науки“, да и не могло выработаться ника-

кое самостоятельное понятіе какъ о задачѣ, такъ и объ объемѣ этой науки“, такъ какъ у насъ „слишкомъ мало доселѣ занимались археологіею“, въ смыслѣ „общей археологіи“.

Что такое археологія, какъ наука? Какой у нея предметъ? Въ чемъ задача этой науки? Каковъ у нея методъ? Какъ широкъ ея объемъ? Какое она имѣетъ отношеніе къ исторіи? Вотъ тѣ общіе теоретическіе, въ нѣкоторомъ родѣ философскіе, вопросы, которые ставитъ себѣ графъ Уваровъ.

Здѣсь прежде всего графъ ищетъ „точного разграниченія понятій“. „Странное явленіе,—воскликаетъ онъ, отмѣчая стремленіе на Западѣ отнести къ области археологіи только памятники искусства и дать остальной смѣси памятниковъ названіе „древностей“,—странное явленіе, что одинъ и тотъ же народъ имѣлъ подъ двумя различными названіями отдѣльныя отрасли одной и той-же науки; напримѣръ, для древняго міра появились сочиненія о греческихъ древностяхъ и о греческой археологіи, о римскихъ древностяхъ и римской археологіи“!

„Употребленіе въ наукѣ неточнаго выраженія необходимо влечетъ за собою и другія не научныя выраженія“, — продолжаетъ онъ. „Отъ неяснаго пониманія какъ объема, такъ и задачи этой науки возникли такія предубѣжденія“, которыя съ трудомъ „приходится опровергать“.

Это—предубѣжденіе въ большой публикѣ, среди которой „археологическія знанія“ считаются какими-то специальными предметами, или не доступными или, скорѣе, не любопытными для лицъ, не посвятившихъ себя исключительно изученію этой науки“. Это—предубѣжденіе, въ которомъ можно упрекнуть и „ученый міръ“ за его „несправедливость къ различнымъ источникамъ археологической науки“, такъ какъ, сравнительно съ памятниками письменными (въ самомъ тѣсномъ ихъ значеніи, т.-е. съ рукописями), памятники вещественные далеко не такъ основательно изслѣдованы“. Въ этомъ отношеніи „многимъ казалось даже страннымъ ставить на одну и ту же степень важности рукописные остатки старины съ вещественными, не отдавая себѣ отчета, что огромное количество пробѣловъ въ нашихъ лѣтописяхъ пополняется или разъясняется единственно только свидѣтельствомъ вещественныхъ памятниковъ“. Историки даже „не хотѣли (и доселѣ иные, прибавимъ отъ себя, не хотятъ) признать тѣ выводы, которые доставляются изслѣдованіями кургановъ, пещеръ или другихъ вещественныхъ источниковъ археологіи“.

Что же такое археологія? Какъ именно опредѣляетъ графъ Уваровъ „понятіе объ археологической наукѣ“? Какимъ образомъ раскрываетъ онъ и формулируетъ „общія основныя понятія объ объемѣ и задачахъ археологической науки“? „Объемъ самой науки, — говоритъ онъ, — тѣсно связанъ съ яснымъ пониманіемъ задачи“. „Для достиженія того и другого необходимо сперва уяснить себѣ настоящее значеніе археологическихъ памятниковъ“, т.-е. прямого предмета археологіи. Въ связи съ этимъ, конечно, стоитъ и методъ археологической науки. Такимъ образомъ „ясность задачи и объема археологіи вполне зависитъ отъ того, какъ стали смотрѣть на эти памятники“.

Итакъ, уясненіе дѣла начинается съ вопроса, что такое археологическій *памятникъ*? Какое „понятіе археологическаго памятника“ устанавливается графомъ?

Въ глазахъ науки памятникъ есть свидѣтель прошедшей жизни. „Произведенія художественной дѣятельности народа, зданія и другіе памятники, — говоритъ графъ Уваровъ, — ... суть *лучшіе свидѣтели* его нравственной жизни и умственнаго развитія“.

Никакія изслѣдованія прошлаго „немыслимы безъ *свидѣтельства* памятниковъ“ того или иного рода. Каждый археологическій памятникъ—свидѣтель, поэтому, „хранить“ въ себѣ тайну отдаленныхъ вѣковъ. То, что онъ хранитъ въ себѣ, это, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ можетъ и „открыть“. Тогда вмѣстѣ съ тѣмъ археологическій памятникъ „дѣлается и *источникомъ*“ для изученія, возстановленія прошлой жизни. Здѣсь „самый важный вопросъ состоитъ въ опредѣленіи тѣхъ памятниковъ, которые можно считать источниками для археологіи. Всѣ ли памятники, безъ исключенія, могутъ считаться источниками для археологіи? И не требуется ли отъ этихъ памятниковъ *извѣстныхъ условій*, при содѣйствіи которыхъ памятники дѣйствительно получаютъ значеніе научныхъ источниковъ?“

„Не каждый остатокъ древняго быта имѣетъ научное значеніе для археологіи, а только тотъ остатокъ для нея важенъ, который дѣйствительно способствуетъ къ достиженію извѣстнаго научнаго вывода. Такимъ образомъ, древній желѣзный гвоздь, найденный гдѣ-нибудь нечаянно, не можетъ привести ни къ какому научному результату; между тѣмъ какъ тотъ же самый гвоздь, если онъ найденъ въ древней могилѣ, несомнѣнно указываетъ на эпоху желѣзнаго вѣка, къ которой должна быть отнесена открытая могила, и вслѣдствіе такого результата желѣзный гвоздь дѣлается памятникомъ археологическимъ.—Отвалившійся кусокъ штукатурки съ слѣдами живописи не имѣетъ самъ по себѣ никакого научнаго значенія, если мы не знаемъ, на какомъ мѣстѣ онъ найденъ и на какой глубинѣ. Но когда такой кусокъ стѣнописи открывается, напримѣръ, въ развалинахъ Десятинной церкви и на глубинѣ древняго помоста этой церкви, то изъ этой находки положительно можно заключить, что внутреннія стѣны древняго храма украшены были стѣнописью, и что найденный кусокъ принадлежалъ къ этой стѣнописи“.

„Если извѣстныя условія такъ важны для выясненія научнаго значенія вещественнаго предмета, какъ памятника археологическаго, то для памятниковъ собственно письменныхъ и устныхъ эти условія еще болѣе необходимы. Такъ, письменные памятники часто передаютъ въ спискахъ позднѣйшихъ свѣдѣнія о такой старинѣ древняго быта, отъ которой не сохранилось ни единаго свидѣтельства въ современныхъ рукописяхъ. Тогда всякія точныя свѣдѣнія, указывающія на имя писателя, на время, когда написана была первоначальная рукопись, на мѣсто, гдѣ она была написана, служатъ драгоценными данными для освѣщенія полнаго научнаго значенія этого письменнаго памятника“.

„То же самое можетъ быть сказано и о памятникахъ устныхъ.“

Въ нихъ только потребность такихъ положительныхъ свѣдѣній еще оцутительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ археологическомъ памятникѣ. Устные памятники, какъ преданія или воспоминанія, запечатлѣвшіяся въ памяти народа, сами по себѣ такъ подвержены измѣненіямъ, толкованіямъ или даже искаженію, черпаютъ свое научное значеніе единственно только изъ полной извѣстности ихъ происхожденія. Безъ знанія времени, мѣста и причины происхожденія устныхъ памятниковъ, они утрачиваютъ для археологіи всякое значеніе. Вообще, для всѣхъ остатковъ древняго быта, какого бы рода они ни были, необходимы извѣстныя условія, при которыхъ только они могутъ считаться настоящими археологическими памятниками“.

„Отсюда видно, что археологическимъ памятникомъ слѣдуетъ признать только тотъ остатокъ вещественный, только то письменное извѣстіе или устное свѣдѣніе, которыя поясняютъ намъ культурное состояніе древняго быта какого-либо народа въ извѣстную эпоху“. „Отсюда слѣдуетъ, что большее или меньшее значеніе каждаго остатка древности зависитъ вполнѣ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, которыя можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

а) знаніе, на какомъ *мѣстѣ* найденъ былъ или сдѣланъ былъ этотъ памятникъ;

б) при какихъ обстоятельствахъ и въ какой *обстановкѣ* найденъ былъ этотъ памятникъ;

в) къ какому *времени* онъ принадлежитъ, и, наконецъ, — формулируемъ на основаніи собственныхъ словъ графа, —

г) каково ихъ *происхожденіе*, т.-е. къ какому „писателю“ или „народу“ они относятся.

„При достовѣрной извѣстности этихъ четырехъ главныхъ условій, самый, повидимому, незначительный остатокъ старины можетъ служить намъ важнымъ источникомъ для археологіи. Кусокъ дерева или кусокъ камня, при такихъ условіяхъ, неоспоримо доказываетъ намъ существованіе деревяннаго или каменнаго зданія на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ пояснить время, въ которое были воздвигнуты эти зданія и даже отчасти можетъ указывать на художественную сторону такихъ построекъ въ данную эпоху. Между тѣмъ, при полной неизвѣстности этихъ трехъ-четырехъ условій, кусокъ дерева или кусокъ камня лишаются всякаго научнаго значенія и остаются только простыми кусками дерева или камня“.

„Наконецъ, точное знаніе этихъ же четырехъ условій доставляетъ намъ убѣжденіе въ неоспоримой *подлинности* изучаемаго памятника, составляющее самое драгоцѣнное свѣдѣніе для развитія всякой науки“.

Все это,—мы знаемъ изъ дипломатики, — отличительныя, существенныя свойства документальныхъ памятниковъ, сама *природа* документа. И въ археологіи—то же самое. „Вещественные памятники,—говоритъ графъ Уваровъ, — достигаютъ прямого значенія историческихъ *документовъ*“. „Они не только замѣняютъ всякія лѣтописи, но даже представляются намъ какъ бы обломками внезапно застывшей жизни далекаго древняго міра“. Съ этими четырьмя свѣтящимися точками,

какъ съ волшебной лампой Аладина, археологическій памятникъ выводится изъ какой угодно тьмы вѣковъ и, безмолвный дотолѣ свидѣтель, онъ заговоритъ краснорѣчиво въ опытныхъ рукахъ ученаго изыскателя.

„Если вникнуть поглубже въ изученіе вещественныхъ памятниковъ, то будемъ поражены, какую наглядную и осязательную лѣтопись они раскрываютъ передъ нами! Надо только умѣть прочесть ее и ею пользоваться. Если за примѣромъ мы обратимся къ мѣстностямъ, лежащимъ на берегахъ Чернаго моря, то увидимъ цѣлое царство и богатая поселенія, какъ бы забытыя всѣми древними писателями. Такъ они мало и такъ рѣдко воспоминаются ими. Не по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Страбономъ, Діодоромъ или Поліэномъ, возможно было разъяснить исторію Босфорскаго царства и возсоздать забытыя имена царей и происшествія, а только съ помощью монетъ, надписей и другихъ вещественныхъ памятниковъ, открытыхъ въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, возможно было возстановить и объяснить исторію и даже внутреннее состояніе этого царства“.

Попутно съ разрѣшеніемъ вопроса объ археологическомъ памятникѣ въ его существѣ, какъ объ историческомъ источникѣ, мы видѣли, что графомъ Уваровымъ разрѣшается и другой вопросъ—относительно *объема* археологіи.

Какого именно рода памятники-источники составляютъ достояніе археологіи вообще и русской въ частности? „*Всѣ остатки* нашей древней жизни“, потому что всѣ они могутъ служить „источниками для русской археологіи“ и „для русской исторіи“.

Что касается *классификаціи* памятниковъ, то графъ Уваровъ даетъ слѣдующее перечисленіе ихъ.

„Всѣ остатки нашей древней жизни, не смотря на то, какому они народу принадлежали, какъ источники русской археологіи, должны, по моему мнѣнію, быть раздѣлены на три главные разряда:

„I. Памятники *вещественные* (искусственные?), или вещественные остатки быта, ремеслъ и искусствъ древнихъ обитателей Россіи“.

„II. Памятники письма и языка (филологическіе, *письменные?*), или свидѣтельства писанья, также и предметы, украшенные надписями или письменами.

„III. Памятники *устные*, или преданія о дѣяніяхъ, происшествіяхъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, сохранившіяся въ памяти народа задолго прежде, чѣмъ были внесены въ писанья лѣтописи или сборники“.

По этимъ тремъ группамъ графъ Уваровъ распредѣляетъ всѣ различные роды и виды памятниковъ. Соответственно тому онъ строитъ и *систему* археологическихъ наукъ. Но въ эти подробности мы не имѣемъ времени входить сейчасъ.

„Послѣ пониманія объема русской археологіи въ такомъ обширномъ смыслѣ, ясно, что и археологія *) вообще не можетъ уже быть умалена до того пониманія, которое было въ ходу еще въ началѣ нашего столѣтія“—говоритъ графъ Уваровъ. „Нельзя ужъ больше огра-

ничивать археологію *) одною исторією художествъ или однимъ изученіемъ вещественныхъ источниковъ“. И „археографія“, на примѣръ, стоитъ не внѣ археологіи: она есть только „часть археологіи“. Такова „обширность предѣловъ, до которыхъ наука въ наши дни раздвигаетъ границы археологіи“.

Такимъ образомъ, графъ Уваровъ приходитъ къ заключенію, что „предметъ археологической науки“ составляютъ „все памятники, какого бы ни было рода, оставшіеся отъ древней жизни народовъ“, всякія „древности“, какъ онѣ иногда называются. Въ частности—„остатки и памятники, на примѣръ, древнѣйшей эпохи составляютъ предметъ особой отрасли археологіи“, получившей названіе „доисторической, или первобытной археологіи“ и т. д.

Въ зависимости отъ установленнаго, такимъ образомъ, предмета археологіи, во всемъ его объемѣ, опредѣляется и задача этой науки.

Если предметъ этой науки—археологическій памятникъ вообще, какъ историческій источникъ, то, очевидно, задача ея—„прочестъ“ и „объяснить“ памятникъ, „раскрыть“ его содержаніе, извлечь изъ него заключающееся въ немъ историческое свидѣтельство. Археологія, — говоритъ графъ Уваровъ, — „должна сперва указать на значеніе этого памятника въ тѣ времена, къ которымъ онъ принадлежитъ; потомъ опредѣлить, насколько этотъ памятникъ, самъ по себѣ, разъясняетъ древній бытъ своего времени или насколько онъ пополняетъ свѣдѣнія недостаточно ясныя или недостаточно точныя, дошедшія до насъ посредствомъ другихъ памятниковъ той же эпохи“. Такимъ путемъ археологія, изучая памятники, „раскрываетъ намъ картину древняго быта, въ мельчайшихъ его подробностяхъ, въ его вѣрованіяхъ, обычаяхъ и въ памятникахъ“. „Главной нашей целью, — говоритъ онъ, какъ русскій археологъ, — является „изученіе памятниковъ древности нашего отечественнаго быта“. Наше знаніе о памятникахъ должно быть полное. Но не будемъ касаться здѣсь этой технической стороны дѣла, какъ ни великолѣпно и полно очерчена она у графа.

На основаніи всего сказаннаго какъ же формулируется опредѣленіе археологіи, по ея предмету и соотвѣтственно ея задачѣ? „Археологія, какъ видно изъ самаго производства этого слова (*ἀρχαῖος* и *λόγος*), — говоритъ графъ Уваровъ, — означаетъ науку о древностяхъ“. Археологія въ точномъ смыслѣ слова есть „наука, которая занимается изслѣдованіемъ вещественныхъ памятниковъ“, какъ „документовъ о древнемъ бытѣ“. Переводя это на современный языкъ науки, мы можемъ сказать такъ. Археологія есть историческое источниковѣдѣніе. Это—общее источниковѣдѣніе, обнимающее собою источниковѣдѣнія вещественное, письменное и устное, со всѣми ихъ внутренними подраздѣленіями.

Но графъ Уваровъ не останавливается на этомъ. Успѣхи археологіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. вещественной археологіи, въ его время были слишкомъ велики. Открывающіяся въ памятникахъ

*) Въ текстѣ стоитъ собственно „задача археологіи“, „задачу археологіи“, но никакой задачи здѣсь не указывается, а смыслъ относится къ предмету археологіи. О задачѣ археологіи см. ниже.

извлеченныхъ изъ нѣдръ земли, картины древнѣйшей жизни, считавшейся дотолѣ за предѣлами человѣческаго знанія, слишкомъ ярки.

„На нашихъ глазахъ,—говоритъ графъ,—совершенно измѣнилось знаніе исторіи Востока. На основаніи однихъ вещественныхъ памятниковъ раскрылись, для исторіи Ассиріи и Египта, новыя происшествія, объяснились новыя царствованія, и опредѣлились новыя династіи, не говоря уже о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы узнали о вѣрованіяхъ и внутреннемъ бытѣ этихъ народовъ“,—свѣдѣніяхъ, относящихся „ко временамъ миѳическимъ“.

Собственныя открытія графа на русской почвѣ были такъ замѣчательны, его личныя переживанія такъ завлекательны. Вотъ, напри- мѣръ, грандіозныя раскопки въ Ростово-Суздальскомъ краѣ. „Нѣмыя могилы,—свидѣтельствуемъ современникъ графа Л. И. Майковъ,—заговорили, и предъ нимъ раскрылась въ замѣчательной полнотѣ жизнь Мери, одного изъ финскихъ народцевъ, обитавшихъ нѣкогда въ средней Россіи, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не знали изъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ его имени“. Въ результатѣ „всесторонней и законченной разработки собраннаго такимъ образомъ матеріала“—появилась книга „*Меряне и ихъ бытъ*“ — „классическая работа гр. Уварова“.

Вотъ „одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій на русской почвѣ: въ с. Карачаровѣ, Владимірской губ., онъ нашелъ остовъ мамонта вмѣстѣ съ грубыми каменными орудіями и, такимъ образомъ, представилъ яркое доказательство обитаемости центральной Россіи въ палеолитическую эпоху“. Это—открытіе, которое повлекло за собою „общее изученіе памятниковъ каменнаго вѣка въ Россіи. И результатъ этого изученія,—продолжаетъ Майковъ,—уже предъ нами въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ не только описаніе находокъ каменныхъ орудій на русской почвѣ, но и *полную картину жизни древнѣйшихъ обитателей Россіи*“.

Да, соглашается графъ Уваровъ. „Времена, которыя теперь объясняются доисторической археологіею, относятся къ такой глубокой древности, что она не можетъ теперь быть исчислена ни годами, ни даже столѣтіями. Единственными лѣтописями такой старины являются издѣлія человѣка и памятники, которые онъ сооружалъ. По нимъ *археологія читаетъ и объясняетъ судьбы человечества* въ эти отдаленныя времена“; она, начиная съ каменнаго періода, вмѣстѣ съ первыми слѣдами человѣка, *излагаетъ „состояніе его на первой степени культурнаго развитія“*. И далѣе, вмѣстѣ съ разнообразными находками, этими „новыми доказательствами культурнаго развитія первобытнаго человѣка“, *слѣдитъ „нить этого постепеннаго развитія“*, даетъ „полную картину всего быта минувшихъ временъ“. Что касается русской археологіи, то „мы можемъ,—говоритъ графъ,—опредѣлить русскую археологію, какъ науку, занимающуюся *изслѣдованіемъ древняго русскаго быта* по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва сложилась Русь, а потомъ русское государство. Итакъ, вообще археологія есть *„наука, изучающая древній бытъ народовъ по всему на-*

мятникамъ, какого бы ни было рода, оставшимся отъ древней жизни каждаго народа“.

Такимъ образомъ, центръ тяжести съ мертвыхъ памятниковъ, какъ средствъ для изученія древняго быта, переносится на самый бытъ, т.-е. жизнь народа, о которой свидѣтельствуютъ памятники. Археологія изъ „науки о древностяхъ“ превращается въ „науку о древности“. Одинъ предметъ ея подмѣняется другимъ. „Ея дѣятельность обращена на изученіе древняго быта по всѣмъ памятникамъ, оставшимся отъ древней жизни каждаго народа, какого бы рода они ни были“. „Археологія, со своими разнообразными отдѣлами представляется всеобъемлющею наукою, охватывающею цѣлый бытъ народа“.

Здѣсь уже археологія, — говоритъ графъ Уваровъ по поводу международныхъ археологическихъ съѣздовъ, — *восходитъ „до поясненія общихъ законовъ природы, которые постепенно раскрываютъ намъ первоначальную исторію человечества“*. Это — съ одной стороны. Съ другой стороны, „не смотря на давно прошедшія времена, она, все-таки, объясняетъ намъ начало и причину того, что насъ досель окружаетъ“.

При такомъ взглядѣ выходило, что археологія утрачивала вспомогательную роль по отношенію къ исторіи. „Теперь можно, я полагаю, сознаться, — говорилъ графъ Уваровъ, — что (такая) наука не можетъ считаться наукою второстепеннаго значенія или только вспомогательною наукою“. „Исторія, равно какъ и археологія, онѣ обѣ суть отрасли одной и той же общей науки, — *бытописанія народовъ*“. Здѣсь археологія до такой степени сближается съ исторіею, что графъ Уваровъ находитъ возможнымъ говорить обѣ „источникахъ археологіи“, подобно тому, какъ говорится обѣ „источникахъ исторіи“.

Гдѣ же тогда различіе между археологіею и исторіею, оправдывающее ихъ самостоятельное, отдѣльное существованіе?

По его, графа, заключенію, „не предметъ ихъ изслѣдованій составляетъ существенное между ними различіе, а самый способъ или *методъ*, употребляемый при этихъ изслѣдованіяхъ“. „Археологическій методъ изслѣдованія обращаетъ вниманіе не столько на вещественные памятники по преимуществу, сколько отыскиваетъ во всякомъ источникѣ, какъ письменномъ, такъ и устномъ, ту детальную его сторону, которая раскрываетъ намъ подробности, хотя и мелкія, но иногда такія важныя, что онѣ кажутся какъ бы еще живыми остатками древняго быта“. Между тѣмъ, какъ по историческому методу, или „съ исторической точки (зрѣнія) разбираются историческія событія“ — въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи „обѣ науки себя взаимно пополняютъ“, и археологія и исторія являются *родными сестрами*“, какъ ихъ величаетъ графъ Уваровъ. Русскую археологическую науку онъ находитъ возможнымъ разсматривать „какъ *необходимую вѣтвь отечественной исторіи*“.

Такимъ образомъ, провозглашенный графомъ А. С. Уваровымъ „археологическій методъ“ не есть какой-либо логическій приѣмъ изслѣдованія, а просто особое, въ то время, полстолѣтія назадъ, дѣйствительно новое направленіе историческаго изслѣдованія, обращенное въ

сторону „общественнаго и внутренняго быта народа“, или культуры, на что ранѣе исторія не обращала вниманія, довольствуясь изложениемъ однихъ политическихъ фактовъ, или внѣшнихъ событій (*histoire bataille* Монтеня).

Графъ Уваровъ вводитъ еще нѣкоторое размежеваніе, вѣрнѣе, механическое раздѣленіе, между собственно исторіей и археологіей, именно въ хронологическомъ направленіи. Принимая условно установленное на археологическихъ сѣздахъ опредѣленіе конца древней русской археологіи XVII вѣкомъ, въ частности 1700-мъ годомъ, какъ рубежъ для петровскихъ преобразованій, онъ выводитъ начало археологіи за предѣлы исторіи къ первобытнымъ временамъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ и принимаетъ ограниченіе исторіи такъ называемымъ историческимъ періодомъ. „Возникшую предъ нашими глазами новую отрасль археологіи,—говоритъ онъ,—обозначали названіемъ доисторической, указывая этимъ названіемъ, что эти новые выводы, пріобрѣтенные археологіей, ничего не имѣютъ общаго съ исторіей, хотя и пополняютъ ее несмѣтнымъ числомъ столѣтій“. Съ своей стороны, онъ находитъ, что „выводы, полученные путемъ археологическаго анализа, и выводы, полученные путемъ историческаго изслѣдованія, имѣютъ много общаго, хотя и остаются на разнородныхъ почвахъ. Первые изъ нихъ, какъ бы воочию возстановляя бытъ прошедшій, иногда не встрѣчаютъ никакого разъясненія въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Они остаются тогда совершенно новыми, иногда неожиданными выводами и не могутъ быть даже включены въ исторію“. „Однимъ словомъ, археологія начинаетъ существовать за такими предѣлами, за которые исторія не простирается. И вообще всѣ эти свѣдѣнія, выработанныя доисторическою археологіей, или добытыя археологическими изслѣдованіями въ могилахъ, курганахъ, насыпяхъ, городищахъ и проч., не могутъ быть разрѣшены историческимъ путемъ, а потому остаются неотъемлемою собственностью одной археологіи“.

Такимъ образомъ, археологія у графа Уварова не только возвышается до исторіи, но въ нѣкоторомъ отношеніи, именно по хронологическому объему, даже превосходитъ ее.

Положимъ, что въ общей экономіи человѣческихъ дѣлъ „излишество, — если вѣрить Вольтеру, — въ высшей степени необходимая вещь“. Оно необходимо имѣло мѣсто и въ дѣлѣ археологіи, въ извѣстную пору ея развитія, что и неудивительно для этой „молодой науки“. Но, можетъ быть, мы вправѣ поставить теперь вопросъ. Не достаточно ли необъятенъ, неисчерпаемъ, безконечно разнообразенъ, необычайно сложенъ прямой предметъ археологіи—памятники, какъ историческіе источники,—чтобы извлеченные изъ нихъ, въ свою очередь безчисленные и сложнѣйшіе, факты человѣческаго бытія нашей археологіи, какъ наукъ источниковѣдѣнія, надлежало сложить къ ногамъ исторіи, какъ науки жизневѣдѣнія?

Во всякомъ случаѣ, послѣ графа А. С. Уварова и его современника И. Е. Забѣлина, никто, кажется, не выступалъ у насъ печатно съ такими широкими и глубокими размышленіями, которыя бы обни-

мали и проникали собою всю область археологіи съ исторіей въ задачу. Но за истекшее время усиліями многочисленныхъ дѣятелей археологіи накоплены новые матеріалы и опыты, дѣлались и частичныя попытки для разрѣшенія общихъ отвлеченныхъ вопросовъ. Поэтому, теперь снова является потребность подняться на степень теоретическаго, философскаго пониманія археологіи въ обширномъ смыслѣ слова, въ связи ея съ исторіей.

Наука, вѣдь, говоря словами Владимира Соловьева, есть „объективно-достоверное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ...“ „Оба эти условія ставятъ науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такой областью, въ которой, во-первыхъ, окончательно провѣряются понятія и принципы, безотчетно предполагаемые различными науками, во-вторыхъ, сводятся къ всеобъемлющему единству всѣ частныя обобщенія этихъ наукъ...“

Этой степени пониманія достигли уже такія обширныя группы знаній, какъ исторія—въ философіи исторіи и наука права—въ общей теоріи права. „Нѣтъ настоящей науки безъ философіи, нѣтъ права въ наиболѣе высокомъ смыслѣ слова безъ философіи права“ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ теоретиковъ въ области права Луи Бридель.

Тамъ считается, что, безъ твердаго отчетливаго знанія основныхъ положеній, безъ обстоятельнаго знакомства съ вопросами, общими всѣмъ юридическимъ наукамъ, безъ яснаго представленія всей системы юридическихъ наукъ, безъ методологическихъ свѣдѣній,—невозможно плодотворное изученіе специальныхъ наукъ. Если общіе вопросы права рѣшать для своего домашняго обихода каждому представителю спеціальной юридической науки, то это бы послужило въ ущербъ громадному спеціальному матеріалу, ожидающему отъ него разработки. Отъ этого должна избавить ихъ общая теорія, или философія права.

Она беретъ на себя, во-первыхъ, изслѣдованіе вопросовъ, общихъ всѣмъ юридическимъ наукамъ, во-вторыхъ, изслѣдованіе основныхъ задачъ, или проблемъ, права, въ-третьихъ, построеніе всей системы права въ видѣ одного логическаго организма и, въ-четвертыхъ, наконецъ, изученіе тѣхъ методовъ и приемовъ, при помощи которыхъ разрабатываются юридическія науки.

Она, съ одной стороны, подвергаетъ критическому разсмотрѣнію и обобщенію матеріалъ, доставляемый специальными юридическими науками; съ другой стороны, даетъ руководящія указанія представителямъ специальныхъ юридическихъ наукъ; служитъ маякомъ, освѣщающимъ пути специалистамъ, не дозволяя превратиться имъ въ людей, изъ-за деревьевъ не видящихъ лѣса. Въ такой постановкѣ наука общей теоріи права служитъ и введеніемъ въ изученіе права, показывая величіе этой области знанія, пробуждая интересъ къ ея вопросамъ, и—завершеніемъ всѣхъ юридическихъ наукъ, являясь могучимъ факторомъ дальнѣйшаго развитія права.

Что сказать намъ теперь объ археологіи, этой обширнѣйшей области человѣческаго знанія, безпредѣльной, можно сказать, въ своемъ объемѣ, гигантскими шагами уходящей въ глубь вѣковъ прошедшихъ

и вѣчно бѣгущей въ даль вѣковъ грядущихъ,—области, въ то же время ближайшей нашему сознанию и потому важнѣйшей, безъ которой не существовало бы науки исторіи вообще и права въ частности?

Что иное, какъ не пожелать горячо, чтобы создана была, наконецъ, и въ сферѣ нашихъ спеціальныхъ интересовъ, начала созидаться *общая теорія археологіи?*

И если исполнилось уже завѣтное желаніе графа Уварова поднять археологію на высоту профессорской кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то нынѣ настоятъ нужда *въ созданіи новой кафедры* для этой области научнаго знанія, кафедры общей теоріи археологіи, которая была бы наилучшей данью памяти графа и, какъ особая кафедра, явилась бы въ наше время первою въ Европѣ.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, какъ художественный дѣятель.

Н. В. Некрасова.

Нерѣдко дѣятелямъ науки и искусства приходится пріобрѣтать общее развитіе и спеціальныя знанія при весьма трудныхъ условіяхъ: и матеріальный недостатокъ, и невѣжественность среды становятся тормазомъ на ихъ дорогѣ, часто, притомъ, настолько серьезнымъ, что не даютъ вполнѣ развиться ихъ силамъ. Нерѣдко, затѣмъ, у такихъ дѣятелей суживается поле активной работы въ избранной области изъ-за необходимости искать заработка въ другихъ, не связанныхъ съ ихъ стремленіями, дѣлахъ. Тѣмъ зато радостнѣй сознаніе, что тяжелыя внѣшнія условія не стояли на пути лица, отмѣченнаго выдающимися дарованіями, что, наоборотъ, обстановка содѣйствовала проявленію его талантовъ, энергіи, любви къ наукѣ и что его дѣятельность развилась въ томъ масштабѣ, который соотвѣтствовалъ уровню его способностей и пріобрѣтенныхъ знаній.

Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Сынъ извѣстнаго ученаго филолога, президента академіи наукъ графа Сергѣя Семеновича Уварова, графъ Алексѣй Сергѣевичъ въ дѣтствѣ и юности жилъ въ сферѣ науки и искусства: превосходная бібліотека и музей его отца, ученые споры о предметахъ науки и литературы были тѣми благотворными впечатлѣніями, среди которыхъ онъ развивался. Далѣе слѣдовали: петербургскій историко-филологическій факультетъ, имъ оконченный, и пребываніе въ заграничныхъ университетахъ—берлинскомъ и гейдельбергскомъ. О матеріальныхъ стѣсненіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Все это дало возможность не только свободно развиться дарованіямъ графа, но опредѣлило и направленіе его дѣятельности. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ сдѣлался ученымъ, но онъ не сталъ только кабинетнымъ ученымъ: онъ обладалъ способностями и стремленіями къ общественной дѣятельности. Между людьми онъ не признавалъ другой разницы, кромѣ умственной и нравственной, и это драгоцѣнное качество открыло ему возможность окружать себя достойными лицами и тѣмъ способствовало успѣху его общественной дѣятельности. Ее онъ посвятилъ самымъ дорогимъ своимъ интересамъ, интересамъ науки и просвѣщенія.

I.

По условіямъ своего воспитанія и образованія и той среды, въ которой протекли его дѣтство и юность, онъ не могъ быть чуждымъ искусству, не могъ не сознавать его значенія, какъ одного изъ видныхъ рычаговъ культуры. Его знаменитое имѣніе Порѣчье—цѣнный музей. Но наряду съ коллекціями научнаго характера тамъ отведено должное мѣсто и предметамъ искусства. Графъ никогда не закрывалъ своего собранія для лицъ, серьезно занятыхъ дѣломъ: и ученые и художники имѣли туда не только свободный доступъ, но нерѣдко работали подъ его собственнымъ руководствомъ. Правда, многое досталось ему отъ отца, но онъ гораздо больше прибавилъ, и доставшееся по наслѣдству составляетъ лишь малую часть приобрѣтеннаго имъ лично.

Ставъ археологомъ и широко понимая задачи этой отрасли знанія, графъ сдѣлалъ не мало и для древняго искусства. Въ 1864 году открыло свои дѣйствія основанное имъ Московское Археологическое Общество. Въ первомъ же его засѣданіи графъ Алексѣй Сергѣевичъ, въ своей вступительной рѣчи, отмѣтилъ, что одна изъ задачъ новаго Общества должна заключаться въ разработкѣ вопросовъ искусства, главнымъ же образомъ русскаго, и Московское Археологическое Общество постоянно обращало вниманіе на древности художественныя: классическія, восточныя, византійскія и, въ особенности, русскія. Между многими работами его членовъ по этимъ отдѣламъ самому графу принадлежатъ, между прочимъ, доклады: „Христіанскіе памятники Равенны“, „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ“, „Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси“. Къ участию въ трудахъ Общества графомъ привлечены такія выдающіяся архитектурныя силы, какъ Мартыновъ, Даль, Артлебенъ. Графу же Алексѣю Сергѣевичу принадлежала и самая мысль о необходимости русскіхъ археологическихъ съѣздовъ; онъ также ихъ основатель, какъ и Московскаго Археологическаго Общества. При жизни графа, въ періодъ времени съ 1869 по 1884 годъ, состоялось шесть съѣздовъ. Какъ въ ихъ организаци, такъ въ ихъ веденіи онъ принималъ самое дѣятельное участіе, являясь почти всегда ихъ предсѣдателемъ. И на всѣхъ бывшихъ при немъ съѣздахъ отводилось надлежащее мѣсто вопросамъ художественнымъ. Такъ, на первомъ съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о вліяніи романской архитектуры на русскую, на второмъ—о древнихъ деревянныхъ церквахъ въ Россіи, на третьемъ разбирались кievскія постройки, на пятомъ—грузинскія, на шестомъ—Херсонесъ и Византія, знакомство съ которыми необходимо для каждаго художника, желающаго основательно изучить и понять русскій стиль.

Наши древніе историческіе памятники, въ томъ числѣ и памятники художественные, нашли въ покойномъ горячаго защитника отъ искажателей и разрушителей. На второмъ Археологическомъ Съѣздѣ, бывшемъ въ 1872 году, онъ ставитъ вопросъ о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ и предлагаетъ ходатайствовать предъ правительствомъ

объ учрежденіи ученаго за ними надзора на всемъ пространствѣ Россіи. Дѣло, поднятое графомъ, получило дальнѣйшее движеніе. 14 мая 1876 г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ Московское Археологическое Общество, что, по его ходатайству, организуется при Министерствѣ комиссія для разсмотрѣнія проекта, выработаннаго вторымъ Археологическимъ Съѣздомъ о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности. Въ комиссію долженъ былъ войти одинъ членъ отъ Московскаго Археологическаго Общества, по его выбору. Выборъ палъ на графа Уварова. Эта комиссія, засѣдавшая въ Петербургѣ, въ январѣ 1877 года, отнеслась весьма серьезно къ своей задачѣ; она выработала программу правилъ о сохраненіи памятниковъ и оставила послѣ себя печатную брошюру, въ которой разобраны: различные виды памятниковъ, мѣры правительства къ ихъ охранѣ, грустныя случайности, доказывающія, что эти мѣры не достигаютъ цѣли, иностранныя учрежденія для сохраненія памятниковъ и недостатокъ у насъ особаго органа для той же цѣли. Къ сожалѣнію, предсѣдатель комиссіи, князь А. В. Лобановъ-Ростовскій, въ скоромъ времени получилъ другое мѣсто и выработанныя правила остались безъ утвержденія. Съ тѣхъ поръ прошло свыше 30 лѣтъ и только теперь, въ началѣ 1909 года, въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается новая комиссія для разработки закона объ охраненіи памятниковъ прошлаго, имѣющихъ историческую или художественную цѣнность. *) Но дѣятельность этой комиссіи пока не закончена и судить о ея трудахъ и ихъ результатахъ еще преждевременно.

Хотя мысль о повсемѣстномъ ученомъ надзорѣ за памятниками осталась безъ исполненія, графу все же удалось добиться многого. Такъ, по его ходатайству Св. Синодомъ издается въ 1877 году извѣстный указъ, обязывающій духовныхъ властей испрашивать при перестройкахъ храмовъ дозволенія ближайшихъ археологическихъ обществъ.

Но графъ Алексѣй Сергѣевичъ оставилъ послѣ себя такой памятникъ, который одинъ навѣки закрѣпляетъ его имя на страницахъ русской культуры. Этотъ памятникъ — созданный его заботами Историческій Музей въ Москвѣ.

Въ маѣ 1881 года покойный императоръ Александръ III всецѣло поручилъ графу устройство Музея. Графъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя Музея и предсѣдателемъ его строительной комиссіи, а для рѣшенія художественно-научныхъ вопросовъ въ помощь графу по временамъ собиралась такъ называемая ученая комиссія.

Графъ получилъ въ свое распоряженіе только голыя стѣны музейскаго зданія безъ оконъ, безъ дверей, даже безъ потолковъ, изъ коллекцій одну бібліотеку Хмырова, да мало подходящія къ цѣли остатки Севастопольскаго отдѣла Политехнической выставки. Словомъ, все нужно было начинать сначала, но въ самый короткій срокъ для такого сложнаго дѣла, всего въ два года времени, обширное музейское зданіе было приведено въ полный порядокъ, отдѣлано 10 залъ

*) „Старые Годы“. 1909 г., февраль, стр. 55, и мартъ, стр. 146.

и собрано коллекцій въ количествѣ 15,000 номеровъ. Въ іюнѣ 1883 г. Музей уже открыли для публики. И вся эта колоссальная работа была выполнена, благодаря неутомимой энергіи графа, не щадившаго здѣсь ни своихъ силъ, ни здоровья.

Въ основу новаго хранилища была положена задача—представить въ вещественныхъ памятникахъ и изображеніяхъ старины духовный обликъ русской народности во всемъ составѣ разнородныхъ племенъ Россіи, во все великіе моменты ея жизни и во все видоизмѣненіяхъ ея исторіи и быта. Въ Музеѣ было отведено и должное мѣсто для систематическаго изученія древняго искусства на всемъ пространствѣ Россіи въ оригиналахъ или точныхъ копіяхъ и слѣпкахъ.

По мысли графа, Музей получилъ вполне научный характеръ, но, помня, что тотъ же Музей долженъ имѣть и общеобразовательное значеніе, имъ проектируется орнаментація залъ; этому же интересу публики должны были служить рядъ историческихъ картинъ, а также въ одной изъ небольшихъ залъ устройство образцовой комнаты боярина XVI или XVII вѣка со всей ея бытовой обстановкой.

Проходя въ хронологической послѣдовательности по десяти отдѣльнымъ при графѣ заламъ, легко замѣтить, что орнаментація карнизовъ, наличниковъ, дверей и оконъ въ первыхъ изъ нихъ, начиная съ двухъ залъ каменнаго вѣка, взята прямо съ древнихъ вещей, расположенныхъ большею частію тутъ же въ витринахъ. Такого рода орнаментація ставитъ въ живую связь стѣны залъ съ господствующимъ вкусомъ эпохи: мотивы этихъ орнаментовъ предъ глазами зрителя дѣлаютъ самый вкусъ болѣе яснымъ и замѣтнымъ. Въ залахъ ранняго періода орнаментація заимствована съ мелкихъ вещей, но въ залахъ болѣе позднихъ эпохъ украшенія стѣнъ берутся уже всецѣло съ наиболѣе характерныхъ архитектурныхъ памятниковъ или, точнѣе, копіи и слѣпки съ украшеній этихъ архитектурныхъ памятниковъ переносятся прямо на стѣны Музея.

Подъ руководствомъ графа и при его содѣйствіи въ выборѣ научнаго матеріала, архитекторомъ А. П. Поповымъ составлялись рисунки для орнаментаціи всехъ залъ Музея. Рисунковъ составлено для 40 залъ, т.-е. для тѣхъ десяти, которыя были закончены при графѣ, и сверхъ того еще для 30. Послѣдовательный просмотръ этихъ рисунковъ даетъ ясное представленіе о томъ, что орнаментація музейскихъ залъ должна явиться глазамъ посѣтителя наглядной лѣтописью архитектурныхъ и вообще художественныхъ вкусовъ за прежнее время.

Желая воспользоваться живописью на историческія темы, графъ Алексѣй Сергѣевичъ относился съ большою строгостью къ выбору художника, принимая всегда во вниманіе тѣ особенности художественнаго таланта, которыя должны соответствовать избранному сюжету.

Живопись, по мнѣнію графа, не должна заслонять научнаго матеріала Музея. Она должна только помогать воображенію посѣтителя перенестись въ отдаленную эпоху или сдѣлать нагляднымъ описаніе какого-либо древняго обряда или событія. При графѣ были исполнены В. М. Васнецовымъ его извѣстная картина: „Бытовыя сцены изъ жизни

людей каменнаго вѣка“, Г. И. Семирадскимъ двѣ картины: „Похороны Русса въ Булгарѣ“ и „Святославъ у Силистріи. Ночныя жертвоприношенія. Изъ войны Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ“. Кромѣ того, И. К. Айвазовскимъ — „Видъ Керченскаго пролива или Воспора Киммерійскаго“. Всѣ четыре картины писаны на полотнѣ, искусно потомъ натянутомъ на стѣны, такъ что онѣ производятъ впечатлѣніе какъ бы фресковой живописи. Произведеніе Васнецова находится въ той залѣ, гдѣ помѣщены предметы каменнаго вѣка; своимъ сюжетомъ оно даетъ возможность полнѣе перенестись въ ту отдаленную эпоху; работы Семирадскаго, украшая стѣны одной изъ сосѣднихъ залъ, придаютъ болѣе жизненнаго интереса находящимся въ этой залѣ погребальнымъ урнамъ. Видъ Воспора Киммерійскаго, исполненный Айвазовскимъ, изображенъ на аркѣ той залы, которая посвящена памятникамъ греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря, — Ольвіи и Пантикапеи. Но, помимо той цѣли, для которой въ Музей вводилась историческая живопись, всѣ четыре произведенія интересны и какъ выдающіеся образцы русской школы живописи. Несомнѣнно, при выполненіи всего плана графа относительно историческихъ картинъ достигалась бы сама собой и другая цѣль: та же русская школа могла получить цѣнные для себя приращенія.

Изъ залъ, законченныхъ при графѣ, зала памятниковъ до X в. посвящена древнему христіанскому искусству. Все въ этой залѣ—копіи съ живописи катакомбъ, копіи съ древнихъ равенскихъ и византійскихъ мозаикъ, слѣпки съ саркофаговъ и статуй—вводятъ въ глубоко-интересный міръ искусства того далекаго времени. Ея памятники не находятся въ непосредственной связи съ задачами Музея; они преслѣдуютъ хотя и болѣе отдаленную, но весьма важную цѣль. По своей связи съ искусствомъ византійскимъ, они даютъ возможность изучить то состояніе, въ которомъ находилось это искусство во время крещенія Руси, и какія заимствованія были сдѣланы у него нашимъ искусствомъ.

Изъ собранныхъ графомъ Уваровымъ коллекцій для Историческаго Музея имѣютъ въ особенности художественное значеніе прекрасныя копіи профессора Адриана Викторовича Прахова съ древнихъ мозаикъ, между прочимъ, съ мозаикъ города Кіева; съ кіевскихъ же барельефовъ, саркофаговъ и узорныхъ плитъ дѣлалъ слѣпки скульпторъ Севрюгинъ. Въ залѣ памятниковъ греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря изслѣдователь и любитель искусства найдутъ богатый для себя матеріалъ. Въ Музеѣ же находятся драгоцѣнныя акварели русскихъ древностей работы Мартынова. Эти акварели пожертвованы, по инициативѣ графа, Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Здѣсь не имѣется въ виду представить подробный обзоръ всѣхъ художественныхъ коллекцій Музея, но и сказаннаго достаточно, чтобы понять, какимъ богатымъ источникомъ онъ является для изученія искусства.

II.

Такова была художественная дѣятельность графа Уварова, дѣятельность, тѣсно связанная съ его трудами, какъ археолога. Но графъ Алексѣй Сергѣевичъ работалъ на нивѣ русскаго искусства и какъ такового.

Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія образовался небольшой кружокъ лицъ, интересующихся искусствомъ. Душою этого кружка стали преданные друзья послѣдняго—С. И. Миллеръ, М. Е. Криштафовичъ и П. И. Миллеръ, принадлежавшіе къ лучшимъ интеллигентнымъ силамъ тогдашней Москвы. Здѣсь, среди занятій искусствомъ и бесѣдъ о немъ, возникла мысль основать въ Москвѣ общество, главною цѣлью котораго было бы не воспитаніе художниковъ, но содѣйствіе дальнѣйшему развитію наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ по выходѣ изъ художественно-образовательной школы. Мысль эта получила осуществленіе благодаря, главнымъ образомъ, энергіи и настойчивости трехъ перечисленныхъ лицъ. Въ 1860 году утверждается уставъ Московскаго Общества Любителей Художествъ, а въ 1861 году Общество открываетъ уже свои дѣйствія и его первымъ предсѣдателемъ избирается С. И. Миллеръ. Новое учрежденіе становится тѣмъ художественнымъ центромъ, куда вступаютъ лучшіе художники того времени, образованные любители и знатоки искусства, писатели по этой отрасли знанія и коллекціонеры. Въ спискахъ второго года жизни Общества значится уже и имя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова; а отчетъ Общества за тотъ же годъ отмѣчаетъ графа, какъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. 23 ноября слѣдующаго, 63-го года онъ избирается предсѣдателемъ Общества Любителей и состоитъ въ этой должности непрерывно по 1876 годъ, т.-е. въ теченіе свыше 13 лѣтъ. Хотя въ 1864 году графомъ, какъ выше указано, было основано Московское Археологическое Общество, потребовавшее отъ него много силъ и заботъ, онъ находитъ время отдавать свой трудъ и новому художественному учрежденію. Выдающіяся способности графа къ общественной дѣятельности и широта его взглядовъ сказались и здѣсь: графъ умѣлъ собирать вокругъ себя людей, любящихъ искусство и желавшихъ быть ему полезными. Къ виднымъ дѣятелямъ Общества того времени принадлежалъ его секретарь Леонидъ Никитичъ Панинъ, состоявшій въ этой должности съ конца 1865 года по день своей смерти—28 марта 1870 г. Горячій любитель искусства и его знатокъ, онъ такъ дорожилъ совмѣстною службою съ графомъ, что говорилъ: „я служу до тѣхъ поръ, пока служитъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ“, а одинъ изъ уважаемыхъ членовъ Общества, извѣстный граверъ и собиратель Николай Семеновичъ Мосоловъ, въ своемъ разсказѣ намъ о томъ времени, вспоминалъ о графѣ съ большою теплотою, какъ о дѣятелѣ, котораго любезность, тактъ и желаніе общественной пользы содѣйствовали стремленію членовъ придать вполне культурный обликъ жизни и дѣятельности самого Общества. Способность и желаніе

графа Алексѣя Сергѣевича быть такимъ предсѣдателемъ, вокругъ котораго объединялись бы другія лица, отразились весьма благотворно на увеличеніи количества членовъ. Въ 1863 году ихъ было: 4 пожизненныхъ, 49 любителей и 32 художника. Эти цифры, постоянно прогрессируя, достигли въ 1876 году, послѣднемъ изъ времени предсѣдательства графа, значительно бѣльшого уровня. По спискамъ того года числятся, кромѣ 7 почетныхъ членовъ, уже 12 пожизненныхъ, 156 членовъ-любителей и 66 членовъ - художниковъ. Въ числѣ же ближайшихъ сотрудниковъ графа—членовъ Комитета—были лица, труды которыхъ не прошли безслѣдно для исторіи русскаго искусства и имена которыхъ уже занесены на ея страницы. Въ это свѣтлое въ жизни Общества время такими ближайшими сотрудниками, кромѣ Леонида Никитича Панина, были: оба брата Третьяковы, Дмитрій Петровичъ Боткинъ, Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ, наши художники Саврасовъ, Перовъ, Шмельковъ, Владиміръ Егоровичъ Маковский.

Жизнь Общества, какъ въ тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, которыми оно соприкасалось съ широкими слоями публики, такъ и внутри его самого, протекала въ то время согласно завѣтамъ, положеннымъ въ его основаніе. Однимъ изъ главныхъ его дѣлъ было устройство постоянной художественной выставки. Ею сразу достигались двѣ цѣли: знакомить публику съ лучшими произведеніями стараго и новаго русскаго и иностраннаго искусствъ изъ частныхъ коллекцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность даровитымъ русскимъ художникамъ предъявлять публикѣ свои новыя, еще никому неизвѣстныя работы. Въ періодъ предсѣдательства графа постоянная выставка держалась на очень высокомъ уровнѣ: ее украшали портреты Боровиковскаго, Кипренскаго, картины Бруни, Брюллова, Федотова, Трутовскаго, Перова, Айвазовскаго, Шварца, Ге, Васильева, Рѣпина и другихъ, а изъ иностранцевъ работы Кнауца, Каульбаха, Альма Тадемы, Греза, Тройона, Розы Бонеръ, Мейсонье и др. Самъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ предоставилъ въ 1864 году на одну изъ ея перемѣнъ свое старинное серебро. Но истинной гордостью Общества, въ періодъ предсѣдательства графа, по справедливости можетъ считаться знаменитая выставка портретовъ достопримѣчательныхъ русскихъ людей, портретовъ, собранныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Здѣсь публика, помимо историческаго интереса, съ которымъ была связана самая выставка, могла любоваться и прекрасными образцами портретнаго искусства. Работы Левицкаго, Кипренскаго, Боровиковскаго, Тропинина чередовались на ней съ работами ихъ знаменитыхъ иностранныхъ собратьевъ: Виже Лебрень, Анжелики Кауфманъ, Рослена, Лампи. Въ 1872 году наступало 200-лѣтіе со дня рожденія Петра Великаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была открыться Политехническая выставка и уже въ 1870 году въ Комитетѣ Общества возбуждается вопросъ—отмѣтить предстоящія событія въ отношеніи русскаго искусства. Для этой цѣли была образована комиссія, въ которую вошелъ и графъ Алексѣй Сергѣевичъ. Комиссіей предположено было устроить выставку, которая явилась бы наглядной лѣтописью всего русскаго искусства въ его

главнѣйшихъ моментахъ, съ конца XVII вѣка и до 1872 г., и присоединить къ ней выставку произведеній художниковъ всѣхъ славянскихъ земель. Для XVII вѣка графъ Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ воспользоваться вещами изъ его коллекцій: фотографіями замѣчательныхъ зданій, древнимъ серебромъ, стеклянными и финифтяными издѣліями, медалями, гравюрами, а расходы по пересылкѣ работъ славянскихъ художниковъ выразилъ желаніе принять на свой счетъ. Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ прекраснымъ предположеніямъ, по разнымъ причинамъ, не пришлось осуществиться на дѣлѣ, но все же выставка 1872 года дала интересный обзоръ русской живописи какъ академической школы, такъ и позднѣйшей—реальной.

Кромѣ постоянной выставки, другимъ важнымъ дѣломъ Общества Любителей были конкурсы на денежные преміи по всѣмъ отдѣламъ художествъ. Выдаваемые за лучшія работы, онѣ являлись поощреніемъ молодыхъ художниковъ, которые исключительно и доставляли свои произведенія на конкурсъ; при томъ конкурсы дѣлались ежегодно; премій бывало по двѣ и больше и каждая изъ нихъ достигала значительныхъ суммъ въ 100, 200 и болѣе рублей. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ неоднократно участвовалъ въ комиссіяхъ по присужденію премій, а въ 1871 году онъ вошелъ съ полезнымъ предложеніемъ въ Комитетъ Общества Любителей, которое и было имъ принято. Согласно его предложенію, Комитетъ долженъ былъ извѣщать художника, удостоеннаго преміи, съ возможно точнымъ описаніемъ премированной вещи. Подобнаго рода извѣщеніе являлось цѣннымъ документомъ, такъ какъ Общество Любителей было въ то время крупнымъ факторомъ на нивѣ русскаго искусства, а его конкурсныя комиссіи, куда входили лучшія художественныя силы, пользовались большимъ уваженіемъ. До 1869 года въ Обществѣ не было специальныхъ конкурсныхъ капиталовъ, и денежные преміи выдавались то изъ средствъ самого Общества, то собирались членской подпиской. Въ 1869 г. первое пожертвованіе на образованіе конкурсныхъ капиталовъ было сдѣлано Василиемъ Петровичемъ Боткинымъ. Затѣмъ Леонидъ Никитичъ Панинъ завѣщалъ Обществу капиталъ въ суммѣ 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли на нужды Общества по усмотрѣнію Комитета. Комитетомъ же было постановлено обратить завѣщанные 3000 р. въ постоянный капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдавать премію имени покойнаго. Капиталъ этотъ былъ увеличенъ пожертвованіями членовъ, и графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ было внесено для той же цѣли 300 рублей.

Сознавая, какую огромную пользу приносятъ для подъема уровня знаній публичныя лекціи, графъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ предсѣдатели Общества, обратилъ вниманіе Комитета на важность такихъ чтеній по отдѣлу искусства и обѣщалъ содѣйствовать ихъ устройству. Неоднократно затѣмъ, при содѣйствіи графа, устраивались подобныя чтенія, но особенно много имъ сдѣлано было для этой цѣли въ 1874 году. Весною того года профессоръ Адрианъ Викторовичъ Праховъ прочелъ отъ имени Общества шесть лекцій „Объ искусствѣ

запада на всемірной вѣнской выставкѣ“. Лекціи сопровождались туманными картинами и, въ талантливомъ изложеніи лектора, оставили сильное впечатлѣніе у многочисленной публики, ихъ посѣщавшей. Лекціи были прочитаны въ Политехническомъ Музеѣ. Онѣ состоялись по мысли графа Алексѣя Сергѣевича; онъ же пригласилъ самого лектора и принялъ на себя заботы по ихъ устройству.

Во время предсѣдательства графа въ Обществѣ Любителей устраивались разъ въ недѣлю вечернія собранія членовъ. Эти вечернія собранія носили высококультурный характеръ: бесѣды объ искусствѣ, передача своихъ впечатлѣній о поѣздкахъ съ художественной цѣлю по своей родинѣ и чужимъ землямъ, сообщенія на разныя темы по части художествъ составляли обычное содержаніе такихъ вечеровъ. На нихъ же, въ 1870 и 1871 годахъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ сдѣлалъ рядъ сообщеній, взявъ для послѣднихъ темы, представлявшія собою большой интересъ для русскаго художника. Такими темами были: „О значеніи русской археологіи для русской исторической картины“, „О русскомъ зодчествѣ, одеждахъ и домашней обстановкѣ старинной русской жизни“.

До 1869 года въ Обществѣ не было своей библіотеки; начало ея было положено въ этомъ году Леонидомъ Никитичемъ Панинымъ. Зато нерѣдко члены Общества приносили съ собою на свои вечернія собранія драгоценныя книги и альбомы по всѣмъ отраслямъ русскаго и иностраннаго искусства и знакомили съ ними другъ друга. Иногда же показывали рѣдкія акварели и рисунки изъ личныхъ коллекцій.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ относился съ искреннимъ расположеніемъ къ такимъ вечерамъ и самъ оказывалъ ихъ устройству всякое содѣйствіе.

Въ 1866 году имъ изданъ, отъ имени Московскаго Общества Любителей Художествъ, на собственные средства, художественный сборникъ, который онъ же самъ редактировалъ. Все изданіе сборника имъ было принесено Обществу въ даръ. Въ сборникѣ находятся шесть обстоятельныхъ и интересныхъ статей на разныя темы: Д. Эрнста Ферстера — „Жизнь и произведенія Фра-Джіовани Анжелико-да-Фіазоле“, переводъ съ нѣмецкаго Корша; А. А. Фета—„По поводу статуи художника Иванова „Материнская любовь“ на выставкѣ Московскаго Общества Любителей Художествъ“; Д. В. Григоровича—„Торвальдсенъ и Копенгагенъ“; Н. П. Петрова—„Русскіе портретисты Влад. Лук. Боровиковскій и Дм. Гр. Левицкій“; К. К. Гѣрца—„Обзоръ замѣчательнѣйшихъ выставокъ въ Германіи“ и Н. А. Рамазанова—„Нѣсколько писемъ С. Ѡ. Щедрина изъ-заграницы“. Шесть прекрасныхъ художественныхъ приложений украсили этотъ замѣчательный сборникъ. По своимъ сюжетамъ они находятся въ тѣсной связи съ содержаніемъ статей, опубликованныхъ въ сборникѣ. Вотъ перечень самихъ приложений: „Снятіе со Креста“ съ картины Фра-Беато-Анжелико—гравюра по мѣди рѣзцомъ Д. Андрузскаго; Л. Сѣрякова—двѣ гравюры по дереву—со статуи художника Иванова „Материнская любовь“ и съ извѣстнаго портрета отца художника Левицкаго, портрета, исполненнаго этимъ послѣднимъ; двѣ гра-

вюры по дереву гравера Рахау съ статуй Торвальдсена: „Евангелистъ Матѳей“ и „Геба“ и портретъ самого Торвальдсена, исполненный офортомъ Н. С. Мосоловымъ. Изъ приложеній особенно хороши портреты Торвальдсена и отца Левицкаго. Оба знаменитые гравера, и Сѣряковъ и Мосоловъ, дали въ этихъ вещахъ чрезвычайно высокіе образцы своего гравернаго искусства.

Такимъ образомъ, дѣятельность графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, на протяженіи 13-ти лѣтъ служенія въ Обществѣ Любителей Художествъ, протекала во имя высокихъ задачъ художественной культуры и Общество цѣнило его заботы: оно видѣло въ графѣ того рѣдкаго дѣятеля, который трудится во имя свѣта, познанія, истины. На своихъ годовыхъ собраніяхъ члены Общества избирали его единогласно своимъ предсѣдателемъ, а 28 января 1868 г., на годовомъ же собраніи, они единогласно выбрали его своимъ почетнымъ членомъ. 29 декабря 1884 г. графъ Алексѣй Сергѣевичъ скончался. На первомъ, послѣ его смерти годичномъ собраніи Общества Любителей, бывшемъ 10 марта 1885 г., предсѣдатель Дмитрій Петровичъ Боткинъ произнесъ проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти усопшаго, и предложилъ украсить одну изъ залъ Общества портретомъ покойнаго. Портретъ этотъ, исполненный извѣстнымъ художникомъ Рачковымъ, украшая пріемную залу, служить живымъ напоминаніемъ о самомъ дѣятелѣ и томъ свѣтломъ минувшемъ въ жизни учрежденія, которое связано съ трудами и заботами покойнаго во имя искусства.

Со дня кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова прошло уже четверть столѣтія. Та художественная его дѣятельность, которая протекала какъ въ связи съ археологіей, такъ и независимо отъ нея, — лишь малая часть его высокихъ научныхъ и общественныхъ заслугъ. И если она, изображенная здѣсь только въ общихъ чертахъ, являетъ собою яркую, свѣтлую и радостную страницу въ исторіи русской культуры, то какого глубокаго уваженія и благодарной памяти заслуживаютъ труды покойнаго въ ихъ величественномъ цѣломъ! Эта память и уваженіе никогда не исчезнутъ. Онѣ сохранятся не только среди насъ, русскихъ, но и среди всего культурнаго человѣчества, ибо въ основѣ трудовой жизни отошедшаго въ вѣчность дѣятеля были положены самые чистые и дорогіе завѣты всѣхъ мыслящихъ людей: уваженіе къ личнымъ качествамъ каждаго, не считаясь ни съ чѣмъ другимъ, уваженіе лишь къ дѣйствительнымъ заслугамъ, горячая преданность истинѣ, наукѣ и просвѣщенію.

Примѣчаніе. Матеріаломъ для этого сообщенія послужили: „Историческая записка о дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ лѣтъ существованія“ 1890 г., „Незабвенной памяти гр. А. С. Уварова“ — изданіе того же Общества 1885 г., „Каталогъ Россійскаго Историческаго Музея 1883 г.“, Отчеты и протоколы Комитета Московскаго Общества Любителей Художествъ за 1861—1876 гг., изданіе гр. А. С. Уварова — „Художественный сборникъ“ 1866 г. и сообщенныя Н. С. Мосоловымъ Н. В. Некрасову воспоминанія о гр. А. С. Уваровѣ.

Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ.

(Докладъ, читанный въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго
Археологическаго Общества 19 февраля 1910 года).

И. Бороздина.

Въ настоящемъ краткомъ сообщеніи мнѣ хотѣлось бы остано-
виться на *нѣкоторыхъ* итогахъ археологическихъ открытій Россіи по-
слѣднихъ лѣтъ, намѣтить основныя линіи совершенной работы. Съ
самаго начала дѣлаю оговорку, что отнюдь не претендую на какую-
либо исчерпывающую полноту и заранѣе позволю указать, что въ раз-
смотрѣніи и комбинаціи матеріала буду болѣе руководствоваться точкой
зрѣнія историка, нежели археолога. Но представляется нелишнимъ
иногда бросить взглядъ на пройденный путь, резюмировать сдѣланное.
Кромѣ этого общаго соображенія, ближайшей причиной, побудившей
меня выступить съ сообщеніемъ на данную тему, было то, что еще
такъ недавно при торжественномъ поминовеніи двадцатипятилѣтія со-
дня смерти незабвеннаго основателя и перваго пожизненнаго предсѣ-
дателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова
въ статьяхъ, рѣчахъ и докладахъ подводились итоги тому, что было
сдѣлано въ области русской археологіи при его жизни, а это вѣдь
является лѣтописью успѣховъ русской археологіи за цѣлое тридцати-
лѣтіе; въ извѣстное дополненіе къ этому и представляется интерес-
нымъ бросить хотя бы самый общій взглядъ на то, что сдѣлано за
послѣднее двадцатипятилѣтіе, въ какомъ отношеніи осуществились
завѣты почившаго гегемона русскихъ археологовъ, въ какихъ направ-
леніяхъ продвинулась археологическая наука. Наконецъ, нельзя не
отмѣтить еще одного обстоятельства. За послѣднее время среди архе-
ологовъ стали раздаваться голоса, что настало время въ области ар-
хеологическихъ знаній, на ряду съ работой практической, изслѣдова-
тельской и собирательской, заняться и работой теоретической, фило-
софско-обобщающей. Этихъ специалистовъ не удовлетворяютъ обследо-
ваніе, собираніе, классификація матеріаловъ и всѣ виды аналитической
работы; они ставятъ вопросы о философіи археологіи, о созданіи цѣ-
лой абстрактной философско-археологической дисциплины. Безусловно,
эти вопросы чрезвычайно существенны и важны, съ ними серьезно

приходится считаться. Но невольно здѣсь предстаетъ вопросъ: а каковъ количественно и качественно тотъ матеріалъ, на основаніи котораго мы собираемся абстрагировать, каковы тѣ конкретные элементы, комбинируя которые, мы сможемъ возводить общія построенія. Имѣемъ ли мы больше нашихъ предшественниковъ, которые лишь очень осторожно ставили теоретическіе вопросы, или мы только смѣлѣе въ нашихъ сужденіяхъ?

Вторая половина XIX вѣка ознаменована, какъ извѣстно, особымъ расцвѣтомъ археологіи. Въ это время и у насъ и въ значительно опередившей насъ Западной Европѣ было обращено серьезное вниманіе на тѣ драгоцѣнные памятники, на тѣ капитальные источники, которые таились въ глубокихъ нѣдрахъ земныхъ. Молчаніе или недостаточность лѣтописныхъ свидѣтельствъ часто мѣшали рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ исторіи, а нерѣдко бывали и цѣлые провалы въ изображеніи исторической жизни народовъ за полнымъ отсутствіемъ письменныхъ данныхъ. Но тутъ-то и сказалось громадное значеніе науки о древностяхъ; ревниво оберегавшая свои сокровища, земля разступалась передъ пытливой работой археолога и изъ древнихъ, полуистлѣвшихъ жилищъ и могилъ вставали старинныя тѣни и выдавали свои тайны, завѣтныя думы, свои исторіи величія и паденія... Многія историческія эпохи, окутанныя сѣдой дымкой тумановъ, теперь прояснились и предстали передъ нами. Величественное поле исторіи все росло, расширяясь и расчищаясь.

Первыми вопросами, которые естественно ставились, были вопросы о древности человѣка и объ его древнѣйшей культурѣ. Всѣ усилія ученыхъ были направлены къ рѣшенію этихъ капитальныхъ вопросовъ, но далеки еще они отъ окончательнаго разрѣшенія. Правда, на основаніи сдѣланнаго можно установить нѣкоторыя основныя положенія (напр., пребываніе человѣка съ четвертичной эпохи), но вполне возможны значительные продвиги вглубь, возможны новыя перспективы. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заинтересованы какъ археологія, такъ и антропологія и параллельные успѣхи той и другой науки свидѣлствуютъ объ интенсивной работѣ въ этой области, хотя рядъ воздвигаемыхъ и разрушаемыхъ гипотезъ равно свидѣлствуетъ и о неполной опредѣленности построеній. Въ Россіи поиски древнѣйшаго человѣка—человѣка старо-каменнаго вѣка начались давно и на почвѣ русской было сдѣлано немало цѣнныхъ открытій. Достаточно пересмотрѣть капитальный трудъ о каменномъ періодѣ графа А. С. Уварова, чтобы убѣдиться въ этомъ. За послѣднее двадцатипятилѣтіе работы продолжались въ направленіи, завѣщанномъ графомъ Уваровымъ. На ряду съ изслѣдованной имъ въ 1877 году Карачаровской стоянкой особенно крупнымъ археологическимъ открытіемъ является стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ ¹⁾, изслѣдованная въ началѣ 90-хъ годовъ

¹⁾ П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ — „Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева 1897 г.“; В. В. Хвойко — „Кіево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Маделенъ“. („Археолог. лѣтопись южн. Россіи“, 1903 г.);

Хвойкой и Антоновичемъ и считающаяся одной изъ самыхъ большихъ стоянокъ палеолита (общее пространство 10 тысячъ метровъ). Здѣсь, на ряду съ остатками древней фауны—костями мамонта, носорога, пещернаго льва, медвѣдя и флоры—разновидностями первобытнаго кедра, кипариса, пальмовиднаго дерева были найдены и характерныя издѣлія рукъ человѣческихъ (ножи, скребки, острые осколки изъ камня, орудія изъ бивней и костей мамонта). Интересно, что четыре бивня носятъ слѣды художественной отдѣлки, самой элементарной (впрочемъ, одинъ изъ бивней возбуждаетъ сомнѣніе). Стоянка эта, по мнѣнію большинства изслѣдователей, является древнѣйшей стоянкой палеолита въ Россіи; но Волковъ, основываясь на рисункахъ бивней, относитъ ее къ Маделенской эпохѣ, т.-е. къ концу старо-каменнаго вѣка. Кирилловская стоянка представляется, въ сущности, наиболѣе крупнымъ и важнымъ открытіемъ въ области русскаго палеолита; можно было бы указать на большое количество другихъ, менѣе крупныхъ открытій. Отмѣчу только недавнія открытія *Θ. К. Волкова* въ с. Мезинѣ по Деснѣ, съ которыми онъ знакомилъ членовъ XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ¹⁾. Найденная стоянка относится къ эпохѣ Маделенъ; залеганія культурныхъ остатковъ на почвѣ указываютъ появленіе ихъ въ то время, когда древніе ледники, покрывавшіе страну, отступили на сѣверъ; изъ остатковъ животныхъ найдены кости мамонта, носорога, лошади, розсомахи, лося, медвѣдя, а также раковины морскихъ моллюсковъ. На ряду съ этимъ найдены и человѣческія издѣлія — кремневые орудія, имѣющія форму небольшихъ тонкихъ осколковъ, иногда съ ретушью по краямъ.

На ряду съ изслѣдованіями палеолитическаго вѣка продолжались еще болѣе удачныя и богатые по результатамъ розысканія въ области неолита, обильно представленнаго въ различныхъ областяхъ Россіи. И югъ и сѣверъ, и востокъ и западъ, Сибирь, Крымъ и Кавказъ давали и даютъ обширный матеріалъ, знакомящій насъ съ различными разновидностями стоянокъ, мастерскихъ, землянокъ, очаговъ, земляныхъ городищъ (городища Волыни), свайныхъ построекъ, пещеръ и другихъ остатковъ неолитической культуры.

Но среди всѣхъ этихъ открытій неолитической эпохи особый интересъ для историка имѣетъ открытіе до-Микенской или Трипольской культуры, представленной раскопками *В. В. Хвойки* и *Э. Р. фонъ-Штерна*. Эти археологическія открытія на почвѣ Россіи выходятъ далеко за предѣлы Россіи и получаютъ интересъ всемірно-историческій.

Θ. К. Волковъ — Предисторичні знахідки на Кирилівській улиці въ Киіві (Матеріяли до українсько-руської етнології, т. I); *его-же*—Магдаленське майстерство на Україні (Записки Наукового товариства імени Шевченка, т. XLVI); *его-же* — „Искусство Мадленской эпохи въ Украинѣ“. („Археолог. лѣтопись южн. Россіи“ 1903 г.). См. также „Труды XI Археологическаго Съѣзда въ Киівѣ“ и „Извѣстія XI Археол. Съѣзда“.

¹⁾ „Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ“, стр. 121—122; *И. Н. Бороздинъ*—„Первобытная археологія и классическія древности на XIV археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ“. („Гермесъ“, 1908 г., № 151, стр. 402);

Врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что величайшимъ и грандіознѣйшимъ завоеваніемъ археологической науки конца XIX в. и начала XX в. было открытіе Критско-Эгейской и Микенской культуръ. Счастливо начатыя Шлиманомъ раскопки велись затѣмъ съ исключительнымъ успѣхомъ какъ на почвѣ самой Эллады, такъ и на Критѣ. Уже Шлиманъ своими троянскими раскопками, а главное—открытіемъ „богатыхъ золотомъ“ Микенъ и Тиринесскаго акрополя способствовалъ полной переоцѣнкѣ греческой исторіи, открылъ цѣлый періодъ греческой исторіи¹⁾, скрывавшійся дотолѣ въ туманѣ сѣдой старины и развѣ смутно воспоминаемый въ полулегендарныхъ сказаніяхъ и мифахъ. Но еще дальше продолжились раскопки и изумленному взору человѣка высокой культуры XX вѣка предстала богатая и пышно-развитая культура могучихъ критскихъ царей, владыкъ Эгейскаго моря. Раскопки Эванса въ Кноссѣ, итальянской миссіи въ Фестѣ и Гагіа Триада, веденныя систематически и планомерно, дали колоссальные результаты²⁾. Величественныя монументальныя зданія, дворцы съ тронными залами и колоннадами, подземными кладовыми и погребями, громаднымъ театромъ и крѣпостными сооруженіями—все представляло жизнь богатую и развитую. Были найдены въ обиліи памятники изобразительныхъ искусствъ: рисунки, фрески—цѣлыя картины разнообразнаго содержанія, золотыя и бронзовыя украшенія, оружіе, пышно-развитая керамика—преддверіе греческой вазовой живописи. Найдена и обширная письменность, но до сихъ поръ,

Х. Вовк (Ф. Волковъ) — Палеолітичні знахідки в с. Мізині на Чернигівщині (Записки Українського Наукового Товариства вь Києві, т. IV).

¹⁾ *H. Schliemann*—Trojanische Alterthümer. 1874; Ilios 1881; Troja 1884; Mykenae 1878; Tiryns, 1886; Orchomenos. 1881; *Dörpfeld*—Troja und Ilion. 1902; *H. Schmidt*—Schliemanns Sammlung trojanischer Alterthümer 1902, *Milchofer*—Die Anfänge des Kunst in Griechenland 1883; *Helbig* — Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert 1887; *Noack*—Homerische Paläste 1903, *Tsountas and Manatt*—The Mycenaean Age 1897; *Hall*—The oldest Civilisation of Greece. 1901, *Ridgeway*—The early age of Greece 1901; *Bulle* —Orchomenos 1907. *Perrot et Chipiez*—Histoire de l'art dans l'antiquité. Vol. VI. 1894; *Neumann* — Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte 1910, *В. Бузескулъ*—Введеніе въ исторію Греціи 1904; *его-же*—Краткое введеніе въ исторію Греціи. 1910; *Б. В. Фармаковскій*—Микены и Финикія („Фил. Обозр.“ 1896), *Тира Соколовская*—Микенская керамика 1904; *Э. Р. Фельсбергъ*—Микенскій періодъ въ исторіи Греціи 1907; *Б. В. Фармаковскій* — Культуры Эгейская, Критская и Микенская (литогр. лекціи). 1907.

²⁾ О раскопкахъ въ Кноссѣ см. отчеты Art. Evans (въ „Annual of the British School of Athens 1899—1905“ и „Journal of Hellenic Studies“); о раскопкахъ въ Фестѣ и Гагіа-Триада см. „Monumenti antichi pubblicati per cura della reale academia dei Lincei“ vol. XII—XIV, XIX. *Maraghiannis*—Antiquités cretoises 1907; *Mosso*; *Escursione nel Mediterraneo e gli scavi di Crete* 1907 (то-же по-англійски); *Burrows*—The Discoveries in Crete 1907; *Lagrange*—La Crete ancienne 1908; *Hall*—The decorative Art of Crete in the bronze Age. 1907; *C. N. Hawes and H. Hawes*—Crete, the Forerunner of Greece 1910. *Noack*—Ovalhaus und Palast zu Kreta 1908; *Dörpfeld*—Die kretischen, mykenischen und homerischen Paläste („Athein, Mitteil.“. 1905, XXX); *его-же*—Die Kretischen Paläste (*id.* 1907, XXXII), *Evans*—Essai de classification des epoques de la civilisation minoenne. 1906, *Fimmen* — Zeit und Dauer der Kretisch-Mykenischen Kultur 1909, *В. Бузескулъ* — О. с. *Ф. И. Успенскій*; — Новооткрытыя древности на о Критѣ (Вѣстн. и Биб. Самообразования 1904). *Е. Г. Кагаровъ*.—Новѣйшія изслѣдованія въ области критско-микенской культуры („Гермесъ“ 1909 г.).

несмотря на интенсивную дѣятельность изслѣдователей, эти загадочныя письма молчатъ и не выдаютъ своихъ тайнъ. Въ прошломъ году неутомимымъ Эвансомъ изданъ первый томъ „Scripta Minoa“¹⁾ на основаніи фотографическихъ снимковъ и копій; но на нихъ можно только смотрѣть и любоваться, ходить вокругъ и около, лишь надѣясь и ожидая дешифровки. Но все-же на основаніи найденныхъ вещественныхъ памятниковъ можно установить многое; такъ, можно установить нѣкоторыя хронологическія даты, пользуясь сравнительнымъ матеріаломъ (въ Кноссѣ найденъ египетскій предметъ²⁾ времени гиксосскихъ царей 1800—1706 г. до Р. Х.; Флиндерсъ-Петри указываетъ на критскіе глиняные сосуды, найденные въ Египтѣ, въ гробницахъ XII династіи, т.-е. приблиз. за 2500 лѣтъ до Р. Х.; въ Фестѣ—египетскіе памятники XV в. и т. п.), можно намѣтить эпохи съ ихъ болѣе мелкимъ подраздѣленіемъ на періоды (дѣленіе Эванса въ его уже цитированномъ „Essai de classification des epoques de la civilisation minoenne“)³⁾, можно даже въ общихъ чертахъ конструировать строй и быть критской талассократіи. Расцвѣтъ Критско-Эгейской культуры относится къ бронзовому вѣку; въ эпоху бронзы славятся и Микены. Но за послѣднее время стали очищаться и древнѣйшіе пласты, относящіеся къ каменному вѣку, къ эпохѣ неолита. Здѣсь находятъ болѣе грубые, менѣе отдѣланные предметы и сооруженія—примитивы того, что потомъ такъ пышно развилось. Неолитическіе слои обнаружены на Критѣ, въ Кноссѣ и Фестѣ⁴⁾ подъ дворцовыми постройками и дали любопытные образцы ранней вазовой орнаментики. Древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка найдены въ Сескло и Димини, въ сѣверной Греціи; греческій ученый Цунда посвятилъ имъ цѣлую работу⁵⁾, гдѣ отмѣтилъ значеніе Тессалійскихъ раскопокъ и ихъ сходство съ находками въ Беотіи и Фокидѣ (въ Димини раскопанъ мегаронъ, напоминающій домъ 2-го города Трои—портикъ, жилое помѣщеніе, спальня; въ Сескло найдено зданіе, покрытое навѣсомъ съ фронтономъ)⁶⁾. Интересно, что керамика, найденная въ Тессаліи, является сходной съ находками, сдѣланными во Фракіи, Сербіи, Босніи, южной Россіи, Венгріи (Тордошъ), Богеміи, Македоніи, Румыніи, Испаніи, Италиі и т. д.⁷⁾. Такимъ образомъ, опредѣляется

1) *Scripta Minoa*, The written documents of Minoan Crete with special reference to the archives of Knossos. By Arthur Evans. Vol. I. 1909.

2) Крышка изъ египетскаго алебаstra съ именемъ и титуломъ одного изъ царей гиксосовъ—Хіана.

3) См. также *Fimmen*—О. с.

4) „An. Br. Sch. Ath“. VI, XI, „Journ. Hel. St.“ 1903, Rendiconti dei Lincei, XVI.

5) *Τρόντας—Δι προϊστορικὰ ἀρχαίολογικὰ ἀποκάλυψες Λιμνίου καὶ Σέσκλου*. 1908 (см. ср. обширную рецензію Эрнста Пфуля въ „Göttingische gelehrte Anzeiger“ 1910, 12).

6) *E. Кагаровъ*—О. с. стр. 517.

7) Изъ главнѣйшей литературы предмета отмѣтимъ: Э. Р. фонъ-Штернъ — Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи въ „Трудахъ XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ. Томъ I (съ обширными библиографическими указаніями), Hörnes—Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa; *его же*—Neolitische Keramik in Oesterreich („Jahrb. d. k. k. Zentralkom. f. Kunst u. hist. Denkm.“, 1905); *его же*—Les premieres ceramiques en Europe centrale (Compt. rend,

сѣверная культурная область, стоящая въ связи съ неолитическими находками на Критѣ. Чѣмъ-же объясняется сходство культурныхъ остатковъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, кто были носители этой общей культуры, гдѣ была ихъ прародина и каковы ихъ миграціи?

Эти вопросы и стали въ первую очередь, все время озаряемые свѣтомъ новыхъ археологическихъ открытій. Понятно, какое значеніе имѣетъ рѣшеніе этихъ проблемъ; вѣдь это, можно сказать, основные вопросы о началахъ культурнаго бытія Европы. И въ разработкѣ, даже въ постановкѣ этихъ капитальныхъ вопросовъ видная роль принадлежитъ русскимъ археологамъ. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойко напалъ на слѣды загадочной культуры, которую онъ по мѣсту первыхъ находокъ ¹⁾ назвалъ культурой Трипольской ²⁾,—положено было начало плодотворной и интенсивной работѣ, приводящей въ конечномъ счетѣ къ грандіознымъ перспективамъ.

Въ различныхъ частяхъ Кіевской губ. (Кіевскомъ, Васильковскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Звенигородскомъ и Липовецкомъ уѣздахъ), въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Подольской и Бессарабской обнаружены слѣды этой культуры ³⁾. Характеризуютъ эту культуру многочисленныя погребенія и жилища. Погребенія мы находимъ на особыхъ площадкахъ, устроенныхъ изъ обожженной глины

XIII Congres d'anthr. 1908); *Hub. Schmidt*—Tordoš (Zeitschrift fur Ethnologie 1903); *его же*—Troja-Mykenae-Ungarn (id. 1904); *Butureanu*—Сообщеніе о „Cucuteni“ („Congres international d'antropologie. 1891); *Wosinsky*—Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. 1888; *Radimsky*—Die neolitische Station von Butmir, *Dechelette*—Essai sur la chronologie prehistorique de la peninsule iberique („Revue archéologique“ XIII), *Orsi*—Nuovi documenti della civiltà premicenea e micenea in Italia („Rivista della Societa Italiana di archeologia e storia dell'arte. 1907), *Кагаровъ*—О. с., *Ed. Meyer*—Geschichte des Alferthums. Band I. 2. Hälfte. 1909.

¹⁾ Находки около м. Триполья Кіевского уѣзда.

²⁾ Сходство этой культуры съ культурой Микенъ въ ея древнѣйшихъ слояхъ (до-микенскихъ) побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей называть найденную въ Россіи культуру *до-микенской культурой*. Г. Хвойко предлагалъ называть новооткрытую культуру *площадочной, древне-орійской* или *прото-славянской* (последнее наименованіе стояло въ связи съ защищаемой имъ теоріей о древнѣйшихъ славянахъ; теперь эта теорія имъ оставлена). На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ г. Хилинскій, читавшій докладъ о Трипольской культурѣ, предложилъ называть ее болѣе широко—*Карпато-Днѣпровской*; проф. фонъ-Штернъ придерживается терминологіи „*до-историческая греческая культура на югъ Россіи*“.

³⁾ *Хвойко*—„Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья“ („Труды XI Археологическаго Съѣзда“, т. I); *его же*—„Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры“ (Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. Импер. Рус. Археол. Общ., т. V, вып. 2); полемика по поводу этой статьи В. В. Хвойко и Н. Ф. Бѣляшевскаго („Археолог. Лѣтоп. южн. Россіи“, 1904 г.); *Хвойко*—„Раскопки площадокъ въ с. Крутобородинахъ и вблизи с. Веремье (Древности. Труды Импер. Арх. Общ., т. XXII, вып. 2); *А. Спицынъ*—Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ с. Колодистаго (Изв. Импер. Археол. Ком., XII); *Волковъ*—Вироби передмікенського типу у неолітичнихъ становищахъ на Україні (Матеріяли до українсько-руської етнологіі, VI); *М. Грушевскій*—Кіевская Русь. т. I, 1911; *фонъ-Штернъ*—О. с.; *von-Stern*—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischen Forschung („Klio“ Beiträge zur alten Geschichte. B. IX, Heft 2).

или обмазанныхъ глиной; площадки были крытыя; до сихъ поръ на комьяхъ глины видны слѣды бревенъ. По снятіи комьевъ глины обнаруживаются черепки большихъ сосудовъ-чашекъ, мисокъ, вазъ различныхъ видовъ и формъ; на ряду съ большими сосудами-урнами встрѣчаются сосуды грушевидные, широкогорлые, биноклеобразные и т. д. Кромѣ того, въ погребеніяхъ находятся глиняныя издѣлія, метательные камни, каменные топоры, молоты, ножи, пилы, костяныя вещи, кости, зубы и рога животныхъ. Въ погребеніяхъ на ряду съ преобладающимъ трупосожженіемъ встрѣчается и погребеніе черезъ сложеніе (полуобожженные скелеты); площадки, можно думать, служили для ритуальныхъ обрядовъ и жертвоприношеній. Въ Кіевской губ. обнаружены наиболѣе богатые остатки интересующей насъ культуры; здѣсь на ряду съ площадками обнаружены и землянки-жилища. Землянки имѣли отъ 4 до 6 метр. длины и отъ 3 до 6 ширины, представляя форму четырехугольника; посрединѣ четырехугольника находилась овальная или четырехугольная яма, выходъ изъ которой имѣлъ видъ ската или лѣсенки. Противъ выхода расположенъ былъ каменный очагъ (или сводчатая печь), частью выходящій въ яму, частью врѣзывающійся въ стѣну; по верхнему краю землянки вбивались кольца (рѣже столбы), поддерживавшіе крышу, которая обмазывалась глиной или засыпалась землей. Въ землянкахъ найдены многочисленные предметы—уголь, пищевые отбросы, черепки, кремневые, роговые и костяныя вещи.

Найденные при раскопкахъ предметы Хвойко дѣлитъ на два типа, на двѣ культуры, называемыя имъ *культура А* и *культура В*¹⁾. Культура *А* отличается богатыми керамическими издѣльями, находимыми въ большомъ количествѣ. Для этой культуры характерны: 1) сосуды съ рельефнымъ изображеніемъ человѣческаго лица на верхней части сосуда; 2) двойные биноклеобразные сосуды; 3) сосуды грушевидной, колоколообразной, плеткообразной формы; 4) полушаровидныя миски на трехъ ножкахъ; 5) крестообразныя статуэткіи человѣка; 6) просверленные каменные, роговые и костяные топоры; находятся и издѣлія изъ чистой мѣди. Культура *В* отличается болѣе простымъ и менѣе пропорціональнымъ орнаментомъ; сосуды имѣютъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ, черепахъ, леекъ, боченка. Найдены статуэткіи женщинъ въ стоячемъ и сидячемъ положеніи, кремневые серпы и глиняныя грузила; мѣдь и просверленные орудія отсутствуютъ.

Особенно интересной и характерной для всей разсматриваемой нами культуры является керамика, развитіе которой бросаетъ свѣтъ и на исторію этой культуры. Наиболѣе опредѣленную классификацію керамическихъ издѣлій дѣлаетъ проф. фонъ-Штернъ²⁾; онъ дѣлитъ сосуды на три большія группы: 1) сосуды безъ всякаго украшенія, монохромные, удержавшіе цвѣтъ глины, 2) сосуды съ рѣзной техни-

¹⁾ Характеристику и разборъ этой классификаціи дѣлаетъ В. Е. Давилевичъ въ своемъ „Курсѣ русскихъ древностей“ (Кіевъ, 1908г.).

²⁾ Э. Р. фонъ-Штернъ. „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“. Стр. 21—22 и сл.

Древности, т. XXIII, в. I.

кой и вдавленнымъ орнаментомъ (обыкновенно сосуды маленькіе), 3) сосуды, украшенные на полированномъ фонѣ глины или облицовки декоративной росписью. Сосуды послѣдняго типа, составляющіе меньшинство въ Кіевскихъ раскопкахъ, особенно богато представлены въ Петренахъ (Бессарабской губ.), что и заставляетъ проф. фонъ-Штерна высказать предположеніе, что центръ новой керамической промышленности находился въ Бессарабіи. Здѣсь замѣтны техническія усовершенствованія обжига и изготовленія глины; однако, гончарный кругъ не извѣстенъ и работа производилась или отъ руки или при помощи деревянной палочки и дощечки. Петренскую расписную керамику (т.-е. третью группу нашихъ керамическихъ издѣлій) по характеру орнаментовки фонъ-Штернъ дѣлитъ также на три вида¹⁾: 1) сосуды отполированные и украшенные орнаментами одного цвѣта (черная или фіолето-коричневая краска), 2) сосуды изъ твердо обожженной красноватой или желтоватой глины, покрытые бѣлой, желтовато-бѣлой, коричневой или красной облицовкой съ нанесеніемъ на ней живописи, исполненной одной краской—черной, фіолето-коричневой (рѣже желтой и красной, 3) рѣдко встрѣчающіеся сосуды, при отдѣлкѣ которыхъ употреблялись двѣ краски—красная и черная. Украшающій сосуды орнаментъ свидѣтельствуешь о долгой практикѣ въ искусствѣ и художественномъ вкусѣ, поразительно зрѣломъ для неолита. Петренская керамика даетъ обильный матеріалъ для отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи спирального орнамента и существенно измѣняетъ традиціонное представленіе, будто бы отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ—въ противоположность Месопотамской культурѣ, гдѣ мотивы декораціи заимствовались изъ органическаго міра. Если геометрическая отдѣлка и преобладаетъ, то на ряду съ ней встрѣчаются изображенія органическаго міра, кончая человѣкомъ (здѣсь интересны рисунки Хвойкинскихъ сосудовъ)²⁾. Особенно много изображеній животныхъ; эти изображенія, помимо высокаго художественнаго интереса, даютъ возможность опредѣлить, какія животныя были въ ту эпоху. На рисункахъ изображены лошади, собаки, козы, быки. Что касается до послѣднихъ, то они являются не только въ росписи, но и въ первобытной глиняной пластикѣ. Терракотовыя статуэткі изъ глины³⁾—однѣ даютъ изображенія идоловъ, другія—быковъ. Фигурки быковъ, особенно частыя, невольно заставляютъ сблизать ихъ съ находками въ Микенахъ (голова коровы), Вафіо (быки на золотыхъ кубкахъ), Гурниі (изображенія на

1) *Фонъ-Штернъ*. О. с., стр. 22.

2) *Хвойко*—Раскопки 1901 г. („Записки Имп. Рус. Арх. Общ.“, т. V, 2, табл. III, 2, 5). Ср. фонъ-Штернъ—О. с., стр. 28.

3) О глиняныхъ статуэткахъ до-микенской культуры, которыя нѣкоторыхъ археологовъ приводили къ самымъ фантастическимъ построеніямъ, см. новѣйшую работу проф. Н. И. Веселовскаго (*И. И. Веселовскій*—„Алебастровыя и глиняныя статуэткі до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ“ въ „Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссіи“, вып. 35, 1910).

каменномъ рогѣ для питья). Hörnnes ¹⁾ считаетъ эти частыя изображенія быка явленіемъ не случайнымъ; онъ склоненъ скорѣе связать съ ними извѣстныя религіозно-метафизическія представленія тѣхъ отдаленныхъ временъ; быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тотемизмомъ. Таковы предметы, знакомящіе насъ съ художественнымъ развитіемъ человѣка этой культуры. Но по нѣкоторымъ находкамъ есть возможность конструировать въ самыхъ общихъ чертахъ его матеріальный бытъ. Предметы землянокъ показываютъ, что человѣкъ уже приручилъ животныхъ (козъ, свиней, воловъ), что онъ уже перешелъ къ осѣдлой, земледѣльческой культурѣ. На послѣднее указываютъ раскопки Хвойко, который нашелъ сѣмена пшеницы и проса, нашелъ также примитивныя ручныя мельницы (зернотерки).

Какъ мы уже отмѣтили выше, районъ распространенія этой культуры чрезвычайно широкъ, матеріаль, заключающійся въ его предѣлахъ, все пребываетъ. Но до сихъ поръ не рѣшенъ и не установленъ окончательно основной вопросъ о носителяхъ этой культуры и о путяхъ ея распространенія. Одни изслѣдователи выставили гипотезу о микенскомъ вліяніи ²⁾, о микенскихъ ремесленникахъ, занесенныхъ съ юга на сѣверъ ³⁾, наконецъ, о цѣломъ движеніи культуры съ юга на сѣверъ ⁴⁾; въ противоположность этой точкѣ зрѣнія Губертъ Шмидтъ ⁵⁾, Мухъ ⁶⁾ и, особенно, фонъ-Штернъ ⁷⁾ выставили гипотезу о сѣверномъ происхожденіи Критско-Микенской культуры и объ ея движеніи съ сѣвера на югъ. Новокаменный вѣкъ, расцвѣтъ неолита засвидѣтельствованъ этой культурой на сѣверѣ; къ концу неолита она спускается на югъ, за Балканы, и въ бронзовомъ вѣкѣ опредѣляется пышное развитіе миносскихъ культуръ и культуры Микенъ.

Гипотеза—весьма интересная, остроумная и заманчивая, но все же еще не можетъ быть безусловно принятой. Въ передней Азіи (особенно при Сузанскихъ раскопкахъ де-Моргана) найдено въ неолитическомъ слоѣ немало сосудовъ, аналогичныхъ трипольскимъ; кромѣ того, сходные-же предметы найдены при раскопкахъ близъ Мерва и Асхабада, въ средней Азіи (сообщеніе Ѡ. К. Волкова на Черниговскомъ Археологическомъ Съѣздѣ ⁸⁾).

Наконецъ, не лишнее отмѣтить, что загадочныя письма на од-

¹⁾ Hörnnes — „Prähistorische Formenlehre“ (въ „Mitt. des Prähist. Kommission der Kaiserl. Academie der Wissenschaften“, Wien, 1897); *его же* — „Urgeschichte der bildenden Kunst; фонъ-Штернъ—О. с., стр. 31—32.

²⁾ См. обзоръ этихъ мнѣній въ цитированной работѣ фонъ-Штерна, стр. 43—45 и сл.

³⁾ Id.

⁴⁾ Wosinsky — Inkrustierte Keramik der Stein und Bronzezeit. 1904.

⁵⁾ Hub. Schmidt. О. с. въ „Zeitschrift für Ethnologie“ 1903 и 1904.

⁶⁾ M. Much — Die Heimat der Indogermanen. 1904.

⁷⁾ Фонъ-Штернъ—О. с., стр. 44—52; см. ср. von-Stern—О. с., стр. 140.

⁸⁾ Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ, стр. 51; *Бороздинъ*. „Первоб. археологія и клас. древности на XIV Арх. Съѣздѣ“, стр. 401—402; *von-Stern* — Die griechische Kolonisation... стр. 140; ср. *R. Pampelly* — Explorations in Turkestan. 1905.

номъ изъ приднѣпровскихъ сосудовъ, найденныхъ Хвойко и изданныхъ имъ совместно съ проф. Линниченко¹⁾, по своимъ начертаніямъ представляютъ больше всего сходство съ среднеазиатскими надписями, изданными академикомъ В. В. Радловымъ. Такъ что съ востокомъ существенно приходится считаться. Но это, повторяю, лишь одни вопросы и гипотезы, далекіе отъ окончательнаго разрѣшенія при наличности существующаго матеріала. Но къ одному они могутъ побуждать—къ дальнѣйшей интенсивной работѣ. И можно сказать съ справедливой гордостью, что культура, охватывавшая огромную территорію отъ Крита до Кіева и отъ береговъ М. Азии до Испаніи, оставила крупные слѣды на нашей родинѣ и раскопки русскихъ археологовъ открыли новые, широкіе горизонты, поставили на очередь важнѣйшіе вопросы общеполитическаго характера²⁾.

На ряду съ Критско-Микенскими открытіями западно-европейскіе археологи и историки³⁾ особенно сильно работали въ области изученія передней Азии. Передне-азиатскія открытія 90-хъ и 900-хъ годовъ не менѣе, чѣмъ открытія Эгейскія, заставили во многомъ измѣнить сложившіяся историческія представленія. Такія открытія, какъ кодексъ царя Хаммураби съ его частями, относящимися къ древнему сумерійскому праву, или изслѣдованные нашимъ глубокоуважаемымъ сочленомъ М. В. Никольскимъ памятники хозяйственнаго быта древнѣйшей эпохи Халдеи⁴⁾ яркимъ свѣтомъ озаряютъ сѣдую старину странъ Тигра и Евфрата, отодвигая начала ихъ культурнаго бытія въ глубокую древность. Я привелъ только наикрупнѣйшія открытія, но на ряду съ ними идетъ непрестанная систематическая работа изученія переднеазиатскихъ древностей. Въ этой ученой работѣ соревнуютъ націи; на ряду съ нѣмцами (особенно съ ихъ дѣятельнѣйшимъ „Orient-Gesellschaft“) археологическими изысканіями занимаются американцы и французы. Отправляются экспедиціи, издаются спеціальныя органы и журналы, публикуются постоянные отчеты, держащіе въ курсѣ текущей работы⁵⁾. Русская наука приняла здѣсь весьма малое участіе; часто она начинала, дѣлала важныя открытія, но затѣмъ дѣло переходило къ иностранцамъ. Русскихъ археологическихъ экспедицій въ Азій не было, если не считать поѣздки Я. И. Смирнова (оставила слѣдъ на

¹⁾ *И. А. Линниченко и В. В. Хвойко.*—Сосуды со знаками изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры („Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, XXIII).

²⁾ О значеніи изслѣдованій фонъ-Штерна и Хвойки см. въ новомъ изданіи классическаго труда Эд. Мейера „Geschichte des Altertums“ (I B, 2 H. s. 718, 732—736, 740—742 и др.).

³⁾ Надо также отмѣтить плодотворную дѣятельность американскихъ ученыхъ.

⁴⁾ *М. В. Никольскій* — Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи изъ собранія Н. П. Лихачева („Древности Восточныя“, томъ III, вып. II, 1908).

⁵⁾ Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ (№ 41) выпусковъ „Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft“ напечатанъ предварительный отчетъ объ интереснѣйшихъ раскопкахъ на мѣстѣ Герихона, гдѣ обнаружены остатки стѣнъ колоссальной кладки.

изученіи хеттитскихъ древностей) и цѣнной экскурсіи для изученія христіанскихъ древностей Сиріи, исполненной подъ руководствомъ директора Константинопольскаго Археологическаго Института Ѳ. И. Успенскаго ¹⁾. Но ассиро-вавилонскія древности, насъ не дождавшись, къ намъ пришли—и Кавказъ изъ своихъ нѣдръ сталъ давать памятники древнѣйшихъ восточныхъ культуръ. Теперь уже установлено, что Кавказъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ культуръ Междурѣчья и что даже до сихъ поръ въ языкѣ его обитателей можно найти пережитки нарѣчій угаснувшихъ передне-азиатскихъ народностей ²⁾. На древности Кавказа было обращено вниманіе русскихъ ученыхъ, и вотъ по инициативѣ графа А. С. Уварова и, особенно, при ближайшемъ и неустанномъ участіи гр. П. С. Уваровой, энергично и быстро подвинувшей начатое дѣло, повелось археологическое обслѣдованіе Кавказа. Я не стану здѣсь останавливаться на всѣхъ кавказскихъ открытіяхъ, нѣкоторыя изъ которыхъ ³⁾, какъ, напр., открытіе Кобаньскаго могильника, вызвали исключительный интересъ западно-европейскаго ученаго міра, но мнѣ хотѣлось бы отмѣтить крупное значеніе экспедиціи М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго, снаряженной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для археологическаго изслѣдованія нашего Закавказья. Эта экспедиція имѣла своей задачей изслѣдованіе памятниковъ Ванскаго или Урартійскаго царствъ ⁴⁾. Это мощное государство съ царями-завоевателями, силой меча образовавшими грозную большую имперію, серьезно соперничавшую съ Ассиріей, особенную роль играетъ въ IX—VII вв. до Р. Х. На Кавказѣ встрѣчаются многочисленные памятники культуры „Наири“ и „Урарту“ или „Вана“, особенно частые въ видѣ клинообразныхъ надписей. Еще недавно, на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій Археологическаго Общества мы имѣли удовольствіе слушать докладъ ⁵⁾ М. В. Никольскаго объ одной новонайденной надписи, про-

¹⁾ Ѳ. И. Успенскій.—Археологическіе памятники Сиріи („Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь“). Томъ VII, вып. 2—3. 1902.

²⁾ Этому вопросу былъ посвященъ весьма интересный докладъ проф. В. Ѳ. Миллера „Этнографическій интересъ кавказскаго языковѣднія въ настоящее время“ на послѣднемъ Сѣздѣ естествоиспытателей и врачей (см. ср. „Дневникъ XII Сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“, стр. 561—562).

³⁾ Гр. П. С. Уварова.—Матеріалы по археологіи Кавказа вып. VIII; В. Б. Антоновичъ. — О раскопкахъ на Кавказѣ (Труды V Арх. Сѣзда въ Тифлисѣ); Virchow—Das Grabfeld von Koban 1883; Bauern—Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. 1885; Chantre—Recherches anthropologiques dans le Caucase. 1885—87; *его-же*—Origine et ancienneté du premier age du fer au Caucase 1892.

⁴⁾ М. В. Никольскій.—„Клинообразныя надписи Закавказья (Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. V. 1896); *его-же*—Клинообразная надпись Русы I въ Керлани-Керласу на берегу Гокчи („Археол. Извѣстія и Замѣтки“ 1893); *его-же*—Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ („Землевѣднїе“ 1895); см. ср. *его-же* — Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи („Древности Восточныя“, т. I, вып. 3) и статья въ сборникѣ въ честь Ѳ. Е. Корша. Отчетъ прив.-доц. А. А. Ивановскаго въ непродолжительномъ времени появится въ печати въ изд. Моск. Арх. Общ. Коммисіи“.

⁵⁾ Печат. въ „Извѣстіяхъ Императорской Археологической Коммисіи“.

ливающей свѣтъ на поселенія Вана. Въ нашемъ Закавказьѣ (около Армавира, Ташбуруна и др.) найдены эти памятники, сохранились подробныя описанія дѣятельности ванскихъ царей, которые, подобно своимъ соперникамъ—ассирійскимъ владыкамъ, подробно повѣствуютъ о своихъ подвигахъ и славныхъ дѣяніяхъ въ автобіографіяхъ-надписяхъ (цари Аргишти I, Сардури II, Руса II армавирскихъ надписей).

Если въ памятникахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, намъ приходится констатировать ассиро-вавилонское вліяніе, то Востокъ вліялъ и своей болѣе поздней культурой. Такъ, въ различныхъ частяхъ Россіи, въ томъ числѣ, особенно, на далекомъ сѣверѣ, въ Перми находятя при раскопкахъ многочисленныя произведенія (преимущественно серебряная посуда) Сассанидскихъ временъ. Недавно эти памятники изданы въ видѣ особаго атласа „Восточное серебро“ Императорской Археологической Комиссіей подъ редакціей Я. И. Смирнова ¹⁾. Я не останавливаюсь подробнѣе на этихъ открытіяхъ, какъ не останавливаюсь и на открытіяхъ въ области скиѣскихъ и сарматскихъ древностей. Изслѣдованія въ этомъ направленіи, начатыя давно, продолжались и продолжаются ²⁾, но далеко еще то время, когда возможны будутъ какія-либо рѣшающія обобщенія. Въ статьѣ объ И. Е. Забѣлинѣ проф. Д. Н. Анучинъ приводитъ мнѣніе академика Кондакова, сказавшаго, что скиѣскія древности нуждаются еще въ большой работѣ, и сомнительно, чтобы кто-нибудь могъ эту работу теперь исполнить ³⁾.

Но если не такъ утѣшительны результаты въ области изученія скиѣскихъ древностей, то все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами широкая картина жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи. Памятники этихъ колоній всегда изучались особенно интенсивно и особенно продолжительно. Уже въ 50-хъ годахъ появился такой крупный трудъ, какъ „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“ графа А. С. Уварова.

Дальнѣйшія изысканія вширь и вглубь продолжались, продолжаютя и будутъ продолжаться, такъ какъ матеріаль обилень и захватывающе интересень ⁴⁾. Опять и здѣсь раскопки на почвѣ Россіи пред-

¹⁾ Ему-же принадлежитъ брошюра—„О Сассанидскихъ блюдахъ“. 1894.

²⁾ Толстой и Кондаковъ—Русскія древности, II, 1889; гр. Бобринскій—Курганы и случ. арх. находки близъ м. Смѣлы. 1894; Д. И. Багалъй—Раскопки кургановъ въ Валк. и Богодух. уѣздахъ Харьк. губ. (Труды XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ); Е. Н. Мельникъ—Раскопки кургановъ въ Харьковской губ. (Труды XII Археол. Съѣзда въ Харьковѣ); А. С. Лаппо-Данилевскій и В. К. Мальбергъ—Курганъ Карагадеушахъ (Матеріалы по археологіи Россіи, 13); Лаппо-Данилевскій—Скиѣскія древности. 1888 и др.

³⁾ Д. Н. Анучинъ. — И. Е. Забѣлинъ, какъ археологъ въ первую половину его научной дѣятельности, стр. 70 (Древности, Труды Моск. Археол. Общества, т. XXII, вып. 2, 1909).

⁴⁾ E. von-Stern—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres in Lichte archäologischen Forschung (Klio, 1909); В. В. Латышевъ—Понтика. 1909; В. Латышевъ—Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol I, II, IV. 1885, 1890, 1901; Ю. А. Кулаковскій — Прошлое Тавриды 1906; Н. И. Новосадскій—Греческая эпиграфика. Часть I. 1909.

ставляютъ интересъ обще-историческій. Въ настоящее время, когда изученіе греческой исторіи переходитъ отъ центра къ периферіямъ, особое значеніе представляетъ исторія колоній, часто питавшихъ и кормившихъ свои метрополіи. Хозяйственная исторія аѳинской республики необходимо базируется на черноморскомъ матеріалѣ, такъ какъ источникомъ питанія великаго города Эллады былъ понтійскій хлѣбъ (Атика получала съ Боспора половину нужнаго ей хлѣба, что составляло 400 тысячъ медимновъ). Но и до выступленія Атики на Черноморское побережье выводились колоніи другими греческими государствами-городами. Можно сказать, что какъ только начался ростъ греческихъ городовъ и опредѣлились колонизаціонные процессы, нашъ Черноморскій югъ вошелъ въ исторію Эллады. Недавнія, но уже давшія богатый матеріалъ, раскопки Э. Р. фонъ-Штерна въ Березани ¹⁾ устанавливаютъ громадное культурное вліяніе Милета на находящееся тутъ поселеніе (особенно характерны образцы керамики). Могущественный Милетъ поддерживалъ торговыя сношенія съ Востокомъ и Египтомъ и былъ въ VIII—VII вв. однимъ изъ главенствующихъ городовъ. Вліяніе Милета заходило далеко въ глубь Россіи (находки въ Смѣлѣ Кіевской губ.) ²⁾. Затѣмъ вліяніе Милета падаетъ, когда является сильный конкурентъ въ лицѣ Аѳинъ временъ тиранніи Пизистрата и, особенно, эпохи грекоперсидскихъ войнъ. И въ Березани милетское вліяніе смѣняется аттическимъ; въ керамикѣ это отмѣчено появленіемъ чернофигурныхъ вазъ. Насколько можно реконструировать на основаніи добытаго матеріала, населеніе на Березани было небольшое, обитатели его были люди небогатые, занимавшіеся рыболовствомъ и торговлей.

Дальнѣйшія раскопки на Березани продолжаются. Отъ этой скромной и небольшой колоніи мы переходимъ къ остаткамъ пышной, богатой и много пережившей Ольвіи. Древности этой колоніи давно уже привлекли вниманіе и немало археологовъ потрудились надъ ними; но особенно интенсивная работа началась съ 1901 г., когда руководство раскопками принялъ Б. В. Фармаковскій ³⁾. И вотъ въ теченіе 8 лѣтъ раскопки, веденныя систематически и планомерно, дали богатые результаты, расширяя матеріалъ исторіи Ольвіи (такъ, напр., важна надпись, изслѣдованная проф. М. И. Ростовцевымъ и устанавливающая отношенія между Ольвіей и Митридатомъ Понтійскимъ ⁴⁾ и давая богатые образцы

¹⁾ *E. von-Stern*—O. c. s. 141—145; *фонъ-Штернъ*—Отчетъ о раскопкахъ на о. Березани (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, проток. № 369, № 377, № 385; Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ, стр 91—92. № 377, № 385; Извѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ, стр 91—92.

²⁾ *Бобринскій*—Курганы и случ. арх. находки близъ Смѣлы.

³⁾ *Б. В. Фармаковскій*—Раскопки некрополя древней Ольвіи въ 1901 году („Изв. Импер. Арх. Комиссіи“, вып. 8. 1903); *его-же*—Раскопки въ Ольвіи въ 1902 и 1903 годахъ (id. вып. 13. 1906); *его-же*—Раскопки въ Ольвіи въ 1907 году („Гермесъ“, 1907 г.); *B. Pharmakowsky*—Olbia. Fouilles et trouvailles 1901—1908. Communication faite au Congrès archéologique du Caire le 1/14 avril 1909. (Extrait du Bulletin de la Commission Imperiale archéologique, fast. 33); *von-Stern*—O. C. s. 148—149; *В. Латышевъ*.—*Понтика*. 1909.

⁴⁾ *М. И. Ростовцевъ*—Митридатъ Понтійскій и Ольвія („Извѣстія Импер. Археол. Ком.“, вып. 23. 1908).

изобразительныхъ искусствъ. На памятникахъ Ольвіи можно прослѣдить цѣлую смѣну вліяній: эпоха милетскаго вліянія съ египетскими экскурсами, большая и плодотворная эпоха аттическаго вліянія, эллинизмъ, варваризація, романизація, новое разрушеніе — все это интересно и конкретно представлено. Достаточно пересмотрѣть рисунки, помѣщенные въ резюмирующемъ докладѣ Б. В. Фармаковскаго, читанномъ на международномъ конгрессѣ въ Каирѣ¹⁾, чтобы убѣдиться въ богатствѣ и значеніи открытыхъ памятниковъ.

На ряду съ обслѣдованіемъ Ольвіи продолжались дѣятельныя раскопки въ Херсонесѣ²⁾, гдѣ одинаково интересны, какъ Херсонесъ античный, такъ и Херсонесъ христіанско-византійскій. Но и здѣсь, несмотря на произведенную большую работу, далеко не все рѣшено и приведено къ концу; достаточно указать, хотя-бы, на недавнюю полемику Э. Р. фонъ-Штерна и А. Л. Бертъе-Делагарда о мѣстоположеніи древняго Херсонеса³⁾. Христіанскіе памятники Херсонеса нынѣ выходятъ въ прекрасномъ изданіи графини П. С. Уваровой (въ 1908 г. вышелъ III выпускъ „Памятниковъ христіанскаго Херсонеса“, заключающій въ себѣ работу проф. С. П. Шестакова — „Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Х.“). 90-ые и 900-ые годы оживили раскопки въ Керчи, гдѣ работали Ю. А. Кулаковскій и, особенно, В. В. Шкорпилъ⁴⁾.

Большой интересъ вызываютъ раскопки 1908 г. въ области старшаго и младшаго Танаисовъ; это вѣдь были самыя крайніе проводники классическаго вліянія въ глубь Россіи. Поиски Танаиса, начатые московскимъ профессоромъ П. М. Леонтьевымъ⁵⁾, были продолжены въ различныхъ направленіяхъ проф. Н. И. Веселовскимъ и А. А. Миллеромъ. Если Н. И. Веселовскій въ Недвиговкѣ⁶⁾ окончательнo установилъ остатки новаго или младшаго Танаиса, воздвигнутаго во II вѣкѣ по Р. Х. послѣ разгрома древняго Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ, и сдѣлалъ любопытныя находки, то А. А. Миллеръ⁷⁾, разслѣдуя курганы Елисаветовской станицы, нашелъ золотыя украшенія и

1) В. *Pharmakowsky* — О. с. passim.

2) Отчеты о раскопкахъ въ Херсонесѣ К. Косцюшко-Валюжинича въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Импер. Археол. Комиссіи; *Бертъе - Делагардъ* — Раскопки Херсонеса (Матер. по археологіи Россіи, 12, 1893); *Латышевъ - Понтика*. 1909; *Яцуржинскій* — Очеркъ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго (Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, 5, 1898); *Энгель* — Русская Помпея, 1904; *гр. П. С. Уварова* — Раскопки въ Херсонесѣ (Древности. Труды Моск. Археол. Общ. XII, вып. 2); *Бобринскій* — Херсонесъ Таврическій 1905; *Бертъе-Делагардъ* — О Херсонесѣ („Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи“, вып. 21, 1907).

3) *Бертъе-Делагардъ* — О Херсонесѣ (Изв. Импер. Арх. Ком., 21, 1907); *фонъ-Штернъ* — О мѣстоположеніи древняго Херсонеса. 1908.

4) Отчеты Ю. А. Кулаковскаго въ „Матер. по археологіи Россіи“, 9 и В. В. Шкорпилъ въ „Изв. Импер. Арх. Ком.“.

5) П. М. *Леонтьевъ* — Археологическія розысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ („Пропилеи“, кн. IV, 1854).

6) Н. И. *Веселовскій*. — Танаисъ младшій („Гермесъ“, 1909, 5).

7) А. А. *Миллеръ*. — Къ вопросу о Танаисѣ („Гермесъ“, 1909, 3); *его-же* — Раскопки въ районѣ древняго Танаиса („Изв. Импер. Археол. Ком.“, вып. 35, 1910).

сосуды, датируемые IV—III вв. до Р. Х., т.-е. временемъ древняго Та-наиса. Но вліяніе античнаго міра на судьбы юга Россіи этимъ не исчерпывается, и совсѣмъ недавно, на Кавказѣ, на недоступныхъ горныхъ высотахъ Гарни, открытъ греко-римскій храмъ, подвергнутый изученію классическимъ отдѣленіемъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества при ближайшемъ участіи проф. Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова ¹⁾. Таковы результаты открытій классической древности въ предѣлахъ Россіи; они, какъ можно видѣть, даютъ многое и разрѣшаютъ немало существенныхъ вопросовъ, но за разрѣшенными вопросами становится рядъ вопросовъ неразрѣшенныхъ и раскопки новыя неумолимо побуждаютъ къ раскопкамъ новѣйшимъ.

Этимъ я и заканчиваю свои *нѣкоторые итоги*. Въ задачу мою не входило обзорѣніе древностей славяно-русскихъ, древностей княжескаго періода; это могло-бы составить задачу особаго доклада. Нельзя, однако, не отмѣтить, что и въ этомъ направленіи работа послѣднихъ лѣтъ громаднa и захватывающа. Многое суммировано, многое поставлено на первую очередь, многое существенно измѣнило старыя представленія (напр., открытіе въ Кіевѣ мастерскихъ ювелирныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ), но еще бѣльшее находится въ области гипотезъ и болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ, позволю себѣ остановиться на уже поставленномъ вопросѣ: что изъ разсмотрѣннаго вытекаетъ-ли какая-нибудь возможность широкаго философско-археологическаго построенія, цѣльной абстракціи на основаніи даннаго матеріала. Вѣдь философское построеніе, выведенное индуктивнымъ путемъ, опирается на опытъ и наблюденіе, исходитъ изъ твердо установленныхъ и критически провѣренныхъ фактовъ. Между тѣмъ, въ археологіи, даже въ тѣхъ областяхъ археологическихъ открытій, которыя увѣнчаны признаннымъ успѣхомъ, дѣло не доведено до конца, весь фактическій матеріалъ не установленъ. Попытки общихъ построеній могутъ быть не доведены до окончательнаго результата, какъ новое археологическое открытіе требуетъ кореннаго измѣненія самого плана построенія. Безусловно, мы еще въ періодѣ собиранія и накопленія; въ лучшемъ случаѣ мы можемъ подводить итоги работы, резюмировать, ставить отдѣльныя осторожныя рѣшенія въ отдѣльныхъ научно проработанныхъ случаяхъ, до созданія-же общей философско-археологической концепціи далеко, еще дальше, быть можетъ, чѣмъ прежде. Но широкая перспектива, мысль о созданіи точной исторической дисциплины ²⁾ является тѣмъ путеводнымъ огнемъ, тѣмъ свѣточемъ, который широко озаряетъ кропотливую, незамѣтную, но глубокую и неустанную работу археолога-древлеведъа.

И. Вороздинъ.

¹⁾ Съ результатами этихъ изслѣдованій Я. И. Смирновъ знакомилъ Моск. Археол. Общество.

²⁾ Здѣсь археологія не отдѣлима отъ исторіи. Древности, т. XXIII, в. I.

I.

РЪЧИ И АДРЕСЫ.

Рѣчь московскаго губернскаго предводителя дворянства А. Д. Самарина.

Не мнѣ, въ настоящемъ ученомъ собраніи, касаться научныхъ трудовъ покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова: его заслуги передъ наукой уже получили достойную и справедливую оцѣнку.

Но, какъ предводитель московскаго дворянства, къ которому принадлежалъ графъ, я считаю своимъ долгомъ почтить его память. Съ чувствомъ глубокаго уваженія я долженъ отмѣтить его заслуги передъ дворянствомъ, въ собраніяхъ котораго онъ принималъ всегда живое и дѣятельное участіе. Среди своихъ обширныхъ научныхъ занятій гр. Уваровъ нашелъ время, чтобы посвятить свои силы и общественной дѣятельности въ родномъ ему Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ почти два трехлѣтія занималъ должность уѣзднаго предводителя дворянства. Неся государственную службу по выборамъ дворянства, графъ А. С. въ то же время былъ при введеніи земскихъ учрежденій убѣжденнымъ горячимъ работникомъ въ московскомъ земствѣ.

Такія заслуги графа налагаютъ на меня почетную обязанность присоединить голосъ московскаго дворянства, какъ помѣстнаго служилаго сословія, къ голосу тѣхъ, кто собрался здѣсь, чтобы воздать должное одному изъ самыхъ просвѣщенныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, положившему всѣ свои силы на служеніе родной наукѣ и обществу.

Адресъ Лазаревскаго Института

Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Наканунѣ открывшагося вчера радостнаго праздника русской науки, привлекашаго въ Москву тысячи гостей, стремящихся ознакомиться съ ея послѣдними успѣхами, мы получили отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Историческаго Музея приглашеніе почтить память графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, незабвеннаго основателя, перваго и пожизненнаго предсѣдателя Общества,

въ день двадцатипятилѣтней годовщины его смерти. Откликаемся на этотъ призывъ съ тѣмъ большей готовностью, что онъ, хотя бы случайно, напомнилъ намъ древнее народное *jus manium*, „право почившихъ предковъ“. Вспомнимъ трогательный русскій обычай, въ силу котораго всѣ великія празднества сопровождались культомъ мертвыхъ: потомки, готовясь къ празднеству, посѣщали могилы дорогихъ покойниковъ и воскрешали о нихъ свои воспоминанія. Этимъ поддерживалась духовная связь чередующихся поколѣній, передавалась преемственно культурная традиція. Какія же воспоминанія о графѣ вызываетъ въ насъ настоящее чествованіе его памяти? Первоклассный ученый, проложившій широкій путь археологической наукѣ въ нашемъ отечествѣ, обогатившій ее цѣннѣйшими трудами, работавшій всю свою жизнь безъ устали, не покладая рукъ, замѣчательный организаторъ научныхъ предпріятій, оставившій слѣды своей неутомимой дѣятельности въ основаніи нашего Общества, въ возведеніи этого грандіознаго зданія Историческаго Музея — сокровищницы историческаго прошлаго русской культуры, въ организаціи Археологическихъ Съѣздовъ, освѣщающихъ лучами науки цѣлыя громадныя области Россіи, инициаторъ многочисленныхъ раскопокъ и археологическихъ изысканій, — наконецъ,—что стоитъ выше всего въ сердцахъ лицъ, имѣвшихъ счастье вступать съ нимъ въ личное общеніе—высокосимпатичный, безконечно добрый и отзывчивый человекъ—вотъ какой образъ покойнаго возстаетъ въ нашей памяти, образъ, который мы, его младшіе современники, унесемъ съ собой въ могилу. Любвеобильная память вдовы графа украсила нынѣшній день новымъ, только что завершеннымъ научнымъ предпріятіемъ: передъ нами три обширные тома, собравшіе его мелкіе труды, его статьи по теоретическимъ вопросамъ археологіи и матеріалы для его біографіи. Благодаря этому прекрасному изданію, покойный ученый снова возстаетъ передъ нами во весь ростъ, а біографическія данныя проливаютъ новый свѣтъ на первый періодъ его неутомимой дѣятельности, открываютъ передъ нами тѣ задатки даровитаго ученаго, которые такъ плодотворно развились въ его дальнѣйшихъ трудахъ. Возможно ли было болѣе благороднымъ, болѣе цѣннымъ для науки способомъ почтить память покойнаго, чѣмъ этимъ изящнымъ изданіемъ, а равно учрежденіемъ преміи и медали имени графа Уварова?

Привѣтствуя Императорское Московское Археологическое Общество и его высокочтимаго предсѣдателя отъ имени профессоровъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ, отъ Восточной Комиссіи нашего Общества и отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э., тѣсно связанныхъ въ своей дѣятельности съ многосторонними научными интересами покойнаго, въ этотъ свѣтлый день воспоминаній о свѣтлой личности, выражаю глубокую увѣренность, что имя графа А. С. Уварова никогда не утратитъ своего высокаго положенія въ исторіи русской науки и что память о его великихъ заслугахъ будетъ всегда чтиться идущими намъ на смѣну поколѣніями русскихъ археологовъ.

Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Незабвенной памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова
Румянцовскій Музей.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка видный русскій аристократъ посвящалъ досуги отъ государственной службы на высокихъ ея постахъ собиранію и изданію рукописей и книгъ для изученія исторіи отечественной земли и плоды этихъ благороднѣйшихъ стараній онъ завѣщалъ подъ именемъ „Румянцовскаго Музеума“ Русскому государству „на благое просвѣщеніе“.

И когда сего русскаго мецената не стало, въ свой чередъ, явился въ средѣ нашей аристократіи ему достойнѣйшій преемникъ и продолжатель его научныхъ стремленій, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, который понялъ задачу служенія наукѣ русской исторіи и русской археологіи глубже и шире своего знаменитаго предшественника. На опытѣ убѣдившись, какъ избранная имъ наука требуетъ у него всего времени и всѣхъ силъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ нашель, что соединеніе государственной службы со служеніемъ наукѣ, въ избранной имъ мѣрѣ, уже невозможно и потому, удалившись въ частную жизнь, онъ отдался, съ ему одному тогда свойственнымъ увлеченіемъ, книгѣ, организациі археологическихъ раскопокъ и устройству ученаго содружества, посвященнаго изученію русской археологіи, въ родной ему Москвѣ. Ставши между нами руководителемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, онъ, въ свою очередь, увидѣлъ, что однѣхъ раскопокъ и одной теоретической разработки археологіи недостаточно и что, въ разныхъ цѣляхъ, необходимо созданіе въ центрѣ Россіи большаго Россійскаго Историческаго Музея. Тогда открылось передъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ здѣсь обширное поле сооруженія величественнаго по размѣрамъ и характернаго по стилю зданія, съ одной стороны и собиранія для него памятниковъ быта и художествъ русской земли, по всѣмъ ея мѣстамъ, съ другой. Много лѣтъ протекло и много думъ передумано въ этой упорной и сложной работѣ, — и графу Алексѣю Сергѣевичу благосклонною судьбою было даровано счастье увидѣть начало самостоятельнаго существованія и плодотворной дѣятельности созданнаго имъ новаго просвѣтительнаго института, который будетъ жить, пока будетъ жива Москва, или, что одно и то же, пока будетъ жива сама Россія.

Музей, нѣкогда созданный графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, нынѣ съ низкимъ поклономъ приноситъ чувство благоговѣнія къ славной памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, какъ геніальнаго русскаго археолога, имя котораго произносится съ почте-

ніемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, какъ основателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Археологическихъ Съездовъ въ Россіи; ему Румянцовскій Музей нынѣ несетъ свой почтительный поклонъ и какъ основателю идущаго отъ силы къ силѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея. Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ И. Цвѣтаевъ.

Московской Синодальной Конторы.

Московская Святѣйшаго Синода Контора, имѣющая въ своемъ завѣдываніи первопрестольный храмъ Пречистыя Богородицы, какъ древнѣйшую всероссійскую святыню, нынѣ, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени блаженной кончины незабвеннаго перваго предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, стяжавшаго своею ученою дѣятельностію славу безпримѣрнаго его организатора и оставившаго ему свои мудрыя завѣты для строгаго охраненія священныхъ памятниковъ Россійской древности, возноситъ къ Господу Богу свои усердныя молитвы о упокоеніи чистой души его со святыми.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая близко къ сердцу высокія задачи и благія цѣли Археологическаго Общества, въ ознаменованіе четверти вѣка ученыхъ трудовъ его подъ опытнымъ руководствомъ достойнаго преемника графа, теперешняго его пожизненнаго предсѣдателя, досточтимой графини Параскевы Сергѣевны Уваровой, Синодальная Контора уполномочила меня, какъ своего сочлена и настоятеля Успенскаго Собора, быть выразителемъ одушевляющихъ ее чувствъ глубокаго уваженія къ ученымъ трудамъ Общества и торжественно засвидѣтельствовать, что соборъ святителей, присутствующихъ въ Синодальной Конторѣ, преподаетъ Обществу свое благословеніе и усердно молить Бога о продолженіи его плодотворной дѣятельности на стражѣ охраненія памятниковъ отечественной старины, подъ тѣмъ же надежнымъ высокопросвѣщеннымъ руководствомъ, на многая и многая лѣта.

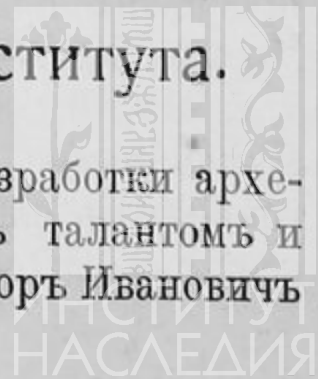
Членъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

29 декабря 1909 года.

Московскаго Археологическаго Института.

Въ половинѣ XIX вѣка выступили на поприщѣ разработки археологіи выдающіеся ученые, обладавшіе несомнѣннымъ талантомъ и громадною эрудиціею. То былъ Порфирій Успенскій, Ѳедоръ Ивановичъ

Буслаевъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Съ того времени, можно сказать, и началась русская археологія, какъ наука.

Сегодня, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени кончины графа А. С. Уварова, съ особенною яркостью долженъ выступить предъ русскимъ обществомъ свѣтлый образъ этого родоначальника русской археологіи.

Необычайная способность группировать около себя дѣятелей для совмѣстной, дружной разработки родной старины—вотъ одна изъ отличительныхъ чертъ его.

Однимъ изъ принциповъ дѣятельности графа была солидарность, такъ сказать, соборность изученія прошлыхъ судебъ отечества и освѣщеніе тьмы минувшихъ вѣковъ.

Его можно назвать рыцаремъ науки, который объединялъ подъ ея знаменемъ ученныя силы, и въ отношеніяхъ котораго и тѣни не было эгоистическихъ цѣлей и личныхъ мелкихъ интересовъ. Потому-то едва-ли среди ученыхъ другой какой-либо области историческаго знанія въ Россіи наблюдалась большая солидарность, какъ среди археологовъ времени графа А. С. Уварова. Сверхъ матеріальныхъ средствъ онъ не только лично работалъ неустанно для успѣховъ археологіи, но и своимъ общественнымъ положеніемъ пользовался для нея же.

Съ чувствомъ благоговѣнія относятся къ памяти графа тѣ, кто только имѣлъ счастье работать вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ. Эта память въ душѣ ихъ окружена ореоломъ.

Графъ А. С. Уваровъ былъ организаторомъ I-го Археологическаго Съѣзда, за которымъ еще при немъ послѣдовалъ и рядъ другихъ, основателемъ Московскаго Археологическаго Общества, Историческаго Музея.

Имъ, вмѣстѣ съ его сотрудниками, издано множество капитальныхъ трудовъ, безъ которыхъ до сихъ поръ никакъ не обойтись ученому, занимающемуся русской археологіей.

Здѣсь нѣтъ времени перечислять ученые труды графа въ области первобытныхъ и бытовыхъ древностей, христіанской археологіи и т. п.

Московскій Археологическій Институтъ считаетъ себя учрежденіемъ, возникшимъ на почвѣ, воздѣланной его трудами, и въ стѣнахъ Института его имя слышится во всѣхъ, аудиторіяхъ на лекціяхъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ.

Потому-то въ настоящій день профессора и преподаватели Института, собравшись in corpore, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ торжественно выразить здѣсь свою глубочайшую признательность и чувство благоговѣйнаго почтенія къ графу А. С. Уварову.

Память о немъ и горячія симпатіи къ нему не умрутъ! Дѣла его живы и будутъ жить, пока въ Россіи существуетъ наука и пока въ мірѣ слышится русская рѣчь!

Церковно-археологическаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Мы, члены Церковно-Археологическаго Отдѣла Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, считаемъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить выдающіяся заслуги незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова на поприщѣ церковной археологіи.

Для возбужденія интереса къ старинѣ и для добыванія возможно большихъ свѣдѣній объ имѣющихся памятникахъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ отнесся къ епархіальнымъ архіереямъ съ просьбою, чтобы они пригласили настоятелей монастырей и церквей къ сообщенію свѣдѣній о всѣхъ имѣющихся у нихъ древностяхъ, что и послужило основаніемъ той замѣчательной коллекціи по церковной археологіи, которою въ настоящее время обладаетъ Императорское Московское Археологическое Общество.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ издалъ альбомъ древностей Новгорода, Пскова, Рязани, Троицко-Сергіевской Лавры.

Кромѣ трудовъ, отдѣльно издававшихся, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ помѣстилъ много своихъ изслѣдованій по церковной археологіи въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологическаго Общества, „Археологическомъ Вѣстникѣ“ и „Трудахъ“ первыхъ археологическихъ съѣздовъ, созданныхъ такъ же по инициативѣ графа.

Своими учеными трудами вообще, и по церковной археологіи въ частности, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ безспорно пріобрѣтена „вѣчная память“.

Н. Д. Струковъ, И. Стеллецкій, Ю. В. Арсеньевъ.

II.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Императорской Археологической Комиссии.

Императорская Археологическая Комиссія проситъ Ваше Сіятельство вѣрить одушевляющему ее чувству благодарнаго уваженія къ дарованіямъ и заслугамъ великаго русскаго археолога графа Алексѣя Сергѣевича Уварова въ памятный день двадцатипятилѣтія его кончины.

Графъ Алексѣй Вобринскій.

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Въ двадцать пятую годовщину смерти своего незабвеннаго основателя Императорское Русское Археологическое Общество съ благодарностью вспоминаетъ научныя заслуги покойнаго Алексѣя Сергѣевича Уварова въ области изученія древностей Россіи.

Помощникъ предсѣдателя графъ Иванъ Толстой.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, свято чтя память незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, какъ основателя научнаго изученія русской археологіи, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія присоединяется къ торжественнымъ поминкамъ по немъ.

Предсѣдатель Общества профессоръ фонъ-Штернъ.

Секретарь профессоръ Попруженко.

Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Русскій Археологическій Институтъ, въ памятный день кончины графа Уварова, выражаетъ чувства глубочайшаго уваженія къ заслугамъ покойнаго.

Успенскій.

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Харьковское Историко-Филологическое Общество присоединяется къ чествованію памяти славнаго дѣятеля русской науки графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, проложившаго новые пути къ изученію старины.

Предсѣдатель профессоръ *Сумцовъ*.

Отъ Новгородскаго Общества Любителей Древности.

Въ двадцать пятую годовщину кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова Новгородское Общество Любителей Древности вспоминаетъ его плодотворную научную дѣятельность и въ Вашемъ лицѣ привѣтствуетъ Императорское Московское Археологическое Общество, созданное покойнымъ и четверть вѣка подъ Вашимъ предсѣдательствомъ обогащающее археологію своими трудами.

Муравьевъ.

Отъ Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Историческій Музей, князю Щербатову. Московскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества въ двадцать пятую годовщину смерти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова присоединяется къ чествованію славной памяти его, какъ дѣятеля на почвѣ русской исторической науки и проситъ Ваше Сіятельство быть выразителемъ предъ графиней Прасковьей Сергѣевной чувствъ глубокаго почитанія къ памяти покойнаго графа.

Генераль отъ кавалеріи *Плеве*.

Отъ Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Военно-Историческаго Общества.

Кіевскій Отдѣлъ Императорскаго Военно-Историческаго Общества, свидѣтельствуя Вамъ, графиня, чувства глубокой скорби памятнаго дня утраты основателя Археологическаго Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ шлетъ увѣренія, что его завѣтъ всегда останется живымъ для Отдѣла.

Предсѣдатель Отдѣла генераль-адъютантъ *Ивановъ*.

Отъ Московскаго Общества любителей художествъ.

Московское Общество любителей художествъ, высоко чтя свѣтлую память графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, какъ бывшаго своего предсѣдателя, въ теченіе долгихъ лѣтъ неустанно заботившагося объ интересахъ Общества и оставившаго по себѣ глубокой и яркой слѣдъ, шлетъ горячее привѣтствіе Московскому Археологическому Обществу и его предсѣдательницѣ, глубокоуважаемой графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой, въ этотъ знаменательный день чествованія памяти основателя и перваго пожизненнаго предсѣдателя, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Предсѣдатель *Воткинъ*. Секретарь *Ежовъ*.

Отъ Минусинскаго Музея.

Музей чествуетъ память графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и привѣтствуетъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ выдающейся научной дѣятельности, съ осуществленіемъ завѣтныхъ думъ покойнаго.

Савенковъ, Тропинъ.

Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Комитетъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей въ день двадцатипятилѣтія со дня кончины незабвеннаго почетнаго члена Музея графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, помолившись объ упокоеніи его души, считаетъ своимъ долгомъ выразить Вамъ чувства глубокой преданности.

Титовъ, Шляковъ.

Отъ Московской Синодальной Типографіи.

Неустанно заботясь о сохраненіи памятниковъ древности, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ много потрудился надъ увѣковѣченіемъ памяти русскаго первопечатника Ивана Федорова, отъ котораго начала быть Московская Синодальная типографія; графъ сохранилъ намъ слѣпокъ съ надгробія Ивана Федорова, который нынѣ замѣняетъ утраченный оригиналъ; графъ всемѣрно заботился о научной реставраціи одного изъ старѣйшихъ зданій Москвы—„Книгохранительной Палаты“,

10*

первымъ положилъ прочное основаніе благоустройству этой палаты и облегчилъ доступъ къ ея книжнымъ и рукописнымъ богатствамъ и всѣмъ этимъ покойный графъ стяжалъ себѣ незабвенную память въ стѣнахъ стараго печатнаго двора. Въ день двадцатипятилѣтія со дня кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова Московская Синодальная типографія приноситъ глубокую и искреннюю благодарность Императорскому Московскому Археологическому Обществу, первымъ предсѣдателемъ котораго состоялъ покойный графъ.

Управляющій типографіею *С. Войтъ.*

Отъ Педагогическаго Музея.

Императорское Московское Археологическое Общество, съ просвѣщенной готовностью снабжающее своими цѣнными тудами Педагогическій Музей, и Императорскій Россійскій Историческій Музей, неоднократно шедшій навстрѣчу педагогическимъ нуждамъ Музея своими научными коллекціями, много облегчили и помогли Педагогическому Музею выполнить его трудную задачу внесенія науки въ школьное преподаваніе въ области русской исторіи и археологіи. Поэтому Педагогическій Музей, выражая общее желаніе педагоговъ, работающихъ въ немъ, въ день двадцатипятилѣтія кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, считаетъ своимъ долгомъ и нравственною обязанностью засвидѣтельствовать о той пользѣ, которую принесла педагогическому дѣлу научная работа Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея и почтить благодарнымъ воспоминаніемъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, создателя Императорскаго Археологическаго Общества и основателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Предсѣдатель бюро Педагогическаго Музея *Н. Тарасовъ.*

Отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Вѣчная памяти достойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ, среди непрестанныхъ заботъ и трудовъ какъ по охранѣ и изученію памятниковъ родной старины, такъ и по созданію въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, центральныхъ для этой цѣли учрежденій Археологическаго Общества и Историческаго Музея, удѣлялъ много вниманія Твери, пробуждая и поддерживая здѣсь интересъ къ историческимъ изысканіямъ, заботливо слѣдя за обогащеніемъ Тверскаго Музея и принимая горячее и непосредственное участіе въ изданіи его коллекціи. Поэтому въ настоящій памятный день двадцатипятилѣтней годовщины незабвеннаго устроителя отечественной археологіи, Тверская Ученая Архивная Комиссія считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ Вами, достойной

продолжательницей его великихъ трудовъ, о чувствахъ глубокой признательности къ заслугамъ почившаго, питая увѣренность, что живыя и дѣятельныя сношенія первопрестольной Москвы со старой Тверью будутъ продолжаться и развиваться на пользу русской исторической науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Ивановъ*.
Правитель дѣлъ Комиссіи *Виноградовъ*.

Отъ Рязанской Архивной Комиссіи.

Рязанская Архивная Комиссія предъ портретомъ Алексѣя Сергѣевича Уварова кладетъ земной поклонъ памяти славнаго археолога.

Предсѣдатель *Яхонтовъ*.

Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ярославская Архивная Комиссія, тѣсно и неразрывно связывая имя графа Алексѣя Сергѣевича со славной эпохой развитія самопознанія русскихъ людей, шлетъ свой привѣтъ достойной продолжательницѣ трудовъ покойнаго.

Предсѣдатель Комиссіи *кн. П. Урусовъ*.

Отъ Можайскаго Благотворительнаго Общества.

Молитвенно присоединяясь къ чествованію Археологическимъ Обществомъ дня двадцатипятилѣтія годовщины кончины Вашего супруга, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, Можайское Благотворительное Общество, отслуживъ сегодня панихиду по покойномъ, какъ основателѣ его, приноситъ Вашему Сіятельству искреннія пожеланія здоровья и многолѣтія на пользу и дальнѣйшее процвѣтаніе этихъ Обществъ.

Помощница предсѣдательницы *Давыдова*.

Отъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Витебская Ученая Архивная Комиссія присоединяется къ чествованію памяти незабвеннаго дѣятеля русской старины графа Уварова.

Предсѣдатель *Арсеньевъ*.

Отъ Московскаго Губернатора.

Глубоко сожалѣю, что служебныя дѣла лишаютъ меня возможности воспользоваться любезнымъ Вашимъ приглашеніемъ и прибыть на торжественное засѣданіе по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, память котораго я особенно чту.

Губернаторъ *Джунковскій.*

Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Милостивый государь, князь Николай Сергѣевичъ! Не имѣя возможности быть сегодня на торжественномъ соединенномъ засѣданіи Управленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Александра III и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ памяти основателя Музея и перваго его предсѣдателя графа А. С. Уварова, позволяю себѣ письменно привѣтствовать Васъ, Ваше Сіятельство. Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашею Сіятельства покорнѣйшій слуга *А. Ждановъ.*

Отъ профессора Д. В. Айналова.

Чтя заслуги основателя Историческаго Музея, покойнаго графа Уварова, приношу дань глубокаго уваженія памяти и трудамъ выдающагося русскаго ученаго.

Айналовъ.

Отъ ректора Харьковскаго Университета.

Всею душой присоединяюсь къ чествованію памяти графа Уварова, заслуги котораго останутся незабвенными въ лѣтописяхъ русской археологической науки.

Ректоръ *Вагалъй.*

Отъ проф. М. Н. Бережкова.

Дай Богъ ему царство небесное и сбытіе его земныхъ надеждъ на то, что археологическая и историческая наука въ Россіи будетъ расти и привлекать къ себѣ все больше людей таланта и патриотическаго настроенія, что во вкусъ ея войдутъ постепенно всѣ образованные и просто грамотные люди русскіе. И мы уже видимъ, что эти надежды въ значительной мѣрѣ сбываются. Идея графа жива. Прощайте! Цѣлую Вашу руку, душевно преданный Вамъ *М. Бережковъ.*

Отъ Е. В. Барсова и А. А. Титова.

Съ именемъ графа Уварова связана новая эпоха исторической науки. Состоя подъ знаменемъ собранной имъ археологической дружины, мы научились и любить и уважать это знамя. Гордые этимъ сознаниемъ, вдохновляемые его энтузіазмомъ, мы благоговѣйно присоединяемся къ чествованію его памяти и великаго подвига его жизни.

Барсовъ, Титовъ.

Отъ К. В. Болсуновскаго.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Узнавъ изъ газетъ о торжественномъ чествованіи въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ 29 декабря памяти основателя нашего Общества, высокопочитаемаго супруга Вашего Сіятельства графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, считаю своимъ долгомъ, хотя письменно, присоединиться къ этому акту лучшихъ представителей всероссійской науки и выразить Вашему Сіятельству мои искреннѣйшія чувства глубокаго уваженія къ свѣтлой памяти незабвеннаго дѣятеля въ области археологіи. Одновременно прошу разрѣшенія прислать на усмотрѣніе Вашего Сіятельства 10-ти экземпляровъ моего изслѣдованія о „Жертвенникѣ Свѣтовіда“.

Вашего Сіятельства искренно преданный слуга *К. В. Болсуновскій.*

Отъ М. П. Боткина.

Съ искреннею благодарностью преклоняюсь передъ незабвенной памятью графа Алексѣя Сергѣевича, создавшаго чудный Музей въ Москвѣ, и передъ графиней Прасковьей Сергѣевной, достойно и съ честью продолжающею благое дѣло просвѣщенія. Желая здоровья и энергіи на многія лѣта.

Михаилъ Боткинъ.

Отъ проф. В. П. Бузескуль.

Мысленно отъ всей души присоединяюсь къ чествованію памяти незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской археологіи графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, сожалью, что не могу присутствовать лично.

Бузескуль.

Отъ А. И. Вахромѣва.

Покойный отецъ мой, Иванъ Александровичъ Вахромѣвъ, сталъ на путь историко-археологическихъ интересовъ благодаря нравственному воздѣйствію незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова и потому завѣщалъ все свое рукописное собраніе въ Историческій Музей, основанный графомъ. Движимый семейнымъ воспоминаніемъ и благодарнымъ чувствомъ, отъ лица всей семьи привѣтствую Императорское Московское Археологическое Общество, продолжающее завѣтъ и подвигъ своего славнаго основателя.

Александръ Вахромѣвъ.

Отъ П. П. Вейнеръ.

Сожалѣю, что поздно узналъ о годовщинѣ кончины графа Уварова. Прошу передать Археологическому Обществу, что „Старые Годы“ благодарно вспоминаютъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, положившаго столько труда, знанія и любви на изученіе родной старины. Вѣчная слава его имени.

Вейнеръ.

Отъ проф. Р. Гаусманна.

Чту память основателя научнаго изслѣдованія русской археологіи.

Гаусманнъ.

Отъ А. А. Голомбѣвскаго.

Позвольте привѣтствовать Васъ и пожелать многіе годы нести знамя вождя русской археологіи, полученное Вами двадцать пять лѣтъ назадъ изъ рукъ самого достопамятнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, перваго русскаго ученаго археолога.

Голомбѣвскій.

Отъ М. И. Забѣлиной.

Посылаю мое искреннее привѣтствіе Археологическому Обществу и Историческому Музею, съ его блестящей и плодотворной дѣятельностью, свято и крѣпко сохранившую за эти 25 лѣтъ завѣты и намѣченныя цѣли незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича. Да здравствуетъ Историческій Музей, да здравствуетъ Археологическое Общество и его славная досточтимая предсѣдательница на многія, многія лѣта.

М. Забѣлина.

Отъ проф. В. С. Иконникова.

Вспоминая великій подвигъ, совершенный покойнымъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ на пользу отечественной науки, считаю долгомъ выразить искреннѣйшее почитаніе его памяти и пожеланіе Обществу и впредь слѣдовать дорогимъ завѣтамъ своего основателя.

Иконниковъ.

Отъ проф. Д. А. Корсакова.

Глубоко и искренно чтя память графа Алексѣя Сергѣевича, какъ основателя русской археологической науки и патріота въ наилучшемъ смыслѣ этого слова, сердечно сожалью, что не могу быть на сегодняшнемъ чествованіи его незабвенной памяти, но возобновившаяся малярія не позволяетъ мнѣ это исполнить.

Профессоръ Корсаковъ.

Отъ проф. П. А. Лаврова.

Присоединяюсь къ чествованію памяти графа, заслуженнаго изслѣдователя въ области археологіи.

Профессоръ Лавровъ.

Отъ проф. Н. П. Лихачева.

Пожалуйста, присоедините къ общему хору и мой скромный привѣтъ. Знаменательный день чествованія памяти графа Алексѣя Сергѣевича является въ то же время и юбилейнымъ днемъ двадцатипятилѣтней могучей и неустанной дѣятельности графини, достойной замѣстительницы создателя археологическихъ съѣздовъ и научной разработки русской археологіи.

Николай Лихачевъ.

Отъ настоятеля Меречской церкви.

Въ январѣ наступающаго 1910 года исполнится ровно 20 лѣтъ, какъ мною получено было приглашеніе прибыть въ Москву на VIII Археологическій Съѣздъ. Тогда я былъ счастливецомъ гостемъ; мнѣ пришлось жить въ кабинетѣ покойнаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, при той обстановкѣ, какая была при жизни его. Пять лѣтъ только отдѣляло свѣжую тогда могилу дорогого и незабвеннаго графа отъ не-

изгладимыхъ тѣней его жизни, совокупной и нераздѣльной съ жизнью истинныхъ сыновъ Россіи!

Ознакомленный обстоятельно съ возникновеніемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и съ завѣтами покойнаго графа, воплотившаго въ своей жизни красу семейнаго Богомъ благословеннаго счастья, сроднившего подъ семейнымъ очагомъ священные завѣты предковъ, поставивъ ихъ — какъ вѣчно дорогое наслѣдіе потомству Россіи, съ неземнымъ восторгомъ вспоминаю и теперь лучшіе годы моей жизни, къ которымъ молитвенно прилипаетъ душа, вѣрующая не только въ лучшее прошлое, но и въ лучшее будущее...

Воистину рѣдкое воплощеніе идеаловъ, гармонично связующихъ семью домашнюю и притомъ аристократическую съ семьей общерусскою! Сколько вѣры, чистой, какъ кристалль, сколько энергіи, сколько силы и простоты душевной воплотилось въ этой избранницѣ двухъ родовъ—князей Щербатовыхъ и графовъ Уваровыхъ! Обвѣхать весь Кавказъ, колыбель древняго христіанства, посѣтить всѣ святыни Грузіи, Имеретіи и т. д., ставшихъ нынѣ камнемъ преткновенія для міра сего, развѣ это не великій подвигъ служенія русской женщины родной вѣрѣ и аборигенамъ ея—носителямъ этой вѣры!

Гг. археологи! Вспомните засѣданія VIII Археологическаго Съѣзда, величавыя, чудныя и неподобныя по своей архаической простотѣ и искренности въ зданіи Историческаго Музея, гдѣ во весь ростъ красуется живой портретъ незабвеннаго графа А. С. Уварова—основателя Московскаго Археологическаго Общества! Вспомните нашу заключительную экскурсионную поѣздку въ Троице-Сергіеву Лавру! Вспомните послѣдующіе Археологическіе Съѣзды въ Вильнѣ, Ригѣ!.. Кто былъ живымъ и милымъ отголоскомъ бессмертной души графа А. С. Уварова, какъ не благовѣрная супруга его, донинѣ здравствующая графиня Прасковья Сергѣевна! Какъ она умиротворяла на съѣздахъ бушующія страсти—словно родная мать, избранница ареопага ученыхъ людей Россіи и Европы! Можно ли, на примѣръ, сравнить подчасъ „бурныя“ засѣданія Археологическихъ Съѣздовъ съ нынѣшними засѣданіями Государственной Думы? Разница какъ небо отъ земли!

Окружимъ же „русскою“ дружиною вѣчно дорогую могилу основателя „русской археологіи“ незабвеннаго графа А. С. Уварова; пусть онъ будетъ для всѣхъ насъ и потомковъ нашихъ свѣточемъ русской души и русской жизни! Вѣчная и блаженная память ему! Слезами оросимъ могилу его, а вѣрной хранительницѣ завѣтовъ въ Бозѣ почившаго графа, достойнѣйшей супругѣ его графинѣ П. С. Уваровой отъ чистой души пожелаемъ съ неослабною энергіею продолжать и совершенствовать ученые труды свои для славы родной матушки нашей Россіи на многая и многая лѣта!

Меречской Кресто-Воздвиженской церкви настоятель

священникъ *Левъ Паевскій.*

Отъ проф. Н. И. Петрова.

Благоговѣнно чту память незабвеннаго графа.

Профессоръ *Петровъ*.

Отъ протоіерея Попова.

Вѣчная память о высокопочтенныхъ подвигахъ и приснопамятныхъ трудахъ незабвеннаго основателя славнаго Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и драгоцѣннаго Историческаго Музея графа Алексѣя Сергѣевича Уварова всегда будетъ жить въ русскомъ сердцѣ, изъ котораго нынѣ изливается горячая молитва объ упокоеніи чистой души почившаго въ райскихъ обителяхъ и о здравіи и долгоденствіи Вашего Сіятельства, какъ просвѣщеннаго и энергичнаго исполнителя великихъ завѣтовъ почившаго. Да процвѣтають Императорское Московское Археологическое Общество и Историческій Музей, какъ памятники славнаго и просвѣщеннаго ихъ основателя!

Протоіерей *Поповъ*.

Отъ доктора Рябинина.

Въ день двадцатипятилѣтія памяти незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова привѣтствую въ Вашемъ лицѣ, графиня, председательницу Московскаго Археологическаго Общества, основаннаго имъ любимаго его родного дѣтища и отъ души желаю процвѣтанія Общества на многіе славные годы.

Докторъ *Рябининъ*.

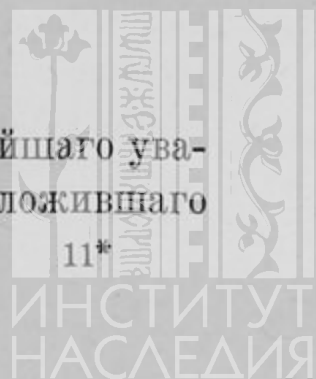
Отъ Н. Ф. Рихтера.

Усиленные работы не даютъ возможности лично присутствовать на торжественномъ засѣданіи Археологическаго Общества, чтобы почтить память графа; всей душой съ Вами въ этотъ памятный день.

Николай Рихтеръ.

Отъ проф. Д. Я. Самоквасова.

По нездоровью выражаю телеграммой чувство глубочайшаго уваженія къ памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, положившаго

прочныя основы русской археологіи своими раскопками, основаніемъ въ Москвѣ Археологическаго Общества и Историческаго Музея, учрежденіемъ общерусскихъ Археологическихъ Съѣздовъ и богатѣйшими изданіями, передавшаго великое дѣло своей доблестной супругѣ, уже четверть вѣка съ изумительной энергіей продолжающей дѣятельность незабвеннаго графа, также не щадя своихъ личныхъ силъ и средствъ на пользу русскаго національнаго самосознанія.

Профессоръ *Самоковасовъ*.

Отъ протоіерея Смирнова.

Незабвенному супругу Вашему вѣчная память.

Протоіерей *Симеонъ Смирновъ*.

Отъ А. И. Стоянова.

Всею душою присоединяюсь къ чествованію памяти незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича. *Стойновъ*.

Отъ С. В. Фарфоровскаго.

Ваше Сіятельство! По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ предполагается чествованіе незабвенной и великой памяти предсѣдателя Археологическаго Общества графа А. С. Уварова; я былъ бы счастливъ, если бы прилагаемый при семъ „Сборникъ матеріаловъ (архивныхъ) по русской исторіи“ былъ принятъ какъ малая дань великой работѣ графа А. С. Уварова. Его великую цѣль я приспособилъ къ школьному преподаванію, проводя въ немъ ту же идею, какую осуществлялъ великій ученый. Этотъ сборникъ вышелъ во исполненіе словъ Государя Императора въ Полтавѣ: „нужно, чтобы всѣ вѣрные Мои подданные помогали Своему Государю, нужна вѣра въ силу своего отечества, любовь къ нему, любовь къ своей старинѣ“.

Почтительнѣйше прошу извиненія за мое обращеніе къ Вамъ, Ваше Сіятельство. Преподаватель гимназіи *С. Фарфоровскій*.

Отъ прокурора Московской Святѣйшаго Синода конторы.

Имѣю честь увѣдомить Московское Археологическое Общество, что на имѣющее быть 29 сего декабря, въ залѣ Историческаго Музея, чествованіе 25-лѣтія кончины основателя и перваго пожизненнаго предсѣдателя означеннаго Общества графа А. С. Уварова отъ Московской Св. Синода Конторы и подвѣдомственныхъ ей учреждений командировается членъ Конторы протопресвитеръ Московскаго Большаго Успенскаго собора В. С. Марковъ.

Прокуроръ *Ф. Степановъ*. Секретарь *В. Треликъ*.

Правила о медали имени графа А. С. Уварова, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

§ 1. Въ память основателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и его перваго и пожизненнаго предсѣдателя гр. А. С. Уварова учреждается большая золотая медаль для увѣнчанія отличныхъ трудовъ по русской археологіи.

§ 2. Медаль выдается за труды, написанные на русскомъ языкѣ и посвященные изслѣдованію памятниковъ древности, какъ первобытныхъ, такъ и христіанскихъ, классическихъ, восточныхъ и памятниковъ зодчества, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы изслѣдованіе касалось древностей, найденныхъ или находящихся въ предѣлахъ Россіи и имѣющихъ прямое отношеніе къ древностямъ Россіи.

§ 3. Медаль имени графа А. С. Уварова выдается и за такія сочиненія, которыя были уже удостоены другими почетными наградами или преміями.

§ 4. Медаль присуждается одинъ разъ въ три года за сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ въ теченіе этого періода времени, причемъ первое присужденіе медали приурочивается ко дню 25-лѣтія со дня кончины графа, т.-е. къ 29 декабря 1909 года.

§ 5. Для присужденія медали Императорское Московское Археологическое Общество избираетъ въ послѣдній годъ каждаго трехлѣтія, въ первомъ своемъ осеннемъ засѣданіи, особую Комиссію изъ 7 членовъ, которая изъ появившихся въ трехлѣтній періодъ времени археологическихъ сочиненій выбираетъ наиболѣе важное и поручаетъ разборъ его лицу по своему усмотрѣнію.

§ 6. Заключение свое Комиссія, вмѣстѣ съ отзывомъ специалистовъ, представляетъ на утвержденіе чрезвычайнаго общаго собранія Общества, созываемаго въ день кончины графа, 29 декабря.

§ 7. Медаль присуждается баллотировкой большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ Общества.

§ 8. Кромѣ золотой медали, выдается, въ знакъ признательности, лицамъ, принявшимъ на себя трудъ составленія разборовъ, такая же серебряная медаль.

Протоколъ засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 27 декабря 1909 г., подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Н. Н. Ардашева, С. К. Богоявленскаго, Р. Ѳ. Брандта, В. А. Городцова, А. Д. Григорьева, С. О. Долгова, Б. И. Дунаева, З. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, о. І. І. Кузнецова, Н. С. Курдюкова, Х. И. Кучукъ - Іоаннесова, І. К. Линдемана, И. П. Машкова, В. Ѳ. Миллера, А. А. Покровскаго, Л. М. Савелова, Д. П. Сухова, А. Н. Филиппова, А. С. Хаханова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Засѣданіе было посвящено, главнымъ образомъ, выслушанію отзывовъ о сочиненіяхъ, намѣченныхъ Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 15 декабря, какъ отвѣчающихъ требованію § 2 Правилъ о медали имени основателя Общества гр. А. С. Уварова, присуждаемой каждое 3-лѣтіе, начиная съ 29 декабря сего года—дня 25-лѣтія его кончины и для рѣшенія вопроса о присужденіи этой медали.

2. Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта Общества 15 декабря по вопросу о выборѣ трудовъ историко-археологическаго характера, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣдніе 3 года и которые удовлетворяли бы § 2 Правилъ о присужденіи золотой медали имени гр. А. С. Уварова.

По поводу этого протокола, Н. Н. Ардашевъ просилъ добавить и объ его предложеніи намѣтить послѣднія изданія гр. П. С. Уваровой, которая въ засѣданіи 15 декабря отказалась отъ этого предложенія, а другіе члены просили упомянуть также, что единодушное мнѣніе всѣхъ остановилось на послѣднемъ трудѣ М. В. Никольскаго „Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи“, но онъ не могъ быть принятъ къ разбору, какъ касающійся памятниковъ, найденныхъ внѣ Россіи, и не относящихся къ исторіи Россіи.

Постановлено: внести это дополненіе въ настоящій протоколъ, а о предложеніи Н. Н. Ардашева занести въ протоколъ.

3. Заслушаны были отзывы о сочиненіяхъ, отмѣченныхъ въ засѣданіи Совѣта Общества 15 декабря, а именно:

1) С. О. Долговъ прочелъ отзывъ о трудѣ проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“, т. 2-й, книги 1 и 2.

2) Секретарь прочелъ отзывъ Ю. В. Готье о трудахъ проф. Д. Я. Самоквасова: а) „Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ“ и б) „Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова“.

Къ этому Н. Н. Ардашевъ указалъ еще на послѣдній томъ „Документовъ Архива Мин. Юстиціи“, представляющій серьезный вкладъ въ науку, а В. К. Трутовскій на пропущенные рецензентомъ труды проф.

Самоквасова, также являющіеся весьма серьезными въ научномъ отношеніи—„Могилы русской земли“ и „Курсъ исторіи русскаго права“, изд. 3, какъ заключающій въ себѣ очень много чисто археологическихъ данныхъ.

3) В. К. Трутовскій прочиталъ свой отзывъ о послѣднихъ трудахъ д. чл. А. В. Орѣшникова: а) „Окуловскій кладъ русскихъ денегъ“, б) „Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона“, в) „Херсоно-византійскія монеты“, г) „Полтавская медаль и плакета Гоголя“ и д) „Аптекарская посуда времени Петра Великаго“.

Такъ какъ всѣ отзывы были вполнѣ въ пользу разбиравшихся сочиненій, то всѣ они и были поставлены на баллотировку, причемъ, согласно § 7 Правилъ о медали, большинство должно было быть не меньше $\frac{2}{3}$ присутствующихъ членовъ, каковое было установлено для настоящаго собранія въ 15 голосовъ, въ виду присутствія 22 дѣйств. членовъ Общества.

При баллотировкѣ шарами наибольшее количество шаровъ—16—6 получилъ трудъ проф. Иконникова, которому и была присуждена медаль.

П о с т а н о в л е н о: объявить о семъ въ засѣданіи 29 декабря.

Отзывъ С. О. Долгова о трудѣ проф. В. С. Иконникова.

Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книга первая. Кіевъ, 1908, 8 д. л., V+II+X+1056+XXXII+V стр.

Томъ второй. Книга вторая. Кіевъ, 1908, 8 д. л., III+(1057—1955)+XLIX+113 (Указатели)+IX+XI.

Въ 1908 году появился въ печати второй томъ замѣчательнаго труда заслуженнаго профессора университета св. Владиміра В. С. Иконникова— „*Опыта русской исторіографіи*“. Содержаніе этого тома представляетъ систематическій обзоръ источниковъ и исторію разработки Русской исторіи. Трудъ, по-истинѣ, гигантскій, потребовавшій, при исключительной работоспособности и подготовленности автора и при благопріятныхъ прочихъ условіяхъ, цѣлыхъ 18 лѣтъ для своего завершения. За то сразу же послѣ своего отпечатанія второй томъ Русской исторіографіи сталъ, подобно первому, необходимой настольной книгой русскаго историка, русскаго археографа, вообще всякаго лица, такъ или иначе интересующагося прошлымъ земли Русской.

Весь второй томъ „*Опыта русской исторіографіи*“ раздѣленъ на двѣ книги и пять отдѣловъ; отдѣлы въ свою очередь подраздѣляются на главы, въ зависимости отъ содержанія. Кромѣ того, въ началѣ первой книги приложены предисловіе и введеніе, а въ концѣ второй, сверхъ дополненій, два указателя: личныхъ именъ и географическихъ названій.

Обратимся къ содержанію рассматриваемаго сочиненія.

Въ главѣ I перваго отдѣла авторъ опредѣляетъ роль эпическихъ пѣсенъ въ дѣлѣ сохраненія преданій, а чрезъ это и въ приобрѣтеніи народомъ историческихъ знаній. Попутно объясняется во всемъ этомъ роль памяти и дается характеристика эпоса у разныхъ народовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ авторъ указываетъ на вліяніе поэтическаго элемента въ первоначальныхъ историческихъ опытахъ народовъ и опредѣляетъ роль генеалогіи и хроники въ дѣлѣ возникающей исторіографіи. Глава вторая посвящена возникновенію лѣтописи и ея исторіи. Здѣсь вкратцѣ рассматриваются лѣтописные труды Востока (Китай, Ассирія, Египеть, Индія, Іудея и пр.) и болѣе подробно лѣтописаніе европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ и кончая западными славянами. Особенное вниманіе здѣсь авторъ справедливо удѣляетъ средневѣковой исторіографіи. Онъ изслѣдуетъ лѣтописи монастырскія, мѣстныя и государственныя, всемірныя и городскія хроники, указываетъ на вліяніе политическихъ событій и мѣстныхъ условій на ходъ

лѣтописаній, характеризуетъ позднѣйшіе сборники и компиляціи, причемъ останавливается на преданіяхъ и легендахъ и, въ заключеніе, разбираетъ важнѣйшія хроники западныхъ славянъ — чеховъ и поляковъ. Обѣ эти главы носятъ характеръ вводныхъ, и содержаніе очень удачно приноровлено для поясненія дальнѣйшаго изложенія. Болѣе детально разработана авторомъ слѣдующая 3-я глава: о византійской хронографіи, имѣющая болѣе близкое отношеніе къ хронографіи русской. Здѣсь, кромѣ общаго характера византійскихъ хроникъ, особенно внимательно изученъ и изложенъ вопросъ о значеніи Георгія Амартола, указаны славянскіе переводы Амартола и пояснено вліяніе его возрѣній на русскую лѣтопись. Затѣмъ разсмотрѣны другія византійскія хроники, существующія въ славянскихъ переводахъ—Малала, Манассія, Зонара, Симеонъ Логофеть, „Лѣтописецъ вскорѣ“ патріарха Никифора и др.; въ заключеніе разобраны южно-славянскія и румынскія лѣтописи и даже опредѣлено вліяніе византійской хронографіи на лѣтописаніе Востока (армянъ, грузинъ, турокъ).

Первый отдѣлъ, какъ мы видѣли, служитъ необходимымъ введеніемъ къ изслѣдованію русской исторіографіи и только со второго отдѣла это изслѣдованіе начинается. Здѣсь вопросъ ставится очень широко, матеріаль тщательно группируется и всесторонне освѣщается. Въ первой главѣ авторъ собираетъ свѣдѣнія о культурѣ Приднѣпровья съ Геродотовскихъ временъ, приводитъ древнѣйшія извѣстія о славянахъ и русахъ, слѣдитъ за вліяніемъ Византіи и Корсуни въ первыя времена Русской исторіи. Здѣсь также разсматриваются политическія отношенія при первыхъ князьяхъ, до принятія Русью христіанства и въ послѣдующее время, установленіе государственнаго порядка по византійскимъ началамъ и прослѣжены судьбы Кіевской Руси до нашествія татаръ. Отведено здѣсь мѣсто политическимъ и брачнымъ союзамъ, не забыть извѣстный „путь въ Греки“, указаны торговыя связи съ Востокомъ и Западомъ, и отдѣльно разсматриваются культурныя вліянія на основаніи важнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствъ и археологическихъ данныхъ, напр., въ десятой рубрикѣ этой главы перечислены и сведены многочисленныя археологическія находки монетъ, кіевскихъ кладовъ и вообще древнихъ вещей въ области древней Руси и смежныхъ съ нею. Слѣдующая глава посвящена гражданскому быту, церковному устройству и начаткамъ образованности Кіевской Руси. Здѣсь также говорится о возникновеніи монашества, монастыряхъ Кіевской области, особенно Печерскомъ, и о благочестивыхъ хожденіяхъ на Востокъ. Въ главѣ третьей авторъ повѣствуетъ о возникновеніи письменности на Руси и ея характеръ, перечисляетъ древнѣйшіе книжные памятники, какъ переводные, такъ и оригинальные, и сообщаетъ свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ Кіевского періода; затѣмъ онъ подробно рассказываетъ о началѣ русскаго лѣтописанія, о лѣтописи Кіево-печерской, останавливается на мірской стихіи въ литературѣ и жизни, выясняетъ неблагопріятныя условія развитія этой стихіи подъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, проникшаго въ русскую жизнь, и, въ заключеніе, указываетъ на причины исчезновенія

письменныхъ памятниковъ древней Руси отъ набѣговъ кочевниковъ, татарскаго нашествія и позднѣйшихъ бѣдствій Кіевской области. Съ четвертой главы этого отдѣла начинается самая значительная часть „Опыта исторіографіи“. Здѣсь авторъ вступаетъ въ область наиболее важную своего „Опыта“, для изученія и разработки которой онъ и самъ много потрудился въ области русской лѣтописи. Въ области этой онъ не только, какъ и вездѣ, тщательный собиратель и изслѣдователь всѣхъ мнѣній,—онъ здѣсь глубокій знатокъ, а потому и изложеніе его исчерпываетъ вопросъ до самаго дна, и аппаратъ его — историческій, критическій и библиографическій—совершененъ. Нѣтъ, кажется, той стороны изученія Начальной лѣтописи, лѣтописей мѣстныхъ, лѣтописныхъ сводовъ, которой онъ не изложилъ бы съ ясностью и исключительной полнотой. Вотъ, на примѣръ, содержаніе четвертой главы:—Отношеніе русской лѣтописи къ византійской и западной хронографіи.—Пасхальныя таблицы.—Хронологія.—Источники Начальной лѣтописи и ея содержаніе.—Значеніе кіевскаго свода.—Мѣстный элементъ.—Лѣтописныя параллели.—Міросозерцаніе лѣтописца.—Государственное значеніе лѣтописи.

Такъ же обстоятельны и исчерпывающіе слѣдующія главы этого отдѣла, посвященныя: глава 5-я—научной разработкѣ древней лѣтописи отъ Татищева до „нашихъ дней“, т.-е. до изслѣдованій и статей А. А. Шахматова; главы 6 по 13-ую—лѣтописямъ мѣстнымъ или областнымъ кіевской, смоленскимъ, галицко-волынской, новгородскимъ, псковскимъ и др. Всѣ эти областныя лѣтописи изслѣдуются въ связи съ политической, бытовой и культурной исторіей тѣхъ княжествъ, областей и городовъ, гдѣ эти лѣтописи возникали. Особенно подробно въ этомъ отношеніи изслѣдованы Волынь и Галичъ, Новгородъ-Великій, Псковъ, Ростовъ, Владимиръ и Суздаль, Тверь и Рязань.

Главы 1 и 2 отдѣла третьяго посвящены московскому лѣтописанію, которое изслѣдуется авторомъ также широко. Предварительно онъ рассказываетъ о возвышеніи Москвы, расширеніи ея территоріи, утвержденіи единой державы, ея промышленности и о роли церкви во всемъ этомъ. Затѣмъ онъ останавливается на значеніи монастырей въ дѣлѣ московской книжности и письменности и опредѣляетъ вліяніе политическихъ условій на исторіографію московскаго періода. Указавъ потомъ связь московскаго лѣтописанія съ владимирскимъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію лѣтописныхъ сводовъ: Софійскаго, Воскресенскаго, Никоновскаго, лицевыхъ лѣтописей, официальной лѣтописи, разрядовъ. Въ 3-й главѣ рассматриваются такъ же подробно Казанскій лѣтописецъ и лѣтописи Сибирскія, а въ 4-й Степенная книга, ея происхожденіе, содержаніе и видоизмѣненія. При всѣхъ этихъ обзорѣніяхъ тщательно указаны списки памятниковъ, ихъ изданія и литература. Въ главѣ 5-й подробно повѣствуется о русскомъ хронографѣ, его происхожденіи, редакціяхъ и спискахъ. Въ заключительной 6-й главѣ этого отдѣла рассматриваются своды XVII и XVIII-го вѣковъ, позднѣйшія городскія и мѣстныя лѣтописи, лѣтописи раскольничьи, синодики и разсуждается о причинахъ прекращенія лѣтописанія.

Отдѣлъ IV весь отведенъ лѣтописанію Западной Руси и Мало-россіи.

Отдѣлъ V раздѣленъ на три главы. Первая посвящена житіямъ святыхъ и другимъ сочиненіямъ біографическаго характера, вторая—сказаніямъ и повѣстямъ въ широкомъ смыслѣ этихъ опредѣленій; сюда, между прочимъ, вошли и описанія путешествій на Востокъ и Западъ. Заключается этотъ отдѣлъ историческимъ обзоромъ вопроса объ изданіи лѣтописныхъ памятниковъ со времени Петра Великаго; здѣсь же нашла себѣ оцѣнку дѣятельность по этому вопросу Археографической Комиссіи, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Общества Любителей Древней Письменности; указаны и помѣстныя изданія.

Кромѣ указанныхъ ранѣе отличій труда Иконникова, отмѣтимъ еще здѣсь важную особенность изслѣдованія, именно привлеченіе авторомъ при рѣшеніи выдвигаемыхъ вопросовъ не только архивнаго (письменнаго) матеріала, но и чисто археологическаго (предметнаго). Послѣдній матеріалъ, такъ же какъ первый, авторомъ группируется, освѣщается и въ свою очередь способствуетъ уясненію поставленныхъ проблемъ.

Если первый томъ колоссальнаго труда В. С. Иконникова, между прочимъ, обстоятельно знакомилъ съ архивнымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по обширной русской землѣ, со школами разработки историческаго матеріала, съ учеными кружками и дѣятелями прошлой эпохи русской исторической науки, то второй томъ, не менѣе исчерпывающе, рассказываетъ въ стройной системѣ о происхожденіи, развитіи и видоизмѣненіяхъ русскаго лѣтописанія, объ его изученіи и изданіи. Вопросъ поставленъ очень широко; каждая сторона этой кардинальной области русскаго самосознанія изслѣдована тщательно, при томъ не только критически, но и исторически, т.-е. съ указаніемъ послѣдовательнаго хода ученой разработки лѣтописей, начиная съ XVIII вѣка и до послѣдняго времени. Отдѣльныя лѣтописи, кромѣ того, изслѣдуются въ связи и съ эпохой ихъ возникновенія, и съ той средой, гдѣ онѣ возникли, въ связи съ вліяніями быта, культуры, экономическаго и политическаго положенія этой среды. Задача, надо признаться, чрезвычайно трудная, особенно у насъ, гдѣ, по словамъ автора, „источники мало разработаны и литература ихъ является съ существенными пробѣлами. Цѣлые періоды оказываются нерѣдко не обслѣдованными, а памятники погребенными въ массѣ рукописныхъ собраній“; гдѣ, скажемъ отъ себя, чрезвычайно затруднено самое пользование рукописными, да и печатными источниками. Повторяемъ, задача огромная и чрезвычайно трудная, но выполнена она, насколько мы можемъ судить, вполне удовлетворительно.

Съ появленіемъ этого труда наука русской исторіи, археографіи и родственныхъ имъ можетъ уже безъ зависти смотрѣть на западныя однородныя руководства и пособія. Образецъ, созданный В. С. Иконниковымъ, не только не уступаетъ западнымъ монументальнымъ трудамъ подобнаго рода, но во многомъ ихъ и превосходитъ. А даже на болѣе счастливымъ въ этомъ отношеніи Западѣ подобные труды со-

ставляютъ эпоху. Тѣмъ болѣе важно и жизненно появленіе такого труда для нашей молодой науки. Сказаннаго, на нашъ взглядъ, достаточно, чтобы признать трудъ В. С. Иконникова достойнымъ награжденія первой медалью, присуждаемой Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ память перваго и пожизненнаго предсѣдателя графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Отзывъ Ю. В. Готье о сочиненіяхъ проф. Д. Я. Самоквасова.

1) **Сѣверянская земля и Сѣверяне.** М. 1908.

2) **Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова.** М. 1908.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ лицъ, посвятившихъ себя научной дѣятельности, энергія которыхъ не ослабѣваетъ съ годами. Достигнувъ уже преклоннаго возраста, пр. Самоквасовъ съ юношеской энергіей и неослабѣвающимъ рвеніемъ работаетъ надъ результатами своихъ прежнихъ раскопокъ, производитъ новыя, собирая матеріалы для подтвержденія и опредѣленія той теоріи, признаніе которой, какъ намъ пришлось разъ слышать изъ устъ почтеннаго ученаго, составляетъ главную цѣль его научной дѣятельности: мы говоримъ о его теоріи туземнаго происхожденія русскаго народа и непрерывной пріемственной связи между Славянами съ одной стороны и древними Скиѣами—съ другой. Еще нѣсколько дней назадъ намъ пришлось видѣть уважаемаго Дмитрія Яковлевича, еще не оправившагося отъ серьезной болѣзни, неутомимо работающимъ надъ систематизаціей матеріаловъ его послѣднихъ раскопокъ (лѣтомъ 1909 г. въ Курской губ.) и надъ сравненіемъ добытыхъ имъ данныхъ съ данными его предыдущихъ работъ въ Черниговской губерніи. Если бы медаль имени гр. А. С. Уварова предназначалась для увѣнчанія всей дѣятельности ученаго и, кромѣ того, его любви къ избранному дѣлу, дѣятельность Д. Я. Самоквасова не нуждалась бы ни въ оцѣнкѣ, ни въ отзывѣ,—она говорила бы сама за себя.

Однако, по точному смыслу § 5 правилъ о медали имени гр. А. С. Уварова, медаль присуждается за лучшее археологическое сочиненіе, появившееся за послѣднее трехлѣтіе; такимъ образомъ оцѣнкѣ подлежатъ лишь тѣ работы Д. Я. Самоквасова, которыя появились въ 1906—1909 гг.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ, исполняя лестное порученіе предсѣдателя Имп. Моск. Арх. Общества графини П. С. Уваровой, мы представимъ краткій обзоръ двухъ вышедшихъ за этотъ періодъ трудовъ проф. Самоквасова.

1) **Сѣверянская земля и Сѣверяне по городищамъ и могиламъ.** М. 1908. 119 стр., съ приложеніемъ карты городищъ Черниг. губ.

2) **Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей**

проф. Д. Я. Самоквасова. Труды Моск. Комитета по устройству Черниговскаго Археологич. Съѣзда. М. 1908. IV+276.

Первое изъ этихъ сочиненій дѣлится на 5 отдѣловъ.

1. Источники знанія (сѣверянскія городища, могилы и ихъ значеніе).
2. Границы, волости и старѣйшіе города Сѣверянской земли.
3. Происхожденіе городовъ и городскихъ союзовъ.
4. Происхожденіе Сѣверянъ.
5. Культура Сѣверянъ языческой эпохи.

Отдѣлы 1 и 5, составляющіе въ общемъ 33 страницы, представляютъ, въ собственномъ смыслѣ, археологическую работу, гдѣ читатель найдетъ цѣнный и сжатый внѣшній обзоръ археологическихъ памятниковъ Чернигов. губерніи, приурочиваемыхъ авторомъ къ племени Сѣверянъ (отд. 1), и важнѣйшіе общіе выводы (отд. 5), сдѣланные на основаніи громаднаго матеріала, добытаго раскопками автора.

Этимъ ограничивается археологическая сторона книги. Остальное, большая ея часть, представляетъ обзоръ территоріи, занятой Сѣверянами. Составленный по даннымъ лѣтописи (отд. 2), и изложеніе двухъ излюбленныхъ теорій автора: 1) о происхожденіи и значеніи городовъ (отд. 3), составляющее „сущность диссертаци“ Д. Я. Самоквасова (стр. 26) „Древніе города Россіи“, основное положеніе котораго то, что общежитіе всѣхъ древнихъ осѣдлыхъ народовъ „начиналось группою скученныхъ избъ, обведенныхъ общимъ для нихъ укрѣпленіемъ, т.-е. городомъ, въ древнемъ смыслѣ этого слова,—общиною, а не хуторомъ и семьею“... (стр. 58); и 2) о происхожденіи Сѣверянъ, а за ними и Славянъ вообще въ прямой линіи отъ Геродотовскихъ Скиѳовъ (отд. 4.). Обѣ эти теоріи до сихъ поръ являются спорными и очень далекими отъ всеобщаго признанія. Отдѣльныя положенія автора очень часто вызываютъ желаніе вступить съ нимъ въ ученые споры, которые, единственно, могутъ выяснить степень научной цѣнности любимыхъ теорій автора.

Второе сочиненіе проф. Самоквасова можно раздѣлить на двѣ неравноцѣнные части.

По существу это, какъ говоритъ самъ авторъ, „систематическій сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ съ 1871 по 1891 г.“ Какъ таковой, онъ содержитъ громадное число описаній раскопокъ и нѣкоторые общіе выводы и характеристики.

Общія характеристики, приуроченныя къ отдѣльнымъ археологическимъ эпохамъ, которыя устанавливаетъ авторъ для южной Россіи (Киммерійская, стр. 41—56, Скиѳо-сарматская, стр. 136—175, Русская языческая эпоха, стр. 231—237, Половецко-татарская эпоха стр. 253—254 и заключеніе, стр. 270—271), занимаютъ около $\frac{1}{4}$ книги и представляютъ экскурсы, общая цѣль которыхъ—подтвердить и доказать все ту же спорную теорію о прямой связи между Славянами и Скиѳами. Экскурсы эти отличаются тѣми же научными приемами и содержатъ ту же почти научную аргументацію, какъ отмѣченные выше отдѣлы 3 и 4 „Сѣверянской земли“.

Остальная и большая часть „Описанія“ представляетъ громадной

цѣнности сырой матеріалъ, накопленный авторомъ за его долгую практическую археологическую дѣятельность.

Въ этой области проф. Д. Я. Самоквасовъ былъ и остается однимъ изъ лучшихъ спеціалиствъ въ Россіи; въ области раскопокъ труды, его представляются намъ чрезвычайно цѣнными и заслуги его передъ археологической наукой—безспорными и великими. Вотъ почему „Описание археологическихъ раскопокъ“ представляется намъ вполне достойнымъ почетной награды медалью имени графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

24 дек. 1909 г.

Отзывъ В. К. Трутовскаго о трудахъ А. В. Орѣшникова.

1. **Окуловскій кладъ русскихъ денегъ.** Стр. 1—14, 2 таб. (Отъ изъ „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи“, вып. 27).

2. **Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона.** Стр. 1—6, рис. въ текстѣ (отъ изъ „Нумизматическаго Сборника“ Московскаго Нумизматическаго Общества, т. I).

3. **Херсоно-византійскія монеты.** Стр. 1—6, таб. I (ex eod edit.).

4. **Полтавская медаль и плакета Гоголя.** Стр. 1—10, 3 рис. Критическая замѣтка (ex eod edit.).

5. **Аптекарская посуда времени Петра Великаго.** Стр. 1—5, таб. 1, рис. 1. („Старые Годы“, 1908 г., февраль).

Изъ напечатанныхъ за время 1907—1909 гг. нумизматическихъ работъ А. В. Орѣшникова ни одна не представляетъ собою какого-либо обширнаго изслѣдованія или монографіи,—все это статьи въ спеціальныхъ изданіяхъ, заключающія въ себѣ дальнѣйшее развитіе частью высказанныхъ, частью установленныхъ имъ раньше въ наукѣ новыхъ положеній по различнымъ вопросамъ нумизматики, ихъ дополненія, поясненія и новыя доказательства, въ связи съ новыми же частичными открытіями въ этой области. Касаются онѣ, счастливымъ образомъ, всѣхъ тѣхъ отдѣловъ нумизматической науки, въ области изученія которыхъ онъ давно и вполне заслуженно приобрѣлъ себѣ въ Европѣ славу лучшаго знатока и серьезнѣйшаго авторитета, т.-е. въ областяхъ нумизматики: русской—до царскаго періода и классической—херсоно-византійскихъ монетъ и монетъ греческихъ колоній юга Россіи. Къ нимъ весьма кстати присоединяются двѣ также не большія по объему, но какъ и тѣ, полныя научнаго интереса и значенія статьи—одна по вопросу о художественности и осмысленности въ нашихъ новѣйшихъ медаляхъ, другая—археологическо-бытового характера. Такимъ образомъ, всѣ эти работы даютъ намъ точное понятіе объ авторѣ, какъ нумизматѣ и археологѣ, съ одной стороны, и какъ объ ученомъ вообще—съ другой.

Статья по русской нумизматикѣ носитъ заглавіе „Окуловскій

кладъ русскихъ денегъ“ и заключаетъ въ себѣ описаніе клада изъ 71 монеты, частью опредѣленныхъ — великаго княжества Московскаго и нѣкоторыхъ удѣловъ, часто еще не выясненныхъ и спорныхъ. Найденъ былъ этотъ кладъ близъ с. Окулова, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ 1906 г.

Центръ тяжести статьи не въ описаніи монетъ, а въ объяснительномъ, по поводу ихъ, текстѣ, затрагивающемъ очень важные и интересные вопросы перваго столѣтія чеканки на Руси своихъ денегъ, т.-е. времени со второй половины XIV в. по вторую же половину XV в. и дающемъ очень много новаго, интереснаго для освѣщенія этого темнаго и запутаннаго періода.

„Всякій знакомый съ русскими деньгами XIV и первой четверти XV столѣтія,—говоритъ А. В. Орѣшниковъ въ „Окуловскомъ кладѣ“, —знаетъ, какую трудность, иногда невозможность, представляетъ значительная часть ихъ для опредѣленія; многія не имѣютъ никакихъ надписей, или же имѣютъ такія лаконическія надписи: „печать великаго князя“, „печать княжа“; другія на обѣихъ сторонахъ имѣютъ подражанія восточнымъ легендамъ, безъ слѣда русской надписи и т. д., такъ что опредѣлить мѣсто ихъ чекана, т.-е. монетнаго двора (не говоря уже объ имени князя, при которомъ онѣ были чеканены) можно лишь путемъ топографическимъ, т.-е. опредѣленіемъ мѣста находокъ денегъ одного типа въ одной и той-же мѣстности“. Это положеніе, извѣстное въ наукѣ и прежде, но очень мало примѣнявшееся, было особенно сильно разработано и доказано А. В. Орѣшниковымъ уже при опредѣленіи и установленіи монетъ, на примѣръ, князя Ивана Борисовича Кашинскаго; оно же дало ему возможность открыть монеты великаго князя Нижегородскаго Василія Кирдяпы и др. Приложивъ его въ данномъ случаѣ, онъ дѣлаетъ два интереснѣйшихъ вывода: во-1-хъ, о принадлежности монетъ этого періода, представляющихъ копии съ татарскихъ, которыя, по его вѣрному и справедливому замѣчанію, „не совсѣмъ точно называютъ русско-татарскими“, къ монетамъ именно суздальско-нижегородскимъ, а, во-2-хъ, о способѣ чеканки этихъ монетъ. Придя къ первому выводу, весьма важному для русской нумизматики доцарскаго періода, онъ попутно затрагиваетъ другой, весьма существенный вопросъ той же нумизматики—о происхожденіи вѣса въ 16 — 18 долей значительнаго количества монетъ этой эпохи. Указавъ на близкое соприкосновеніе княжествъ средней Россіи — Московскаго, Суздальско-Нижегородскаго и Рязанскаго, съ татарами, владычество которыхъ особенно сильно отражалось именно въ этихъ областяхъ, онъ ставитъ вопросъ о вліяніи вѣсовой стороны золотоордынскихъ монетъ на наши. Наблюденіе надъ татарскими монетами, чеканенными за это время, въ началѣ XV в., въ Булгарѣ, приводитъ его къ весьма вѣроятному разрѣшенію этого вопроса въ пользу несомнѣннаго вліянія татаръ. Какъ болгарскія монеты, такъ и русскія являются по вѣсу „приблизительно половиной“ татарскихъ, чеканившихся на другихъ монетныхъ дворахъ Золотой Орды, въ 32 доли. Этотъ выводъ, высказанный авторомъ чрезвычайно осторожно, во всякомъ случаѣ не можетъ быть

даже и сравниваемъ съ необоснованнымъ предположеніемъ проф. Кауфмана, что монеты Донского были вѣсомъ въ $21\frac{1}{3}$ доли и что этотъ вѣсъ былъ установленъ путемъ дѣленія двухъ татарскихъ 32--хъ дольных монетъ на 3! Почему—неизвѣстно. Возвращаясь къ другому изъ указанныхъ выше выводовъ А. В. Орѣшникова,—именно о приемахъ чеканки монетъ суздальско-нижегородскихъ, долженъ сказать, что наблюденіе, сдѣланное нашимъ авторомъ, чрезвычайно интересно. Теперь можно считать окончательно установленнымъ, что на Руси продолговатая монета съ татарскими надписями чеканились изъ проволоки, почему и имѣли овальный, продолговатый, видъ и что по отчеканеніи монета отрубалась. До сихъ поръ мы имѣли лишь теоретическія предположенія Рейхеля и гр. Уварова о такомъ способѣ чеканки, которому ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ, ни въ Москвѣ не отвѣчали ни видъ монетъ, ни историческія данныя. Наблюденія же А. В. Орѣшникова устанавливаютъ окончательно область чеканки этихъ монетъ и гдѣ именно примѣнялся этотъ грубый способъ ихъ изготовленія—Суздальско-Нижегородское великое княжество.

Ограничиваюсь этими замѣчаніями о статьѣ „Окуловскій кладъ“, полный еще многихъ интересныхъ замѣчаній и соображеній, такъ какъ и этотъ краткій обзоръ ея достаточно выясняетъ ея значеніе для науки.

Вторая статья „Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона“ касается вопроса о времени чеканки понтійскихъ драхмъ царя Полемона II и его матери Антоніи Трифены. Разбирая полный сводъ этихъ драхмъ, изданный въ „Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure“, начатомъ знаменитымъ французскимъ нумизматомъ Ваддингтономъ и доконченномъ не менѣе извѣстными французскими же учеными Бабеломъ и Т. Рейнакомъ, онъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ ошибокъ этихъ нумизматовъ, запутавшихъ вопросъ и затѣмъ, путемъ тщательнаго анализа, пользуясь экземплярами, изданными Пру и Салеттомъ, а также неизданными, изъ собранія Э. И. Прове, устанавливаетъ точное время чеканки понтійскихъ монетъ какъ отъ имени А. Трифены, такъ и Полемона II, и эпоху удаленія послѣдняго въ Киликію и, въ результатъ, возсоздаетъ хронологію правленія этого царя. Насколько сильна получается разница, видно уже изъ того, что французскіе ученые считаютъ годомъ смерти Трифены 22—23 г. по Р. Х., а А. В. Орѣшниковъ устанавливаетъ его какъ 37—38 г.; также и относительно Полемона исправлены имъ всѣ даты. Кромѣ того, руководствуясь монетными данными, онъ устанавливаетъ, какую именно часть Киликіи далъ имп. Клавдій Полемону. Всѣ выводы А. В. Орѣшникова въ этой статьѣ очень важны для исторіи греческихъ бывшихъ колоній по нашему Черноморскому побережью.

Статья „Херсоно-византійскія монеты“, посвященная памяти нашего археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича, составляетъ дополненіе къ обширной статьѣ его-же по тому же вопросу, напечатанной раньше въ III т. „Трудовъ“ Московскаго Нумизматическаго Общества. Въ ней опубликовано, въ первый разъ, нѣсколько неизданныхъ монетъ этого типа, при-

надлежащихъ императорамъ Василию I Македонянину и Александру и разновидности уже извѣстныхъ нумизматическихъ памятниковъ Херсона, битыхъ тамъ византійскими императорами. Попутно онъ анализируетъ мнѣніе извѣстнаго англійскаго нумизмата W. Wroth'a относительно опредѣленія имъ монетъ императора Романа II херсонскаго монетнаго двора и высказывается не въ пользу англійскаго ученаго.

Таковы работы А. В. Орѣшникова за 1907—1909 гг., касающіяся нумизматики и ихъ значенія. Изъ остальныхъ двухъ его статей, одна приближается къ области нумизматической, другая же—чисто археологическо-бытовая.

„Два событія въ русской жизни въ 1909 г.—открытіе въ Москвѣ памятника Гоголю 26 апрѣля, въ годъ столѣтія со дня рожденія писателя, и двухсотлѣтній юбилей побѣды Петра Великаго надъ Карломъ Шведскимъ подъ Полтавою 27 іюня 1709 г.—увѣковѣчены вычеканенными на оба торжества плакетой и медалью“. Такъ начинается свою статью „Полтавская медаль и плакета Гоголя“ А. В. Орѣшниковъ, какъ бы объясняя этимъ свое заглавіе, и затѣмъ переходитъ къ ихъ разбору, какъ „издѣлій художественныхъ“. Разборъ этотъ, выдѣляясь тонкостью и чуткостью критическаго анализа, приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Портретъ Петра для медали взятъ медальеромъ Васютинскимъ съ головы Петра, работы Антокольскаго, быть можетъ, очень художественной какъ произведеніе, но совершенно не похожей на Петра. Между тѣмъ, въ Петровской галлерей Эрмитажа есть слѣпокъ съ головы Петра, сдѣланный еще при жизни его, существуетъ его посмертная маска, рядъ медалей съ его портретомъ, чеканенныхъ при Петрѣ, въ память той же „Полтавской викторіи“ и, наконецъ, масса рублей Петра, всѣ портретные. Извѣстно, что Петръ очень заботился о своемъ сходствѣ на подобныхъ памятникахъ, почему и имѣется такая масса вариантовъ его медальныхъ (монетныхъ) портретовъ. Для оборотной стороны Васютинскій просто взялъ картину А. Невиля (A. Neuvillea), на которой артиллерійскій офицеръ жестомъ руки останавливаетъ скачущую во весь опоръ батарею; одѣлъ этого офицера въ костюмъ Петра, батарею замѣнилъ войсками въ отдаленіи, а на первомъ планѣ помѣстилъ раненыхъ и убитыхъ, вырѣзавъ подъ изображеніемъ слова Петровскаго приказа *н а к а н у н ѣ* битвы. Передано все грубо и не художественно.—Не менѣе грустное впечатлѣніе оставляетъ и плакета Гоголя, гдѣ портретъ писателя подходитъ къ типу больного, сжигающаго свои произведенія писателя, а не того, кого знаетъ весь міръ. Анализъ этихъ двухъ памятниковъ нашего медальернаго искусства, помимо тѣхъ драгоценныхъ матеріаловъ, на которые ссылается авторъ, важенъ своимъ воззваніемъ къ художественности, къ запечатлѣнію великихъ событій и памятныхъ дней съ любовью и чуткостью, съ пониманіемъ того, что дѣлаешь и для чего дѣлаешь, а не ремесленнымъ, безучастнымъ и скоропалительнымъ ремесленнымъ способомъ.

Наконецъ, послѣдняя статья объ аптекарской посудѣ времени Петра Великаго очень интересна, какъ носящая историко-бытовой характеръ. Хотя она затрагиваетъ и очень частный случай, тѣмъ не ме-

нѣе, уже по свойству своего обычнаго отношенія къ всякаго рода научнымъ вопросамъ и задачамъ, авторъ и въ ней далъ интереснѣйшій очеркъ установленія аптекъ въ Россіи, отмѣтилъ чисто случайную причину ихъ созданія Петромъ и выяснилъ типы аптекарскихъ сосудовъ того времени. При нашей скудости такого рода историко-бытовыхъ очерковъ, эта статья является весьма интереснымъ вкладомъ въ научную литературу.

Вотъ всѣ работы А. В. Орѣшникова за 1907—9 гг. Онѣ не велики по объему, но значительны по содержанию. Основываясь на ихъ строгой научности, на ихъ значеніи для русской исторіи и археологіи и на томъ, что онѣ вполне отвѣчаютъ точному смыслу и содержанию § 2 Правиль о медали имени гр. А. С. Уварова, я нахожу ихъ автора безусловно заслуживающимъ этой медали.

В. Трутовскій.

Присужденіе преміи Гр. П. С. Уваровой.

Въ виду наступающаго двадцатипятилѣтія со дня кончины графа, графиня предложила въ 1906 году премію его имени слѣдующаго содержания: „Самостоятельное изслѣдованіе Московскаго періода древнерусскаго церковнаго зодчества отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка“.

Условія конкурса: 1) За сочиненіе, удовлетворяющее требованіямъ строго-научнаго собранія и разработки матеріаловъ, представляющее новый цѣнный вкладъ въ науку, присуждается премія въ 2000 руб.; если же ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненіе, представляющее серьезную научную цѣнность, хотя и не вполне удовлетворяющее предложенной задачѣ, премія эта можетъ быть раздѣлена, но не болѣе, какъ на три части.

Жюри избрано изъ слѣдующихъ лицъ: директора Петербургскаго Археологическаго Института Н. В. Покровскаго, академика архитектора М. Т. Преображенскаго, Н. В. Никитина, Ѳ. Ѳ. Горностаева и графини П. С. Уваровой.

Сочиненіе представлено только одно подъ девизомъ „Старина“.

По обслѣдованіи представленныхъ отзывовъ пришли къ заключенію, что представленный трудъ не вполне удовлетворяетъ условіямъ конкурса, такъ какъ не представляетъ изъ себя самостоятельнаго изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ строго-научнаго собранія и разработки матеріала и имѣетъ характеръ компиляціи; тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ является желательнымъ вкладомъ въ нашу литературу и можетъ быть полезенъ какъ справочникъ по нѣкоторымъ памятникамъ архитектуры древней Москвы, а потому жюри полагаетъ возможнымъ выдать за него автору половину объявленной преміи, т.-е. одну тысячу рублей.

Отзывы о конкурсномъ сочиненіи подь девизомъ „Старина“.

А.

Академика Н. В. Никитина.

Авторъ „Очерка московской архитектуры“, подь девизомъ „Старина“, излагаетъ исторію ея по изслѣдованіямъ и монографіямъ о русскихъ памятникахъ, повѣряя сказаніями о нихъ въ лѣтописяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими осмотрами. Онъ собралъ описанія ихъ въ полнотѣ, возможной для настоящаго времени, расположилъ хронологически, раздѣлилъ на періоды, приложилъ къ каждому его характеристику и представилъ трудъ, весьма полезный для изучающихъ русскую церковную архитектуру. Онъ ведетъ свой очеркъ по храмовымъ зданіямъ, какъ главнымъ представителямъ русскаго христіанскаго искусства съ подробнымъ описаніемъ cadaго храма въ его планѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ видѣ, его размѣровъ, слѣдованію или уклоненію отъ предшествовавшихъ формъ, появленію новыхъ мотивовъ въ планѣ, деталяхъ и орнаментаціи. Въ случаѣ разногласія авторовъ монографій о времени и величинѣ остатковъ старины, уцѣлѣвшихъ при послѣдующихъ перестройкахъ храма, авторъ, на основаніи матеріаловъ и способа ихъ употребленія, признаетъ вѣрность того или другого мнѣнія, а при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній оставляетъ рѣшеніе вопроса до изслѣдованія.

По установленіи плана и типа церквей въ Кіевскомъ періодѣ, авторъ говоритъ о попыткахъ русскихъ строителей къ уклоненію отъ точнаго слѣдованія греческому канону X—XI в. Попытки автора оправдать это предположеніе нельзя признать основательными. Математическая точность квадратной формы плана не соблюдалась греками, она существуетъ въ полной точности только на изданныхъ планахъ изданій. Далѣе онъ говоритъ объ участіи „Нѣмецъ“, новшествахъ, привнесенныхъ ими въ стилъ и характеръ храмовыхъ зданій, слѣдующихъ греческому плану, но въ болѣе возвышенныхъ пропорціяхъ фасада и внутренности храма, введеніи обронныхъ украшеній на фасадѣ, какъ-то: святыхъ, звѣрей на поляхъ подь арками, онойскъ храма, рядомъ арочекъ съ обронными изображеніями святыхъ, въ улучшеніи способовъ постройки, преимущественно изъ бѣлаго камня. Но,

судя по стилю построекъ этихъ „Нѣмецъ лѣтописи“, можно предположить, что они были изъ сѣверной Италіи, т.-е. Венеціи и Ломбардіи, откуда былъ впослѣдствіи и Аристотель Фіоравенти, признавшій эти постройки „дѣломъ нашихъ мастеровъ“.

Послѣ разгрома Руси татарами и ослабленія силъ ея и средствъ, это отразилось и на строительствѣ; авторъ перечисляетъ всѣ постройки храмовъ въ возрождающейся Москвѣ, опредѣляетъ, что типъ ихъ слѣдовалъ образцу владимірскихъ и суздальскихъ храмовъ, но въ упрощенномъ видѣ, съ возвращеніемъ къ греческому типу, отстраняя обронныя изображенія святыхъ, звѣрей, птицъ и легендъ, какъ не свойственныя православному храму, а также по непригодности нашего мягкаго известняка для обронной работы. По вторичномъ появленіи на Руси иностранныхъ зодчихъ, вызванныхъ Іоанномъ III изъ сѣверной Италіи, т.-е. Венеціи и Ломбардіи, авторъ описываетъ пользу, которую они принесли русскому строительству, научили раціональнымъ приѣмамъ въ постройкѣ и въ распредѣленіи и употребленіи матеріаловъ, въ улучшеніи кладки изъ камня и кирпича, выдѣлкѣ кирпича и раствора, употребленіи желѣзныхъ связей и вообще усовершенствованіи техническихъ приѣмовъ.

О Фіоравенти авторъ говоритъ восторженно, какъ о геніальномъ художникѣ, создавшемъ соборъ Успенія Божіей Матери, и сожалеетъ, что русскіе мастера не слѣдовали ему въ этомъ направленіи, и, не находя другихъ современныхъ ему храмовъ его постройки и въ его стилѣ, предполагаетъ, что всѣ они были произведены подѣ его высшимъ наблюденіемъ итальянскими и русскими мастерами. Это предположеніе опровергается тѣмъ, что Аристотель Фіоравенти былъ занятъ дѣломъ, болѣе близкимъ ему, какъ инженеру, артиллеристу, литейщику и механику. Онъ участвовалъ въ походахъ и приготовленіяхъ къ нимъ, строилъ мосты и прокладывалъ дороги, чеканилъ монету. Самъ авторъ отрицаетъ пользу одного введеннаго имъ новшества—устройства на желѣзѣ подвѣсной гири для перекинутія двухъ арокъ на каменныя опоры, которое понравилось русскимъ и повторялось впослѣдствіи.

Уроки итальянскихъ архитекторовъ послужили для русскихъ мастеровъ къ возможности исполненія изъ кирпича излюбленныхъ Русью формъ деревяннаго строительства и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ попытокъ, описанныхъ авторомъ, дали возможность произвести памятникъ покоренія царства Казанскаго — соборъ Покрова Божіей Матери, окруженный группой храмовъ во имя святыхъ, въ дни памяти которыхъ были побѣды, предшествовавшія взятію Казани, соборъ, построенный русскими мастерами Бармой и Посникомъ, по мысли царя Іоанна IV.

Авторъ правильно говоритъ, что уроки итальянскихъ архитекторовъ послужили для русскихъ мастеровъ къ возможности исполненія изъ кирпича излюбленныхъ формъ и деталей деревяннаго зодчества и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, удачно исполненныхъ ими — церковь Вознесенія Христова и др.—дали возможность создать памятникъ по-

коренія царства Казанскаго—соборъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Этотъ соборъ авторъ справедливо называетъ верхомъ совершенства русской архитектуры, но тутъ же отмѣчаетъ, что онъ былъ точкой вершины, съ которой русское искусство начинаетъ клониться къ упадку, постоянно впадая въ барокко въ деталяхъ, оставаясь вѣрнымъ греческому типу въ планѣ храмовъ. Но не говоритъ, какая была тому причина: она состояла въ томъ, что Русь держалась крѣпко православія и, принимая технику, не увлекалась новшествами.

Признавая совершенство въ созданіи Покровскаго собора, авторъ переходитъ къ подробному описанію многочисленнаго сонма церквей, построенныхъ въ послѣдующій періодъ московскаго строительства, выставляетъ многія изъ нихъ образцами стройности и изящества, говоритъ о развитіи плана храмовъ на возвышенныхъ террасахъ, съ окруженіемъ на нихъ открытыми папертями, считаетъ, что эти паперти служили для церковныхъ процессій, чего не могло быть, такъ какъ онѣ не окружали храмъ съ восточной, т.-е. алтарной стороны. Это относится къ позднѣйшимъ храмамъ эпохи, не входящей въ задачу описанія московской храмовой архитектуры до Петра. Я знаю только одинъ примѣръ, восходящій къ концу этого періода—церковь въ селѣ Усномъ, принадлежащей къ усадьбѣ князя Трубецкаго. Можетъ быть, найдутся еще два—три примѣра, но окруженіе внѣшней папертью должно отнести ко времени Петра Великаго. Паперть, окружающая храмъ Вознесенія Христова въ с. Коломенскомъ, едва-ли можно признать дѣломъ русскихъ мастеровъ, какъ доказываетъ авторъ. Во всякомъ случаѣ онѣ не имѣли цѣлью служить для крестнаго хода вокругъ церкви, въ которомъ участвовали всѣ прихожане храма, но только для стоянія не вмѣстившихся въ храмъ.

Авторъ доводитъ свой очеркъ до послѣднихъ вздоховъ русской архитектуры—церквей Успенія Божіей Матери, въ Москвѣ, на Покровкѣ, и Покрова, въ Нижнемъ-Новгородѣ, строенныхъ русскими мастерами при Петрѣ Великомъ на средства, данныя Строгановыми. Въ концѣ своего труда авторъ прилагаетъ описаніе развитія звонницъ въ прямоугольныя и восьмигранныя колокольни, самостоятельно произведенное русскими строителями. Онъ основательно доказываетъ, что круглыя башни кіевского періода были теремами, дозорными башнями, не служили колокольнями первоначально, но обращены въ нихъ въ позднѣйшее время.

Ведя свой трудъ по храмовому зодчеству и давая характеристики каждаго періода, авторъ не обратилъ вниманія на взаимодѣйствіе высоты алтарной преграды и высоты алтаря, росписи стѣнъ храма и росписи иконостаса, большей или меньшей глубины средняго полукружія алтаря въ зависимости назначенія храма для епископскаго служенія, на постепенное соединеніе трехъ частей алтаря, первоначально раздѣленныхъ стѣнами, а потомъ соединенныхъ малыми и, наконецъ, большими пролетами, на постановку трехъ и даже пяти престоловъ въ рядъ, съ открытыми между ними арками за сплошной высокой золотой преградой, чѣмъ уничтожается видимость самостоятельности каждаго придѣльнаго храма.

Очеркъ можно считать полной компиляціей изслѣдованій и монографій, вышедшихъ до его составленія; пробѣлы оправдываются краткостью срока. Появленіе этого труда можно привѣтствовать за пользу, которую онъ принесъ изучающимъ русскую архитектуру и какъ справочная книга для будущихъ историковъ русской архитектуры въ объемѣ всей Россіи. Считаю этотъ трудъ достойнымъ назначенной награды съ тѣмъ условіемъ, чтобы авторъ приложилъ къ нему оглавленіе по статьямъ, хронологическій указатель храмовъ, въ немъ описанныхъ, рисунки, на которые онъ ссылается въ текстѣ, и списокъ рисунковъ, чтобы облегчить пользованіе этимъ трудомъ для обширнаго круга читателей.

Б.

Проф. М. Преображенскаго.

Изслѣдованіе древне-русскаго церковнаго зодчества Московскаго періода, начиная отъ основанія города Москвы и до конца первой четверти XVIII столѣтія, является далеко не легкой задачей не только для автора труда подъ девизомъ „Старина“, но и для всякаго, кто поставилъ бы себѣ подобную задачу. Незначительность вообще архивныхъ свѣдѣній въ печати о церковныхъ сооруженіяхъ, полное или частичное переустройство наиболѣе древнихъ памятниковъ и масса неизслѣдованныхъ еще церквей, или съ недостаточной подробностью, настолько затрудняютъ все дѣло, что обстоятельное рѣшеніе поставленной задачи, быть можетъ, нѣсколько преждевременно. Несмотря на все это, авторъ разсматриваемаго сочиненія отнесся къ этой задачѣ съ большимъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла, обстоятельно разобравъ тотъ матеріалъ, который находился въ его распоряженіи. Но и онъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ воздержаться въ своемъ заключеніи отъ всякаго обобщенія отдѣльныхъ выводовъ, сгруппированныхъ имъ въ концѣ каждой главы. Это обстоятельство естественно отнимаетъ возможность критически отнестись къ труду автора какъ къ историческому изслѣдованію, а скорѣе заставляетъ смотрѣть на такой трудъ какъ на простое послѣдовательное описаніе церковныхъ памятниковъ въ Москвѣ и окрестностяхъ. Неполнота документальныхъ данныхъ, какъ выше указано, привела къ тому, что автору пришлось значительную часть своего труда заполнить детальнымъ, чисто фотографическимъ описаніемъ всѣхъ мельчайшихъ деталей наиболѣе выдающихся церковныхъ сооруженій, хорошо уже извѣстнымъ и не однимъ специалистамъ. Эти памятники тщательно обслѣдованы извѣстными знатоками церковнаго зодчества и они уже отвели имъ соотвѣтствующія мѣста въ общемъ развитіи церковнаго зодчества и выяснили ихъ значеніе.

Къ числу трудныхъ мѣстъ поставленной задачи, во-первыхъ, является вопросъ, какимъ образомъ охарактеризовать церковное строительство съ первыхъ временъ развитія Московскаго княжества и какъ далѣе пополнять пробѣлы въ извѣстныхъ промежуткахъ времени, чтобы

установить послѣдовательный ходъ развитія церковнаго зодчества. Въ первомъ случаѣ приведеніе архивныхъ свѣдѣній въ возможно большемъ количествѣ было бы очень желательно: они могли бы не только свидѣтельствовать о быломъ развитіи деревяннаго и каменнаго строительнаго дѣла, но до извѣстной степени охарактеризовать и самые памятники, не дошедшіе до нашего времени. Часто въ лѣтописныхъ и въ архивныхъ свѣдѣніяхъ встрѣчаются указанія на форму и величину церковныхъ построекъ, а иногда и болѣе подробное детальное описаніе ихъ, весьма цѣнное въ подобныхъ случаяхъ. Даже, напримѣръ, такого рода указанія были бы не лишними, что въ Пафнутаевомъ монастырѣ, Калужской губерніи, еще въ 1467 году, слѣдовательно до постройки Успенскаго собора въ Москвѣ, была уже выстроена и освящена церковь, „чудно вельми“ росписанная внутри и настолько богато отдѣланная, „что дивились тому и самые самодержцы русской земли“.

Затѣмъ, въ очеркѣ послѣдовательнаго развитія церковнаго зодчества должны сыграть не малую роль и второстепенные памятники, разбросанные не только по городамъ сосѣднихъ губерній, входившихъ въ составъ Московскаго государства, но и по монастырямъ, а также и по селамъ прежде бывшихъ монастырей, гдѣ церкви, за отсутствіемъ средствъ на ихъ поновленіе, всего менѣе подвергались перестройкамъ. Такой матеріалъ, къ сожалѣнію, далеко не использованъ во всей полнотѣ. Не слѣдовало бы обойти молчаніемъ хотя, напримѣръ, Рождественскій соборъ въ томъ же Пафнутаевомъ монастырѣ, постройку котораго приписываютъ Борису Годунову. Смѣлый приѣмъ устройства лѣстницы и хода въ толщѣ сѣверной стѣны собора, что такъ неудачно примѣнили первые строители Успенскаго собора въ Москвѣ до приѣзда Аристотеля Фіоравенти, выдвигаетъ этотъ соборъ на видное мѣсто, какъ выдающееся сооруженіе съ конструктивной стороны. Памятники же другихъ сосѣднихъ губерній съ Москвою, несомнѣнно, дали бы матеріалъ даже болѣе интересный, чѣмъ районъ мѣстности, занимаемой Калужской губерніей, а безъ такого матеріала обслѣдованіе церковныхъ памятниковъ Московскаго періода не можетъ быть полнымъ. По древнимъ церквямъ въ предѣлахъ Московскаго государства любопытно прослѣдить вліянія владимиро-суздальской и псково-новгородской архитектуры, часто сталкивающіяся на однихъ и тѣхъ же памятникахъ. Подобныя вліянія, хотя и отмѣчены авторомъ въ представленномъ трудѣ, но недостаточно, тогда какъ примѣры въ этомъ отношеніи могли бы быть болѣе многочисленны и разнообразны.

Что же касается до детальныхъ выводовъ автора, приводимыхъ въ концѣ каждой главы, и нѣкоторыхъ его взглядовъ на извѣстные періоды развитія церковнаго зодчества, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на слѣдующее.

Мнѣніе автора, что первоначальное церковное зодчество Москвы „не шло дальше комбинацій двухъ-трехъ срубовъ, отмѣченныхъ крестомъ и поставленныхъ на подклѣтяхъ“, слѣдовало бы подкрѣпить лѣтописными указаніями или архивными свѣдѣніями, чтобы точнѣе

опредѣлить, до какого времени преобладали таковыя церкви, такъ какъ подобный упрощенный типъ является родоначальникомъ не одного только Московскаго періода. Нужно замѣтить, что плотничное дѣло всегда стояло на Руси очень высоко и плотники были большіе мастера своего дѣла, а потому весьма вѣроятно, что вскорѣ же деревянныя церкви сдѣлались болѣе разнообразными по своимъ формамъ и деталямъ, въ отличіе отъ обывательскихъ построекъ. Что же касается до простоты внѣшнихъ формъ и деталей первыхъ каменныхъ церквей, то это можно отнести не только къ тому, что Московское государство находилось еще въ періодѣ своего сложенія, не имѣя еще претензіи на пышную представительность, сколько, быть можетъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ:—строитель Успенскаго собора, Аристотель Фіоравенти, скорѣе былъ хорошій конструкторъ и практикъ, чѣмъ архитекторъ-художникъ и что онъ, а равно и всѣ лица, причастныя къ постройкѣ, болѣе всего были озабочены конструктивной стороною дѣла, послѣ неудачи его предшественниковъ, чѣмъ художественной. На эту сторону дѣла послѣдующіе италіанскіе мастера уже болѣе обращали вниманія. Если допустить, что Успенскій соборъ былъ бы построенъ, подобно Дмитровскому, во Владимірѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, то, конечно, при низкомъ культурномъ развитіи страны, онъ, такъ же какъ Дмитровскій, остался бы безъ подражанія, если не навсегда, то на долгое время. Далѣе не могу раздѣлить мнѣнія автора, что въ эпоху царствованія Алексѣя Михайловича наше строительство представляло собою „пышный расцвѣтъ русскаго церковнаго зодчества“, когда простые мастера каменнаго дѣла понастроили массу церквей въ предѣлахъ Московскаго государства. Отдавая должное этимъ мастерамъ за оригинальность въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непосредственность чувства, нельзя не замѣтить, что они все же подражали не столько дереву, сколько формамъ и деталямъ каменныхъ церквей, построенныхъ западными мастерами, но переиначивъ эти детали до неузнаваемости, а иногда и до полной каррикатурности. На нашихъ глазахъ прошло время усиленнаго подражанія этой эпохѣ не только въ церковной архитектурѣ, но и въ гражданской. Стремились тщательно подкопироваться подъ наивныя созданія простыхъ мастеровъ, которые не умѣли иногда правильно передать заимствованный ими мотивъ, а подчасъ даже и не придавали этому никакого значенія. Нужно сознаться, что такое подражаніе прошло безъ всякаго успѣха въ дѣлѣ развитія русскаго зодчества, несмотря на то, что мы съ технической стороны вооружены значительно лучше. Конечно, указанная эпоха представляетъ собою очень цѣнный, оригинальный и отчасти самобытный матеріалъ, но все же очень сырой, который будетъ ждать еще переработки талантливыхъ художниковъ. Такіе художники шире взглянуть на предстоящую имъ задачу и безъ предубѣжденія воспользуются запасомъ знаній въ области искусства, завѣщанныхъ намъ исторіей всего міра, не боясь потерять при этомъ русскій обликъ и душу. Подобнымъ путемъ, при помощи западныхъ зодчихъ, созданъ нашъ чудный Московскій Кремль и наши лучшіе церковные памятники. Подобнымъ же

путемъ можетъ развиваться и дальше наше церковное зодчество, но никакъ не рабскимъ подражаніемъ отжившимъ эпохамъ, далеко менѣе насъ культурнымъ. Еще до увлеченія зодчихъ XVII столѣтіемъ у насъ уже были прекрасные примѣры, въ какомъ направленіи слѣдуетъ работать. Стоитъ только взглянуть на колокольню Страстного монастыря въ Москвѣ, построенную талантливымъ архитекторомъ М. Д. Быковскимъ.

Такая архитектура, которая вся въ прошломъ и которая не отвѣчаетъ запросамъ нашего времени и условіямъ современной жизни, всегда будетъ носить только декоративный характеръ, какъ пережитокъ прошлаго.

Не могу также согласиться съ авторомъ, что время конца XVII и начала XVIII столѣтія надо считать временемъ упадка церковной архитектуры. Въ общемъ приемы церковныхъ сооружений какъ въ плановомъ отношеніи, такъ и въ своихъ фасадныхъ массахъ, не только сохранили типъ предшествовавшаго времени, но, въ силу болѣе усовершенствованной техники строительнаго дѣла, шагнули впередъ. Это сказалось въ разнообразіи массъ верхняго строенія и въ большей цѣльности и удобствахъ внутренняго расположенія. Что же касается до деталей, то, несмотря на дѣйствительную барочность въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онѣ далеко оставляютъ за собою детали XVII столѣтія, по стройности своихъ пропорцій и изящности рисунка. Правда, что эти детали классическаго характера, болѣе намъ чуждаго, но и наши детали церквей XVIII столѣтія, имѣя въ основѣ своей тоже западные стили — византійскій, романскій и даже готическій, хотя и вылились въ болѣе или менѣе самостоятельныя формы, но, нужно замѣтить, не всегда художественныя.

Остается еще указать, что не раздѣляю также мнѣнія автора о значительности вліянія деревянной архитектуры на каменную, какъ въ плановомъ отношеніи, такъ и въ общихъ фасадныхъ массахъ. Группировка отдѣльныхъ храмовъ въ общую массу не есть повтореніе группы деревянныхъ церквей, составленной изъ отдѣльныхъ срубовъ, а скорѣе требованіе заданія, какъ это можно заключить по документальнымъ даннымъ о церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ, а также и требованіе конструктивныхъ соображеній, дабы не перекрывать большихъ пространствъ каменными сводами. Наша деревянная церковная архитектура на сѣверѣ, несомнѣнно, есть отраженіе московской, между тѣмъ, мы тамъ встрѣчаемъ многогранные алтари и бочечныя покрытія, что вытекаетъ изъ явнаго подражанія каменной архитектурѣ.

Во всякомъ случаѣ, не касаясь детальныхъ замѣчаній, необходимыхъ для полной обрисовки исполненной задачи, нужно замѣтить, что трудъ автора все же является солиднымъ вкладомъ въ нашу литературу, далеко не богатую матеріалами для исторіи русскаго церковнаго зодчества, а потому такой трудъ заслуживаетъ поощренія и болѣе подробнаго критическаго разбора, гдѣ были бы выдвинуты и его достоинства.

24 декабря, 1909 г.

В.

Ө. Ө. Горностаева.

Представленный на соискание премии имени графини П. С. Уваровой трудъ, „Очеркъ исторіи Московскаго періода древне-русскаго церковнаго зодчества [отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка]“ подъ девизомъ „Старина“, обрисовывая состояніе московской архитектуры указаннаго времени, по существу, является лишь очеркомъ архитектуры самой Москвы, о чемъ авторъ труда и упоминаетъ въ своемъ предисловіи (стр. 4), говоря объ затемнѣніи общей картины отвлеченіемъ въ сторону. Едва-ли это случилось бы, если бы авторъ упомянулъ въ своемъ трудѣ, на примѣръ, объ существованіи ростовскаго и ярославскаго зодчества, такъ ярко выразившихся въ своихъ памятникахъ, представляющихъ высокохудожественные образцы общаго московскаго искусства.

Раздѣливъ свой трудъ на двѣнадцать главъ, авторъ не надъ каждой изъ нихъ одинаково поработалъ въ смыслѣ полноты ихъ освѣщенія. Такъ, первая восемь главъ представляютъ болѣе или менѣе достаточныя характеристики, послѣднія же четыре главы скомканы и во многихъ частяхъ своихъ неполны и неясны. Въ особенности страдаетъ этимъ двѣнадцатая глава, въ которой авторъ на стран. 375-й самъ указываетъ на трудность группировки памятниковъ періода русскаго Барокко.

На стран. 248 IX главы авторъ указываетъ и на причину трудности, а именно—на скудность матеріала, имѣвшагося въ его распоряженіи, и на обширное пользованіе фотографическими снимками вмѣсто изслѣдованія памятниковъ на мѣстѣ (стр. 280, X гл.).

Неровность обработки главъ, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ чисто кабинетной работы автора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи готовыя и подробныя монографіи и характеристики памятниковъ, которые онъ разбираетъ въ первыхъ восьми главахъ. Для остальныхъ главъ такихъ монографій и характеристикъ мало и, при отсутствіи личнаго обслѣдованія, автору оставалось, при пользованіи лишь фотографіями, поверхностно фотографически описывать разбираемые памятники и на основаніи такихъ поверхностныхъ обзоровъ строить свои предположенія и догадки.

Такой порядокъ обслѣдованія ставитъ трудъ автора въ разрядъ трудовъ лишь компилятивныхъ.

Къ какимъ курьзамъ можетъ привести книжное обслѣдованіе памятниковъ, безъ провѣрки ихъ на мѣстѣ, достаточно указать въ трудѣ автора на тѣ пилястры іоническаго ордера, которыя многократно отмѣчаетъ авторъ на стран. 50, 54, 91 III главы своего труда въ описаніи московскаго Успенскаго собора, сдѣланнаго по чертежамъ, изданнымъ Ө. Рихтеромъ.

Эти іоническія пилястры въ натурѣ оказываются написанными на стѣнѣ, повидимому, въ началѣ XIX вѣка, одновременно со внѣшней стѣнописью. Авторъ, въ своемъ разборѣ, относитъ эти пилястры къ строительной работѣ Аристотеля Фіоравенти!!

То же отсутствіе осмотра памятниковъ на мѣстѣ даетъ рядъ неосновательныхъ толкованій. Напримѣръ, — порталъ Старо-Симоновской церкви авторомъ отмѣченъ (гл. III, стр. 85 и 92) какъ обладающій лишь парю колонокъ, хотя, повидимому, порталъ просто растесанъ. Отмѣчая хаосъ обработки фасадовъ Берсеневской церкви и въ особенности ея оконъ (стр. 289) по рисункамъ, изданнымъ Ѡ. Рихтеромъ, авторъ отмѣтилъ бы совершенно иное, осмотрѣвъ южную сторону церкви, а именно изящность и логичность обработки оконъ и проч. Особенно грубымъ является указаніе на начало фасадныхъ декорацій московской церковной архитектуры, времени царей Михаила и Алексѣя, въ памятникѣ XVI вѣка, а именно въ Пятницкомъ храмѣ близъ Троице-Сергіевской Лавры. Такое опредѣленіе авторомъ вынесено на основаніи труда А. Мартынова („Русская старина“, тетр. 6-я). Ближайшее ознакомленіе съ памятникомъ на мѣстѣ указало бы автору, что не тутъ нужно искать желаемое начало, ибо самому поверхностному наблюдателю ясно будетъ видно, что окна и другія детали Пятницкаго храма принадлежатъ къ весьма уже развитымъ декоративнымъ частямъ московской архитектуры первой половины XVII вѣка. Надо думать, что храмъ послѣ польскаго разгрома основательно былъ отремонтированъ, о чемъ и упоминаетъ Н. М. Снегиревъ въ своемъ текстѣ. Несомнѣнно въ то же время была поставлена, съ запада на главной оси храма, шатровая колокольня, также весьма развитого типа; авторъ считаетъ ее одной изъ первыхъ шатровыхъ колоколенъ и первымъ примѣромъ постановки съ запада на главной оси храма (гл. VI, стр. 173—176 и гл. VIII, стр. 223). Разбирая трудъ автора по главамъ, можно отмѣтить слѣдующее.

Въ главѣ I-й на стр. 10 и 11 авторъ, характеризуя древнее деревянное храмовое зодчество, приходитъ къ выводу, что первоначальный типъ деревяннаго храма былъ простъ и имѣлъ видъ избы. Съ такимъ выводомъ трудно согласиться, зная, что въ Новгородѣ въ 989 году уже была построена дубовая церковь св. Софіи о 13 главахъ. Конечно, типъ избныхъ церквей, „клѣтцихъ“, „клѣтцкихъ“, сформировался довольно рано, но онъ едва ли былъ единиченъ; очевидно, одновременно существовали и другіе типы, болѣе сложные.

На той же 11-й страницѣ неясно опредѣленъ характеръ церквей „клѣтцихъ“, обрисованныхъ авторомъ лишь съ плановой стороны. Планъ храма, обладающаго прямоугольной средней частью и такими же прирубными, алтаремъ и притворомъ, можно встрѣтить и въ деревянныхъ шатровыхъ церквахъ и въ деревянныхъ храмахъ эпохи Барокко.

Въ главѣ II-й на стр. 29, въ примѣчаніи, авторъ считаетъ Кіевскую Спасо-Берестовскую церковь крестообразной въ планѣ. Но нынѣ уже извѣстно, что такой видъ далъ ей Петръ Могила въ XVII вѣкѣ.

На стр. 30 и 31 авторъ, сравнивая структуру Успенскаго Звени-

городскаго собора съ церковью Покрова на Нерли, говоритъ о тождествѣ крестообразныхъ пилоновъ, забывая о томъ, что пилоны Звенигородскаго собора передѣланы въ неизвѣстное время.

На стр. 33 и 37 авторъ, отмѣчая заостреніе полукруглыхъ арокъ Звенигородскаго собора, говоритъ, что эта деталь (кстати сказать, очень важная въ исторіи русской архитектуры) мѣстная, являющаяся впервые въ русскомъ зодчествѣ на храмахъ Москвы. Но такія заостренія существовали много ранѣе во владиміро-суздальской архитектурѣ, а именно въ Георгіевскомъ храмѣ Юрьева-Польскаго въ кровлѣ его порталовъ—папертей, а также и въ арочномъ поясѣ, и въ порталѣ храма Княгинина монастыря во Владимірѣ; тамъ же фигурируютъ и „дыньки“ на колоннахъ, хотя авторъ считаетъ и ихъ мотивомъ московскимъ (на стр. 36). (Примѣчаніе. „Дыньки“, какъ перевязки полуколоннъ порталовъ, не чужды средневѣковой итальянской архитектурѣ. Напримѣръ, онѣ имѣются въ порталѣ госпиталя въ Капра-никѣ (XIII в.), въ порталѣ церкви Богоматери въ Анконѣ (XIII в.) и въ друг. Храмъ Княгинина монастыря сооруженъ въ 1200 г., вѣка на полтора ранѣе Звенигородскаго собора. Въ прикладномъ искусствѣ „дынька“, какъ перевязка, встрѣчается еще ранѣе, напримѣръ, въ потирѣ XII в. (времени кн. Юрія Долгорукаго) собора въ Переяславль-Залѣскомъ. Смолр. „Русскія Древности“ П. Толстого и Н. Кондакова, вып. 6, стр. 83 *)).

Въ главѣ III-й, на стр. 53—54, авторъ, говоря объ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, руководствуясь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Степенной книги, считаетъ крыльцо надъ западнымъ входомъ въ храмъ перестроеннымъ вновь послѣ пожара. Но онъ не обратилъ вниманія на докладъ объ реставраціи собора К. М. Быковскаго („Археологическія извѣстія и замѣтки“ 1896 г., № 2—3), гдѣ крыльцо рисуется только сильно потерпѣвшимъ отъ пожара, причемъ колонны его оказались безъ пьедесталовъ. Въ томъ же докладѣ ясно опредѣлено существованіе „казны“ около барабана средней главы. Существованіе ея на томъ мѣстѣ авторъ отрицаетъ, руководствуясь лишь мнѣніемъ Н. А. Артлебена (стр. 47 и 48 труда).

На стр. 70-й авторъ, говоря о голосникахъ церкви Чуда Арх. Михаила, указываетъ на рѣдкость ихъ примѣненія въ московскомъ зодчествѣ, что весьма невѣрно: они имѣются во многихъ храмахъ Москвы.

Отмѣчая въ деталяхъ церкви Чуда Арх. Михаила нѣкоторый итальянскій характеръ, авторъ считаетъ наиболѣе правдивымъ предполагать, что руководство сооруженіемъ храма было поручено итальянцу, который, давъ рисунокъ на южный фасадъ храма, все остальное (?) предоставилъ московскимъ зодчимъ. Трудно согласиться,

*) Въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ хранится замѣчательный памятникъ Владиміро-Суздальскаго періода XIII вѣка, имѣющій типичныя для стиля „дыньки“ перевязки. Памятникъ этотъ—паникадило села Вжищъ. Смолр. фотографіи И. Борщевскаго, № 2158.

что это такъ, ибо итальянскія детали фигурируютъ не только на южномъ фасадѣ храма, но и на западномъ. Западный порталъ тоже обладаетъ прекрасной орнаментаціей чисто итальянскаго стиля. Притомъ трудно представить, чтобы такое важное дѣло, какъ конструированіе сводовъ, было предоставлено руководителемъ-итальянцемъ русскимъ мастерамъ. На русское, псковское, происхожденіе сводовъ указываетъ ихъ типичная ступенчатая конструкція. Не проще ли предположить, что русскіе мастера, строившіе храмъ, воспользовались нѣкоторыми уборными частями „фряжскаго дѣла“?

На стр. 76—79 авторъ, какъ бы слѣдуя мнѣнію В. Прохорова, имѣетъ склонность считать Архангельскій соборъ и снаружи похожимъ на Успенскій, отодвигая, такимъ образомъ, существующую нынѣ фасадную обработку храма вмѣстѣ съ западной его прибавкой (стр. 81) ко времени болѣе позднему, нежели 1505—9 года. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ ссылается на неодинаковость обработки шей главъ Архангельскаго собора съ обработкой его фасадныхъ стѣнъ (стр. 81), находя вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичность обработки шей главъ Архангельскаго собора съ шеями главъ Благовѣщенскаго собора и храма Чуда Арх. Михаила. Это указаніе кажется весьма страннымъ, во-первыхъ, потому, что послѣднія имѣютъ аркаду изъ полуколоннокъ съ перемычками (Чудовская аркада даже съ заостреніями), а шей Архангельскаго собора — изъ пилястръ безъ всякихъ перемычекъ и заостреній.

Затѣмъ на листѣ I-мъ V-го выпуска памятниковъ древне-русскаго зодчества, изданія Академіи Художествъ, гдѣ помѣщены детали Архангельскаго собора, авторъ могъ бы видѣть ясное сходство стиля и приѣмовъ обработки шей главы со стилемъ обработки фасадныхъ стѣнъ, сравнивая, хотя бы, аркатуру шей (чертежъ 6) съ аркатурой надъ западнымъ входомъ (чертежъ 7).

На стр. 91-й авторъ, приводя перечень декоративныхъ мотивовъ московскихъ церквей разсматриваемаго періода, почему-то относитъ къ новгородско-псковскимъ мотивамъ пояса поребрика и арочекъ, хотя тѣ и другія имѣются и во владимиро-суздальскомъ зодествѣ.

Въ главѣ IV-й авторъ, приводя аналогію плана и общей структуры Дьяковской церкви съ планами шатровыхъ деревянныхъ церквей, предполагаетъ, что послѣднія не имѣли подклѣтковъ, въ томъ случаѣ, если заложены были осьмигранникомъ прямо съ земли. Съ этимъ никоимъ образомъ согласиться нельзя, такъ какъ такія деревянныя церкви (обычно очень большихъ размѣровъ въ ширину и высоту) почти всегда стоятъ на подклѣткахъ и окружены галлереями съ высокими крыльцами.

На стр. 145-й въ концѣ главы авторъ приводитъ примѣръ сооруженія каменнаго шатроваго храма до появленія высоко развитыхъ формъ московскаго храмоваго зодчества XVI в., указывая на церковь въ селѣ Городиѣ, Коломенскаго уѣзда, будто бы построенную въ началѣ XVI вѣка. Такое опредѣленіе основано, повидимому, на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ писцевыхъ книгъ 1577—78 год. и изъ „Прогулки по Коломенскому уѣзду“ Иванчина-Писарева. Иванчинъ-Писаревъ счи-

таетъ Городненскую церковь современной церкви Вознесения въ селѣ Коломенскомъ, относя ту и другую къ работѣ Алевиза (?!). Строитель Городненской церкви, правда, отчасти подражалъ формамъ Вознесенской церкви въ селѣ Коломенскомъ, копируя шатеръ и стрѣлы на поверхности его, но далѣе въ подражаніи не стремился. Судя по общей структурѣ и деталямъ, Городненскій храмъ болѣе приближается къ архитектурѣ шатровыхъ храмовъ второй половины XVI в. и начала XVII в., т.-е. къ храмамъ, построеннымъ послѣ появленія высоко-развитыхъ формъ московскаго храмоваго зодчества.

Въ главѣ VII-й, на стр. 197, авторъ, описывая шейки главокъ Троице-Голенищевской церкви (XVII в.), отмѣчаетъ особенное, ранѣе не встрѣчавшееся, расположеніе кокошниковъ, какъ бы надѣтыхъ на шейки главокъ. Но этотъ приѣмъ далеко не новъ. Въ храмѣ Василия Блаженнаго совершенно тождественно обработана шейка главки шатра.

На стр. 198 авторъ, говоря объ Троице-Голенищевской церкви, считаетъ ее единственнымъ памятникомъ (кромѣ Дьяковской церкви), имѣющимъ общую основную идею съ церковью Василия Блаженнаго, совершенно забывая о существовавшемъ Старицкомъ соборѣ.

Описывая на стр. 198—200 сломанный храмъ Алексѣевского монастыря, авторъ пользуется рисункомъ А. Мартынова, помѣщеннымъ въ 11-ой тетради „Русской Старины“. Насколько опасно строить догадки по рисункамъ и притомъ догадки и предположенія весьма детальнаго свойства (что, кстати сказать, авторъ дѣлаетъ очень часто и при разборѣ другихъ памятниковъ въ особенности въ послѣднихъ главахъ своего труда), доказываетъ слѣдующее.

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи чертежи упраздненнаго храма совершенно иначе представляютъ размѣщеніе двухъ шатровъ храма, не удовлетворяя ни первому, ни второму предположеніямъ автора. Они поставлены, совершенно независимо, на сомкнутыхъ сводахъ, перекрывающихъ два смежныхъ квадратныхъ помѣщенія, съ отдѣльными входами, при общей трапезѣ. Что касается описанія деталей наружнаго вида храма, то онѣ настолько представляются эскизными, настолько не соответствуютъ дѣйствительности, что объ нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

1) Углы восьмигранниковъ основанія шатровъ, вопреки рисунку А. Мартынова, украшены профилеванными лопатками, между которыми помѣщены впадины съ круглыми окнами въ центрѣ. 2) Карнизъ у восьмериковъ, вопреки рисунку А. Мартынова, очень богатъ и силенъ, служа надежной опорой для прекрасно скомпанованныхъ группъ кокошникова шатра, безъ всякой чрезмѣрной вытянутости щелеобразнаго верхняго „слуха“. 3) Въ подножіи шеекъ главъ шатровъ, вопреки рисунку А. Мартынова, имѣется лишь одинъ рядъ кокошничковъ, а не два. Вообще шатры Алексѣевского храма съ ихъ нарядными группами кокошниковъ, по изяществу рисунка и формамъ, близко подходятъ къ верхней части шатра церкви Василия Блаженнаго (за исключеніемъ звѣздообразной формы восьмерика).

На стр. 210-й авторъ, говоря объ раскраскѣ Путинковской Богородицерождественской церкви, находитъ ее пестрой и сходной съ раскраской церкви Василя Блаженнаго (?!). Раскраску Путинковского храма, существовавшую до недавняго ремонта (нынѣ храмъ окрашенъ въ бѣлый цвѣтъ) и состоявшую изъ двухъ тоновъ сѣраго и бѣлаго цвѣтовъ, нельзя называть пестрой. Эта раскраска продѣлана по оштукатуркѣ всего храма во второй половинѣ XIX вѣка. Гдѣ и въ чемъ авторъ находитъ сходство съ раскраской храма Василя Блаженнаго—совершенно не понятно. Притомъ Путинковский храмъ, обладающій поясами изъ цвѣтныхъ изразцовъ, поскольку намъ извѣстно, до оштукатурки раскраски не имѣлъ.

На стр. 213—214 авторъ находитъ, что гоненіе на шатры началъ патріархъ Никонъ. Но какъ же тогда объяснить присутствіе такого виднаго шатра въ любимомъ „дѣтищѣ“ патріарха, т.-е. въ Воскресенскомъ храмѣ Новоіерусалимскаго монастыря?..

Въ главѣ VIII на стр. 219 — 220, говоря о колокольнѣ Ивана Великаго, авторъ очень рѣшительно называетъ центральную часть колокольни (гдѣ виситъ большой колоколъ), произведеніемъ Бона Фрязина (1505—1508 г.). Вѣрнѣе, эта часть сооружена Фрязиномъ Петромъ Малымъ въ 1532 — 43 годахъ (смотри „Исторію Москвы“ И. Е. Забѣлина, стр. 154—156). Въ особенности не можетъ считаться Боновской работой глава на высокой цилиндрической шеѣ. По архитектурѣ ее слѣдуетъ отнести къ еще болѣе позднему времени, чѣмъ работа Петрока, а именно, ко времени сооруженія цареборисовскаго столпа.

Оставляя въ сторонѣ, по вышеупомянутымъ причинамъ, детальный разборъ послѣднихъ четырехъ главъ труда, замѣтимъ, что онѣ чрезмерно изобилуютъ описаніями наружныхъ деталей храмовъ, составленными по фотографіямъ и по рисункамъ А. Мартынова. Особенно довѣрять тѣмъ и другимъ, безъ обследованія памятника въ натурѣ, нельзя, такъ какъ большинство приводимыхъ въ примѣръ храмовъ потерпѣли со времени своего основанія болѣе или менѣе существенныя измѣненія, которыя довольно трудно опредѣлить только по фотографіямъ. Еще труднѣе сдѣлать это по рисункамъ, не говоря уже про рисунки тѣхъ церквей, которыя уже сломаны. Приведенный примѣръ описанія сломанной церкви Алексѣевского монастыря достаточно говоритъ объ этой трудности. Думаемъ, что и имѣющіеся у насъ въ распоряженіи точные чертежи упраздненнаго Алексѣевского монастыря, при сравненіи ихъ съ натурой, кое въ чемъ болѣе или менѣе существенномъ отошли бы отъ оригинала.

Книжный матеріалъ, имѣвшійся въ распоряженіи автора представленнаго труда, не далъ ему такихъ интересныхъ и важныхъ для московской архитектуры памятниковъ, какъ, на примѣръ, церковь Трифона мученика въ Напрудной, въ Москвѣ; соборная церковь Рождественскаго монастыря въ Москвѣ; Островская церковь вблизи Царицына подъ Москвой; замѣчательный Дубровицкій храмъ близъ Подольска; „Дивная“ церковь близъ Углича и др. Отсутствіе ихъ въ трудѣ автора

составляетъ значительный пробѣлъ, оправдывать который отсутствіемъ подъ руками необходимаго матеріала нельзя. Весьма ощутительно и отсутствіе въ трудѣ болѣе отдаленныхъ „провинціальныхъ храмовъ“, но авторъ счелъ возможнымъ ихъ игнорировать...

Въ заключеніе считаю необходимымъ отмѣтить, что представленное на конкурсъ сочиненіе, обладая, главнымъ образомъ, компилятивными сводками предшествовавшихъ трудовъ въ области исторіи московской архитектуры, имѣетъ то достоинство, что это—первая сводка и, такъ или иначе первая попытка обозрѣть московскую архитектуру въ ея цѣломъ, хотя и во многомъ неудовлетворяющая основамъ науки, а также и требованіямъ конкурса.

При скудости въ литературѣ вышеописаннаго характера трудовъ, съ своей стороны, полагаемъ, что представленный на конкурсъ трудъ, подъ девизомъ „Старина“, заслуживаетъ поощрительной преміи и изданія, хотя бы и со многими несовершенными опредѣленіями, и со многими несовершенными иллюстраціями, предложенными авторомъ.

Москва.

Декабря 28 дня 1909 г.

Г.

Проф. Н. В. Покровскаго.

Задачу автора составляетъ обслѣдованіе московскаго періода церковнаго зодчества. Въ предисловіи къ своему труду онъ говоритъ, что въ настоящее время сдѣлано уже очень много для исторіи русской архитектуры: накопилось уже много матеріаловъ, отчасти научно-обработанныхъ; были уже попытки—намѣтить общую схему развитія нашего строительства,—последовательную трансформацию какъ конструктивныхъ, такъ и художественныхъ приемовъ; теперь мы имѣемъ уже прекрасно разработанныя отдѣльныя части исторіи русской архитектуры, ея развѣтленій, но многихъ звеньевъ, связующихъ все это въ одну непрерывную цѣпь, у насъ нѣтъ; а потому и невозможно написать въ настоящій моментъ исторію всей русской архитектуры. Вотъ почему авторъ ставитъ для себя скромную задачу—представить лишь связанный очеркъ исторіи московскаго зодчества, путемъ научнаго анализа типичныхъ памятниковъ церковной старины самой Москвы и ея окрестностей.

Все изслѣдованіе раздѣляется на двѣнадцать главъ: въ главѣ I-й идетъ рѣчь о деревянномъ зодествѣ Московскаго княжества. Такъ какъ вопросъ о древне-русскомъ деревянномъ зодествѣ обстоятельно обслѣдованъ былъ историкомъ и археологомъ И. Е. Забѣлинымъ, то нашъ авторъ повторяетъ лишь кратко его выводы; какихъ-либо новыхъ матеріаловъ, неизвѣстныхъ И. Е. Забѣлину, у него не было, да и не могло быть, такъ какъ нѣтъ ни одного памятника этой архитектуры,

Древности, т. XXIII, в. I.

уцѣлѣвшаго въ томъ или другомъ видѣ отъ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи. Попытка автора поискать мотивовъ деревянной архитектуры въ лицевомъ житіи св. Николая, какъ удачно сдѣлалъ это Н. В. Султановъ по отношенію къ русской архитектурѣ вообще, не привела, конечно, ни къ какимъ результатамъ. Ужъ если обращаться за указанными мотивами деревянной архитектуры къ лицевымъ житіямъ и иконамъ, то нужно брать житія и иконы русскихъ святыхъ, напр.: Сергія Радонежскаго, Артемія Веркольскаго и т. п. Вообще эта первая глава не имѣетъ существенно важнаго значенія въ трудѣ автора.

Во II-й главѣ разсматривается первый періодъ каменнаго церковнаго зодчества Москвы (1272—1461 гг.) и особенно подробно говорится о Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ; причѣмъ авторъ не безъ основаній находитъ здѣсь слѣды воздѣйствія со стороны владими́ро-суздальской архитектуры, а въ послѣдней принимаетъ на вѣру, безъ всякой критической повѣрки, западное происхожденіе нѣкоторыхъ архитектурныхъ мотивовъ, не находя, очевидно, возможнымъ уклоняться въ сторону отъ главной темы.

Въ главѣ III-й представлена очень хорошая характеристика дѣятельности Аристотеля Фіоравенти и строго научный анализъ архитектурныхъ формъ соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго, Архангельскаго, церкви Положенія ризы Пресв. Богородицы, церкви Рождества Богородицы въ Старо-Симоновомъ монастырѣ и церкви св. Николая въ Мясникахъ. Авторъ отмѣчаетъ въ этихъ храмахъ всѣ детали и ихъ постепенныя видоизмѣненія, — приемы и формы итальянскія, новгородскія, псковскія, суздальскія. Приходится пожалѣть лишь о томъ, что онъ не остановился на вопросѣ о происхожденіи и назначеніи такъ назыв. „голосниковъ“ (Чуд. соборъ, церковь въ с. Бесѣдахъ); не объяснилъ значенія „полубутовой кладки“ въ вопросѣ о стороннихъ вліяніяхъ на московское зодчество, хотя, повидимому, правильно считаетъ ее признакомъ новгородо-псковскаго вліянія (церковь св. Николая въ Мясникахъ, церковь Рождества Богород. въ Симоновомъ монастырѣ, церковь въ с. Бесѣдахъ). Выводъ по отношенію къ разсмотрѣнному въ этой главѣ періоду (XV вѣка—1510 г.) заключается въ слѣдующемъ: въ храмовомъ типѣ укрѣпляется пятиглавіе; остаются тѣ же владими́ро-суздальскіе фасы въ раздѣлкѣ стѣнъ; горизонтальные пояса и вѣнчаніе стѣнъ закомарами; аркатурные пояса на шеяхъ главъ, іоническія капители (отъ Аристотеля Фіоравенти); старые перспективные входы; появляются балясины и дыньки въ колоннахъ подъ вліяніемъ деревянной архитектуры. Отсюда слѣдуетъ, что итальянское вліяніе проявилось только въ техникѣ; архитектурныя же итальянскія формы, какъ несвойственныя духу русскаго національнаго зодчества, не привились въ Россіи.

Глава IV-я заключаетъ въ себѣ обзоръ памятниковъ шатровой архитектуры; сюда относятся: ц. Іоанна Предтечи въ с. Дьяковѣ 1529 г., ц. Вознесенія въ с. Коломенскомъ 1521—1532 гг., ц. въ с. Медвѣдковѣ и въ Бесѣдахъ XVI в. Въ нихъ авторъ видитъ совокупное вліяніе

зодчество древне-русского деревянного и итальянского и начало самобытного русского стиля.

Особая глава V-я посвящена анализу архитектурных форм крупнѣйшаго памятника шатровой архитектуры, — церкви Василия Блаженнаго. Это—яркій представитель народного древне-русского искусства, полного жизненности и, безспорно, высокаго, хотя и своеобразнаго пониманія прекраснаго.

Въ VI-й главѣ рѣчь идетъ о нешатровыхъ церквяхъ XVI в. Авторъ возвращается назадъ къ 1514 году, когда построена была церковь Благовѣщенія на Старомъ Ваганьковѣ (безъ пилоновъ въ планѣ); затѣмъ анализируетъ архитектурныя формы собора Новодѣвичьяго монастыря (сходнаго съ Успенскимъ соборомъ, но съ очень высокимъ подклѣтомъ); Введенской церкви въ Сергіевомъ посадѣ (пилоновъ нѣтъ, каменная алтарная преграда); Пятницкой церкви тамъ же, Ивановскаго монастыря, Гребневской церкви и ц. св. Николая у Красныхъ Колоколовъ. Архитектурныя отличія этихъ памятниковъ церковнаго зодчества XVI в. по сравненію съ памятниками XV в. заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ компактовкѣ плана, 2) въ отсутствіи пилоновъ, 3) въ устройствѣ трапезы съ западной стороны, 4) въ ходовыхъ галлереяхъ, 5) въ соединеніи въ одно цѣлое нѣсколькихъ церквей (ц. Василия Блаженнаго), 6) въ подклѣтахъ (не во всѣхъ церквяхъ) и 7) въ колоннахъ съ „дыньками“.

Въ VII-й главѣ разсматриваются шатровыя церкви XVII вѣка, — одношатровыя и многошатровыя: ц. въ Копьѣ, ц. Зосимы и Савватія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, трапезная церковь въ с. Троицкомъ-Голенищевѣ, ц. Алексѣевскаго монастыря и ц. Рождества Богородицы въ Путинкахъ: въ послѣднихъ двухъ оригинальная особенность — два рядомъ стоящіе шатра.

Глава VIII-я—о колокольняхъ, — сперва въ видѣ простыхъ звонницъ, иногда въ два яруса, а въ началѣ XVII в.—шатровыхъ, иногда съ четырьмя слухами.

Глава IX-я — нешатровыя церкви первой половины XVII в.: Преображенія въ с. Вяземахъ, ц. Покровская, ц. Донской Богоматери въ Даниловскомъ монастырѣ, ц. Θεодора Студита, ц. Грузинской Богоматери и церковь Николая Явленнаго на Арбатѣ. Отмѣтивъ характерныя черты ихъ (отсутствіе пилоновъ, теплыя трапезы, ходовыя паперти и пятиглавіе), авторъ замѣчаетъ, что вообще конецъ XVI в. и начало XVII в., — эпоха смуть, прошли почти безслѣдно для исторіи церковнаго зодчества Москвы.

Глава X-я—расцвѣтъ самобытнаго русского искусства. Романовскій періодъ: послѣ подробнаго и обстоятельнаго описанія церкви въ с. Тайнинскомъ, разсматриваются церкви Св. Троицы и Грузинской Богоматери въ Китай-городѣ, у Варваринскихъ воротъ, ц. св. Николая въ Пыжахъ, ц. св. Николая въ Столпахъ и ц. Рождества Христова въ с. Измайловѣ. Выводъ: всѣ церкви Романовскаго періода имѣютъ трапезы съ западной стороны, алтари трехабсидные, придѣлы, хоры, ходовыя паперти, иногда колокольни. Своды сомкнуты съ рас-

палубками, пятиглавіе, кокошники, главная церковь всегда выше трапезы, подклѣтовъ нѣтъ (кромѣ одной церкви св. Троицы въ Никитникахъ). Матеріаль—строительный кирпичъ, а для декоративныхъ формъ—тесаный камень, изразцы и лекальный кирпичъ.

Глава XI-я. Вторая половина XVII в.—упадокъ самобытнаго зодчества и переходный стиль. Характеристика зодчества XVII в. Здѣсь описываются церкви: св. Николая на Берсеневкѣ, Рождества Богородицы въ с. Богородскомъ, Іоасафа царевича въ с. Измайловѣ, Покровскій соборъ тамъ же, соборъ Знаменскаго монастыря, ц. св. Николая въ Хамовникахъ, церкви въ Чудовѣ монастырѣ св. Алексія митрополита, Казанская и Благовѣщенская, ц. Казанской Богоматери въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ, ц. въ с. Останкинѣ и ц. въ с. Марковѣ. Выводъ изъ главы о памятникахъ наканунѣ петровскихъ реформъ: однѣ церкви съ ходовыми папертями, другія — безъ нихъ; группировка частей церковей складывалась въ тотъ пріемъ, который носить названіе корабля, т.-е. главныя части церкви располагались одна за другою по линіи западъ-востокъ, при чемъ трапезная церковь во 2-й половинѣ XVII в. становится неотъемлемою частью церковнаго зданія, тогда какъ въ XVI в. и въ началѣ XVII в. она встрѣчается далеко не всегда. Колокольня помѣщается на главной оси храма, подклѣтовъ нѣтъ, или же въ нихъ помѣщаются теплыя церкви. Вычурныя и непокойныя детали и кокошники утрачиваютъ конструктивный характеръ.

Глава XII-я. Русскій барокко. Въ этой послѣдней главѣ авторъ предлагаетъ анализъ архитектурныхъ формъ церковей: св. Николая—Большой Крестъ, Преображенія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, ц. въ с. Сафаринѣ, Владимірской Богоматери у Никольскихъ воротъ, Богоявленской ц. въ Филяхъ, Успенской въ Котельникахъ, Знаменской въ Шереметевскомъ переулкѣ, Троицкой въ с. Лыковѣ и Воздвиженской въ Воздвиженскомъ переулкѣ.

Авторъ приступилъ къ выполненію поставленной задачи съ большимъ научнымъ матеріаломъ. Онъ не опустилъ ничего важнаго въ трудахъ его ученыхъ предшественниковъ — Мартынова, Снегирева, Даля, Рихтера, Прохорова, Забѣлина, Султанова, Сулова и всему отвелъ мѣсто въ своемъ трудѣ. Независимо отъ того, онъ несомнѣнно изучалъ лично на мѣстѣ относящіеся къ его темѣ памятники и въ прекрасномъ анализѣ ихъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ обнаружилъ серьезную подготовку и знаніе дѣла. Постановка вопроса правильная; тема обработана въ намѣченныхъ границахъ, съ достаточною полнотою. Приходится, вмѣстѣ съ авторомъ, пожалѣть лишь о недостаткѣ нѣкоторыхъ плановъ и разрѣзовъ, а также о недостаткѣ свѣдѣній о стѣнныхъ росписяхъ, иконостасахъ, рѣзныхъ сѣняхъ, царскихъ мѣстахъ, церковной утвари и проч. Все это сообщало бы характеристикамъ автора гораздо большую выпуклость и цѣльность. Но если недочеты этого рода потребовали бы отъ автора большой затраты времени и потому не могутъ быть поставлены ему въ вину, то я не могу примириться съ другимъ недостаткомъ—окончательнаго

вывода въ его серьезной работѣ. Авторъ оправдываетъ этотъ недостатокъ тѣмъ, что уже Л. В. Даль и Н. В. Султановъ нарисовали картину общаго хода развитія всего русскаго зодчества и въ частности, — московскаго. По моему мнѣнію, сжатый и послѣдовательный очеркъ эволюціи русскаго зодчества связалъ бы всѣ результаты его ученыхъ изслѣдованій въ разсматриваемой области, сообщилъ бы имъ единство, цѣльность и законченность.

По моему мнѣнію, сочиненіе подъ девизомъ „Старина“ можетъ быть признано удовлетворительнымъ для присужденія его автору полной преміи имени графа А. С. Уварова.

4 ноября 1909 г.

Заключительное слово гр. П. С. Уваровой.

Насколько исполнены завѣты, завѣщанные графомъ.

Въ заключеніе всего того, что сказано въ память графа, да будетъ позволено мнѣ, какъ замѣстительницѣ его на мѣстѣ предсѣдателя Императорскаго Моск. Археол. Общества, занять васъ на нѣкоторое время, съ цѣлью разобратся въ вопросѣ, какіе завѣты оставилъ графъ своимъ послѣдователямъ по археологіи и въ какомъ видѣ и насколько Моск. Арх. Общество исполнило эти завѣты своего основателя и пожизненнаго предсѣдателя.

Открывая первое засѣданіе Моск. Археол. Общества и развивая предъ присутствующими картину хода развитія археологіи какъ науки, графъ указалъ на то обстоятельство, что войны Наполеона и то пониженное состояніе, въ которое онъ привелъ западную Европу, произвели переворотъ даже въ наукѣ: „Европа,—сказалъ графъ,—для освобожденія отъ ига Франціи, должна была прибѣгнуть не только къ „простой силѣ, но также и къ нравственной опорѣ чувства народности и только съ этой опорой онъ сокрушилъ наполеоновскую власть. Пробужденное чувство народности, по умирненію Европы, „обратилось къ изученію всего родного. Оно дѣятельно жило и ярко „отразилось на самой археологіи. Съ тѣхъ поръ общій характеръ „науки даже христіанскихъ древностей измѣняется и принимаетъ во „всѣхъ странахъ характеръ національный. Подъ вліяніемъ чувства народности, въ Европѣ возникаютъ и Археологическія Общества, главная цѣль которыхъ,—разрабатывать, изучать и собирать памятники „родной старины“.

Таковъ былъ ходъ археологіи на западѣ; сознаніе могущества и непоборимой силы народности двинуло дѣло изученія памятниковъ каждаго отдѣльнаго народа и наука, изучающая до тѣхъ поръ только памятники классической древности, обратила вниманіе на окружающую ея среду, на то, что добывалось изъ нѣдръ родной земли, на то, что свидѣтельствовало о ея прежней жизни, бытѣ, исторіи, славіи и могуществѣ.

Обращая вниманіе на эту сторону развитія археологическихъ изслѣдованій, графъ тѣмъ самымъ указывалъ на необходимость въ томъ же направленіи двигать и дѣятельность Московскаго Археологи-

ческаго Общества, которое съ самаго своего основанія свято хранило этотъ первый и главный завѣтъ своего основателя. „Чувство народности возбудило дѣятельность ученыхъ обществъ на западѣ“ — сказалъ графъ; то же чувство народности, та же любовь къ родной старинѣ заставили Московское Археологическое Общество поработать надъ розысканіемъ русскихъ древностей, надъ доказательствомъ не-вѣрности распространеннаго мнѣнія, что въ Россіи нѣтъ памятниковъ, что Россія стала жить и заселяться позднѣе остальной Европы, что въ первые вѣка нашей эры она отставала въ развитіи отъ Европы, что ученые наши XIX стол. не умѣютъ сгруппировать свои познанія по археологіи въ ту стройную правильную науку, какъ то уже сдѣлано на западѣ, и, наконецъ, что ученымъ Запада нечего искать и нечему учиться у насъ, на Руси.

Дружными и совокупными силами нашихъ ученыхъ дознаны и открыты стоянки и погребенія каменнаго вѣка, найдены мѣдныя и бронзовыя орудія, во множествѣ открыты остатки до-микенской культуры, подробно и обстоятельно разработаны мѣста осѣдлости греческихъ колоній побережья Чернаго моря, добыты сокровища, единственные въ своемъ родѣ, въ скиѣскомъ курганѣ, разслѣдованы на сѣверѣ слѣды финскихъ племенъ, заселявшихъ его до появленія славянъ, сильно двинута разработка могильниковъ самихъ славянъ съ разслѣдованіемъ границъ ихъ распространенія, серьезно затронуть вопросъ о погребеніяхъ кочевниковъ въ нашихъ южныхъ степяхъ, во множествѣ разработаны и выяснены памятники нашей древней письменности, обслѣдованы, изучены и въ извѣстномъ размѣрѣ изданы наши архитектурныя памятники... И наши западные сосѣди не только стали появляться на нашихъ Сѣздахъ, изучать наши Музеи, стараться добывать наши древности и производить у насъ раскопки, знакомиться и выписывать наши изданія, не только взяли за изученіе русскаго языка, но и откровенно сознаются, что именно въ Россіи надо искать разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ ихъ на западѣ, но при наличныхъ средствахъ—признаются неразрѣшимыми.

Второй завѣтъ графа—„уничтожить равнодушіе къ отечественнымъ древностямъ, научить дорожить родными памятниками, цѣнить всякій остатокъ старины, всякое зданіе, воздвигнутое нашими предками, сохранить и защитить ихъ отъ всякаго разрушенія“. Вопросъ этотъ, который графъ считалъ „самымъ жизненнымъ вопросомъ русской археологіи“, былъ выдвинутъ имъ и поставленъ въ очередь съ первыхъ шаговъ Московскаго Археологическаго Общества, которое первое въ Россіи обратило вниманіе правительства на необходимость охраны памятниковъ и первое взялось за это дѣло и, образовавъ изъ своей среды особую Комиссію по сохраненію памятниковъ, неустанно ведетъ многотрудное дѣло сохраненія родныхъ памятниковъ старины, уничтожаемыхъ не такъ силою времени, какъ неопытными возстановителями, невѣденіемъ, а часто и злымъ умысломъ. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, спасенныхъ Обществомъ отъ разрушенія, такъ

называемый домъ Малюты Скуратова на Берсеневкѣ, пожалованъ Обществу Государемъ Императоромъ Александромъ II, при чемъ Его Величеству всемилостивѣйше угодно было повелѣть, чтобы съ 1877 г. ни одно зданіе, ни одна церковь не были перестроены или возобновлены безъ разрѣшенія Московскаго Археологическаго Общества.

Впослѣдствіи другія учрежденія, движимыя, вѣроятно, также любовью къ родной старинѣ, пожелали подѣлится съ Московскимъ Обществомъ тяготы, носимыя имъ такъ много лѣтъ по сохраненію памятниковъ, и выхлопотали себѣ тѣ же права; но, не смотря на то, что число доброжелателей возрасло, что не разъ собирались даже Комиссіи съ цѣлью упорядоченія вопроса, онъ все еще остается въ формѣ пожеланій безъ строго опредѣленныхъ законоположеній и безъ карательныхъ мѣръ противъ лицъ, поднимающихъ святотатственно руку на памятники, не подозрѣвая, что, уничтожая памятникъ, они вырываютъ всякій разъ страницу изъ народной лѣтописи.

Третій завѣтъ—созывъ Археологическихъ Съѣздовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи съ цѣлью общенія ученыхъ силъ, обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ обслѣдованіемъ древностей и подробнаго изученія той мѣстности, гдѣ собирается Съѣздъ. Первый Съѣздъ былъ созванъ въ Москвѣ въ 1869 году, послѣ чего было постановлено систематично созывать ихъ всякіе три года, что исполнялось при графѣ и что продолжается и по сіе время. Графъ былъ душой и руководителемъ шести Съѣздовъ и уже больной работалъ на Одесскомъ Съѣздѣ, всего за четыре мѣсяца до своей кончины, и заложилъ, такимъ образомъ, фундаментъ той основной мысли, которую ставилъ въ основу Съѣздовъ—т.-е. „сблизить и соединить разрозненные пространствомъ ученныя наши силы для взаимнаго соглашенія и посильнаго рѣшенія вопросовъ, стоящихъ на очереди“.

Позволю себѣ высказать мнѣніе, что Съѣзды не утратили своего значенія и съ кончиной графа, что они продолжаютъ приносить ту пользу, которую ожидалъ отъ нихъ графъ, что они возбудили не мало научныхъ вопросовъ, разбудили не мало дремлющихъ силъ, вызвали не мало работъ, и заслужили своими трудами по обслѣдованію родного края уваженіе не только ученыхъ Россіи, но и заграницей.

Вотъ тѣ три главные завѣта, которые оставилъ графъ своему Обществу, тѣ положенія, изъ которыхъ истекала вся его научная дѣятельность, всѣ имъ понесенные труды къ развитію археологическихъ трудовъ въ Россіи, къ привлеченію на эти труды вниманія правительства, къ заинтересованію ими публики, вызова къ нимъ сочувствія не только среди ученыхъ, но и у всѣхъ дорожащихъ святынями родной старины и привлеченію къ занятіямъ по археологіи какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и нашихъ учебныхъ заведеній.

Графъ широко открылъ двери на засѣданія своего Общества для всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ дѣятельностью такового или получить отъ него указанія, совѣтъ, руководство или изданія.

Графъ указывалъ на необходимость при изслѣдованіяхъ или раскопкахъ руководиться указаніями Повѣсти временныхъ лѣтъ

на мѣста первоначальныхъ поселеній какъ славянскихъ, такъ и неславянскихъ племенъ; выражалъ пожеланія, чтобы ученые провѣряли по лѣтописямъ указанныя ими географическія мѣстности, провѣряли неясныя подробности, что дало бы возможность не только съ большимъ успѣхомъ приступать къ раскопкамъ, но позволило бы и историкамъ разрѣшать не мало вопросовъ, остающихся темными и необъясненными въ ихъ сказаніяхъ.

Графъ указывалъ на необходимость болѣе тѣснаго единенія между учеными Обществами съ цѣлью разработки назрѣвающихъ археологическихъ вопросовъ, какъ, напр., собранія и изданія Научнаго Сборника древнихъ русскихъ надписей, разсѣянныхъ, затерянныхъ по всему широкому пространству земли Русской; составленія Палеографическаго Сборника съ надписей, находящихся на вещественныхъ предметахъ (монетахъ, сосудахъ, крестахъ и пр.), въ виду того, что эти надписи значительно различествуютъ по формѣ буквъ отъ рукописныхъ памятниковъ; разработку вопроса, по какому поводу или образцу и когда начали у насъ употреблять вязь въ письменахъ, какіе древнѣйшіе памятники представляютъ намъ образцы связанныхъ между собою буквъ и можно ли по способу составленія вязи опредѣлить время, къ которому принадлежитъ памятникъ; разработку Археологическаго Словаря, въ составленіи котораго чувствуется и до сихъ поръ насущная потребность; составленіе Библиографическаго Сборника по разнымъ отдѣламъ археологическихъ знаній; разработку вопроса о легендѣ для археологическихъ картъ; какъ возбудить совокупное содѣйствіе этнографіи, языковѣдѣнія, геологіи, палеонтологіи, химіи и біологіи для успѣха первобытной археологіи въ Россіи и пр.

Занимаясь памятниками зодчества, графъ первый въ Россіи подробно излагаетъ правила, на основаніи которыхъ всѣ существующіе еще памятники родной старины должны быть подраздѣлены на отдѣлы и признаны государственной собственностью, которой не могутъ распоряжаться, а тѣмъ паче ихъ уничтожать по капризу и произволу, ни частныя лица, ни городскія управленія; настаиваетъ на необходимости регистрации, и описаніи всѣхъ этихъ памятниковъ и съ этою цѣлью высказывается за необходимость привлечь къ этому дѣлу не только отдѣльныхъ архитекторовъ, но и учрежденія, подобныя Академіи Художествъ, которыя, задавая своимъ питомцамъ архитектурныя задачи, должны были бы направлять ихъ на изученіе русскихъ памятниковъ, ихъ съемки и зарисовку; возбуждаетъ вопросъ о сохраненіи памятниковъ на всѣхъ Археологическихъ Съѣздахъ; работаетъ во всѣхъ Комиссіяхъ по этому вопросу; толкуетъ лѣтописныя сказанія о возведеніи, переустройкѣ, украшеніи церквей въ разныхъ частяхъ Россіи; старается разобратъ въ тѣхъ разныхъ теченіяхъ, которыя могли вліять на развитіе архитектурныхъ формъ нашихъ древнихъ храмовъ; констатируетъ самобытность нашихъ деревянныхъ церквей, появленіе византійскихъ формъ въ нашихъ каменныхъ постройкахъ, напечи-

наеть о вызовѣ мастеровъ-строителей съ запада, при чемъ обращаетъ вниманіе на то, что мастера эти не могли измѣнить формы, искони принятой для русскихъ храмовъ, а только повліяли въ извѣстной долѣ на внѣшнее убранство возводимыхъ построекъ; подозрѣваетъ возможность нѣкотораго вліянія востока на русское зодчество со времени покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ; поднимаетъ вопросъ о стилѣ нашихъ древнихъ церквей; указываетъ, что стиль заимствуетъ свои формы и виды изъ техническаго производства самого памятника, но что, кромѣ техническаго вліянія, существуетъ также и, можетъ быть, въ болѣе сильной мѣрѣ, вліяніе символическое, которое проявляется съ древнѣйшихъ временъ, получаетъ особое мистическое значеніе и проявляется въ формахъ художественныхъ украшеній, которыя и составляютъ отличительныя свойства зданій разныхъ эпохъ и народностей; и составляетъ, наконецъ, примѣрный хронологическій списокъ древнимъ русскимъ памятникамъ, который долженъ былъ лечь въ основу при устройствѣ того Историческаго Музея, подъ сѣнью котораго мы сегодня собрались на поминку его основателя.

Графъ требуетъ преподаванія археологіи, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ университетахъ, при чемъ указываетъ на западныя государства, гдѣ она преподается даже въ гимназіяхъ и въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и считается необходимымъ педагогическимъ приѣмомъ для развитія въ ученикахъ какъ чувства любви и привязанности къ родинѣ, такъ и эстетическаго чувства, возвышающаго умъ и сердце человѣка.

То же горячее чувство народности и любви къ родной старинѣ заставили графа съ восторгомъ принять въ 1878 г. предложеніе Августѣйшаго Намѣстника Кавказа, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Николаевича, предпринять изученіе древностей Кавказа и подготовительныхъ работъ къ V-му Археологическому Съѣзду, который Его Высочество поручилъ графу созвать въ Тифлисѣ въ 1881 году.

Изученіе и занятіе Востокомъ начались для нашего Общества еще съ Казанскаго Съѣзда, но въ виду неустанныхъ заботъ, распоряженій и денежныхъ суммъ, дарованныхъ Великимъ Княземъ на Тифлисскій Съѣздъ, занятія эти могли принять гораздо большіе размѣры, чему свидѣлствуютъ программы, выработанныя по изученію Кавказа, предпринятая раскопки, какъ въ степяхъ у преддверья Кавказа, такъ и въ разныхъ частяхъ края, работы самого Съѣзда и тѣ 12 томовъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“, которыя печатаются послѣдовательно изъ года въ годъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, не считая тѣхъ изслѣдованій по восточнымъ древностямъ, которыя издаются Восточной Комиссіей Общества, и работъ по изданію клинообразныхъ надписей, предпринятыхъ нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ Мих. Вас. Никольскимъ.

Не то ли также сознаніе своей народности, глубокаго къ ней уваженія и преданности заставило графа поднять вопросъ о необходимомъ

сти созданія Историческаго Музея, о желательности воздвигнуть памятникъ русскому первопечатнику Ивану Федорову; не то же ли чувство заставляло графа не разъ настаивать на необходимости ученаго побратимства русскихъ съ славянами, съ цѣлью борьбы съ германизацией, доказывая, что борьба эта должна вестись не громкими пустыми фразами, какъ это принято у насъ доселѣ, но упорнымъ трудомъ на научномъ поприщѣ.

И такъ, какъ мы видимъ, слова „народность“, „любовь къ родинѣ и завѣтамъ старины“ не были пустыми словами въ устахъ графа; напротивъ—ихъ изученію, ихъ возвеличенію, ознакомленію съ ихъ памятниками и исторіей, вызову любви и уваженія къ нимъ — была посвящена вся его жизнь. Но, говоря о народности, изучая проявленія ея духа и величія, графъ не суживалъ свою задачу, не боялся указать на тѣ вліянія, которыя проникли въ русское искусство, въ русскій стиль, какъ проникаютъ разнородныя вліянія ко всѣмъ народамъ, во всѣ самыя разнообразныя части искусства, но, разбираясь въ чужеземныхъ вліяніяхъ, занимаясь то финскими погребеніями, то развалинами въ Булгарахъ, то греческими колоніями побережья Чернаго моря, то армянскими миниатюрами, то грузинской архитектурой, графъ оставался русскимъ, не считалъ нужнымъ расчленять Россію, понималъ ее единою, великою, отъ береговъ Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго моря, отъ границъ Австріи и Германіи до Беринговаго пролива, и считалъ изученіе поименованныхъ древностей какъ за отдѣленія одного цѣлаго—т.-е. русскихъ древностей, или древностей, находящихся въ Россіи и принадлежащихъ всецѣло ей одной, ея ученымъ, ея музеямъ и собраніямъ.

Но какъ-же исполнены нашими учителями завѣты, завѣщанные графомъ?

Много, очень много сдѣлано! Усиліями отдѣльныхъ лицъ какъ И. Егор. Забѣлина, Антоновича, Анучина, Богданова, Иностранцева, Самоквасова, кн. Путятина, Оссовскаго, Андрианова, Спицина, бар. Тизенгаузена, Бранденбурга, Сизова, Гаусмана, гр. Бобринскаго, Костюшко-Валюжинича... и болѣе молодыми на полѣ брани: Вас. Ал. Городцова, Хвойко, Ляскоронскаго и многими другими дана намъ возможность распредѣленія могильниковъ необъятной земли Русской между народностями, искони ея заселяющими.

Помяловскій, Латышевъ, Срезневскій, архим. Амфилохій, Соболевскій, Усовъ, Елпид. Вас. Барсовъ, Матв. Ив. Соколовъ, Мих. Нестор. Сперанскій, Лавровъ, Истринъ, Вячес. Ник. Щепкинъ — и кромѣ нихъ цѣлая плеяда работаетъ надъ палеографическими памятниками.

Филимоновъ, Кирпичниковъ, Ник. Павл. Кондаковъ, Рѣдинъ, Айналовъ, Трутовскій, Орѣшниковъ и многіе другіе занимаются описаніемъ русскихъ памятниковъ искусства и нумизматикой.

Лихачевъ, Шпилевскій, Шестаковъ, баронъ Розенъ, Европеусъ, Радловъ, Слуцкій, Ѳ. И. Успенскій, Ѳед. Евг. Коршъ, Всев. Ѳеод. Миллеръ, Аттая, Крымскій, Хахановъ, Кучукъ-Іоаннесовъ,—работаютъ надъ памят-

никами востока, не говоря уже о Мих. Вас. Никольскомъ, предъ трудами котораго преклоняются ученые Европы.

Архитектурными памятниками Россіи занялись Ал. Протог. Поповъ, Потановъ, Артлебенъ, Султановъ, Сусловъ, Павлиновъ, Горностаевъ, Покрышкинъ, не считая тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ на полѣ борьбы по сохраненію памятниковъ, которые, состоя членами нашей Комиссіи по ихъ сохраненію, несутъ съ кончины графа тяжелую обузу ихъ защиты, какъ Ник. Вас. Никитинъ, Машковъ, Соловьевъ, Ивановъ, Курдюковъ, Мейснеръ и другіе.

Сдѣлано, какъ видите, много, но остается еще работы много, ряды же работниковъ рѣдѣютъ; молодежь не умѣетъ болѣе работать, какъ старики; чувство народности и любви къ родной старинѣ также почти болѣе не существуетъ, и... въ невѣденіи того, что ожидаетъ наше дѣло въ будущемъ, я, принося еще разъ выраженіе благодарности всѣмъ... всѣмъ, удостоившимъ нынѣшнее засѣданіе своимъ присутвіемъ, не могу не закончить свое слово окликомъ русскаго сказочнаго богатыря:

„Кто въ полѣ живъ человекъ, отзовися!“

1885 $\frac{30}{IV}$ 1910

Графиня П. С. Уварова.

30 апрѣля—11 мая 1910 г.

30 апрѣля 1910 года исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ, какъ почетный членъ Общества, графиня Прасковія Сергѣевна Уварова, была избрана на трудный и отвѣтственный постъ предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 30 апрѣля 1885 года, дотолѣ съ такой славой занимавшійся въ теченіе 20 лѣтъ ея супругомъ, основателемъ и первымъ и пожизненнымъ предсѣдателемъ Общества, незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ. Эта четверть вѣка останется въ исторіи Общества навсегда самымъ яркимъ, самымъ плодотворнымъ и дѣятельнымъ періодомъ. Такъ, за это время Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ, бывшая до 1885 г. въ Обществѣ единственной и полусамостоятельной, какъ неразрывно съ нимъ связанная и засѣданіями и протоколами, выдѣлилась въ особую, самостоятельную единицу, съ особой организаціей, особымъ составомъ дѣятелей и особыми правилами и, подъ предсѣдательствомъ графини, своей настойчивой и энергичной дѣятельностью сберегла сотни, если не тысячи цѣннѣйшихъ памятниковъ нашего древняго церковнаго зодчества; а премія, объявленная графиней ко дню 25-ти-лѣтія со времени кончины графа, на тему о московскомъ самостоятельномъ зодествѣ до XVIII ст., вызвала первый систематизированный трудъ по исторіи этого зодчества. Христіанскіе памятники Кавказа и древняго Херсонеса получили свою научную и обстоятельную разработку, равно какъ и церковное зодчество Украины, только благодаря графинѣ. Наконецъ, лучший трудъ по исторіи архитектуры вообще, принадлежащій перу Огюста Шуази, увидѣлъ свѣтъ и на русскомъ языкѣ опять-таки благодаря графинѣ и ея матеріальной поддержкѣ.

Кромѣ переорганизациі Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за то же время при Обществѣ возникли со своими особыми положеніями спеціальныя Комиссіи—Восточная, Славянская, Археографическая и Старой Москвы, что одно уже можетъ служить нагляднымъ и яркимъ показателемъ того, какъ широка, какъ всеобъемлюща въ научномъ отношеніи стала дѣятельность Общества за послѣднюю четверть вѣка. Затѣмъ на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, основалось Отдѣленіе Общества, много способствующее, несмотря на свою пока еще кратко-

временную дѣятельность, научной разработкѣ древностей этого интереснѣйшаго края. Всѣ эти Комиссіи и Отдѣленіе, помимо своихъ засѣданій, имѣютъ и свои органы, являющіеся, благодаря ихъ содержанію, цѣннымъ вкладомъ въ науку. Рядомъ съ этими изданіями за то же время были основаны особые органы для изученія древностей Восточныхъ губерній Россіи, для разработки матеріаловъ по археологіи Кавказа и для изученія памятниковъ церковнаго зодчества Украины, каковыя изданія успѣшно продолжаютъ выходить и до сихъ поръ. Была сдѣлана сверхъ того попытка издавать общедоступный и понятный для широкой публики органъ „Археологическія Извѣстія и Замятки“, просуществовавшій 9 лѣтъ и давшій за это время богатѣйшій матеріалъ въ научномъ отношеніи. По отношенію къ Археологическимъ Съѣздамъ дѣятельность графини была не менѣе энергична, не менѣе плодотворна. 8 Съѣздовъ были созданы за это время, 9 Предварительныхъ Комитетовъ ихъ работали въ то же время неустанно, десятки мѣстныхъ Комитетовъ готовили на мѣстахъ почву для научныхъ занятій Съѣздовъ и вездѣ графиня являлась самымъ главнымъ, самымъ неутомимымъ, самымъ энергичнымъ дѣятелемъ, предсѣдательствуя на большинствѣ Съѣздовъ, на всѣхъ Предварительныхъ Комитетахъ, организуя мѣстные и своимъ примѣромъ заражая другихъ и благотворно дѣйствуя на участниковъ и дѣятелей Съѣздовъ. Обширные, полные богатѣйшаго и цѣннѣйшаго научнаго матеріала „Труды“ не только этихъ 8 Съѣздовъ и ихъ Комитетовъ, но и одного изъ предшествовавшихъ, именно V-го, Тифлискаго Съѣзда, обязаны своимъ содержаніемъ и появленіемъ въ свѣтъ исключительно графинѣ. Не была забыта графиней и матеріальная сторона всѣхъ научныхъ предприятий Общества. Не говоря уже о многочисленныхъ собственныхъ жертвахъ на это дѣло графини, Общество обязано всецѣло своему предсѣдателю и укрѣпленіемъ его ежегодной субсидіи въ 5,000 руб. и установленіемъ ежегодной же субсидіи и того же размѣра на Съѣзды и полученіемъ крупныхъ суммъ сперва Высочайше дарованныхъ, а потомъ отпускаемыхъ изъ средствъ Государственнаго Казначейства на изданіе „Матеріаловъ“ по археологіи Кавказа и Восточныхъ губерній, равно какъ и пожертвованіями и Высочайшихъ особъ и частныхъ лицъ на издательскія нужды Общества. Изданія Общества за эти двадцать пять лѣтъ значительно расширились и частью обновились и всего Обществомъ было издано съ 1885 по 1911 годъ: „Древностей“ 13 тт. въ 22 вып., „Археологич. Извѣстій и Замятокъ“ (1893—1901) — 9 тт., „Трудовъ“ Комиссіи по сохраненіи древнихъ памятниковъ — 3 т., Восточной Комиссіи — 3 т. въ 8 вып., Славянской Комиссіи — 4 т. въ 5 вып., Археографической Комиссіи — 2 т. въ 5 вып., Кавказскаго Отдѣленія — 2 т., „Древностей Украины“ — 1 т., „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ — 12 вып., „Матеріаловъ“ по восточнымъ губерніямъ — 3 т., „Трудовъ“ Съѣздовъ и ихъ Предварительныхъ Комитетовъ — 25 томовъ, всего же 77 тт. въ 95 вып. Независимо отъ сего, графиня лично выпустила рядъ цѣннѣйшихъ изданій, какъ собственныхъ произведеній, такъ и другихъ, а именно: „Византійскій альбомъ“ 1 вып. съ

атласомъ, „Описаніе славяно-русскихъ рукописей гр. А. С. Уварова“, 4 т. (сост. арх. Леонидомъ), „Путевыя замѣтки о Кавказѣ“ — 3 т., „Каталогъ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря“ — 1 т., „Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова“—1 т. (Н. И. Кононова), „Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова“—4 т. (1 т. А. В. Орѣшникова, 3 т. графини), „Памятники христіанскаго Херсонеса“—2 т. (Д. В. Айналова и Шестакова), „Исторія архитектуры О. Шуази“—2 т. (пер. Н. С. Курдюкова), „Мелкія и неизданныя статьи гр. А. С. Уварова“—3 т., не говоря уже о многочисленныхъ докладахъ графини въ засѣданіяхъ Общества, всегда полныхъ глубокаго научнаго значенія и интереса. Наконецъ, за тотъ же періодъ Обществу удалось осуществить одну изъ своихъ давнишнихъ и важныхъ задачъ,—открыть памятникъ нашему первопечатнику діакону Ивану Ѳеодорову. Успѣхъ этого памятника, и художественный и моральный, превзошелъ ожиданія Общества и, какъ одно изъ послѣдствій его, явился призывъ къ Обществу со стороны москвичей, къ составу Общества не принадлежащихъ, о принятіи имъ на себя постановки памятника великимъ духовнымъ дѣятелямъ Смутнаго Времени—патріарху Гермогену и его сподвижникамъ, что нынѣ и осуществляется Обществомъ. Если къ этому прибавить еще вопросъ о разработкѣ Обществомъ проекта закона объ охраненіи древнихъ памятниковъ всякаго типа въ Россіи, объ учрежденіи въ память своего незабвеннаго основателя гр. А. С. Уварова золотой медали, объ устройствѣ Ростовскаго Музея церковныхъ древностей и такового же въ Угличѣ, то дѣятельность графини за 25 лѣтъ ея предсѣдательства въ Обществѣ достаточно будетъ очерчена въ ея главныхъ чертахъ.

Глубоко цѣня эту дѣятельность своего предсѣдателя и преклоняясь передъ величественной фігурой графини какъ ученаго, такъ и какъ человѣка, Императорское Московское Археологическое Общество стремилось достойнѣйшимъ образомъ отпраздновать день 30 апрѣля 1910 года. Къ сожалѣнію, графиня, по свойственной ей нелюбви къ оффиціальнымъ чествованіямъ ея, уклонилась отъ такового и на этотъ разъ и потому чествованіе состоялось экспромптомъ 11 мая 1910 г., когда было назначено простое распорядительное засѣданіе Общества. Засѣданіе это состоялось подъ предсѣдательствомъ графини и въ присутствіи гг. членовъ Общества—проф. Д. Н. Анучина, Н. Н. Ардашева, М. О. Аттая, С. К. Богоявленскаго, И. Н. Бороздина, проф. Р. Ѳ. Брандта, В. А. Городцова, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, А. Д. Григорьева, Л. Д. Григорьевой-Воронцовой, проф. И. М. Громогласова, А. М. Гуржіенко, Б. И. Дунаева, З. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, С. Н. Кологривова, Н. Н. Кононова, акад. Ѳ. Е. Корша, о. І. І. Кузнецова, С. К. Кузнецова, Н. С. Курдюкова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, И. П. Машкова, Н. В. Никитина, А. В. Орѣшникова, проф. А. П. Павлова, В. А. Попова, В. Ѳ. Ржига, И. В. Рыльскаго, Л. М. Савелова, А. Н. Соловьева, С. У. Соловьева, А. И. Станкевича, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, И. М. Тарабрина, гр. К. А. Хрептовичъ-Бутенева, А. С. Хаханова, проф. И. В. Цвѣтаева, Н. П. Чулкова, В. В. Шеймана, В. Н. Щепкина, кн. Н. С. Щербатова, С. Д. Щербака, Н. А. Янчука и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

По открытіи засѣданія предсѣдателемъ, секретарь В. К. Трутовскій обратился къ графинѣ съ просьбой отъ имени всего Общества принять поздравленія и привѣтствія, полученныя со всѣхъ концовъ земли русской, и затѣмъ прочелъ Высочайшую телеграмму Державнаго Покровителя Общества и телеграммы, присланныя Высочайшими Особами. Затѣмъ товарищъ предсѣдателя Д. Н. Анучинъ, во главѣ всего Общества, прочиталъ адресъ отъ Общества, за коимъ послѣдовало чтеніе особыми депутаціями адресовъ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и въ заключеніе секретаремъ прочитаны были привѣтствія, письма и телеграммы отдѣльныхъ лицъ, привѣтствовавшихъ славную четвертьвѣковую дѣятельность графини. Всѣ эти телеграммы, адреса, привѣтствія и письма напечатаны ниже. Здѣсь же надо отмѣтить, что Общество, ко дню юбилея графини, единогласно постановило: а) избрать ее пожизненнымъ предсѣдателемъ, подобно тому, какъ раньше былъ избранъ такимъ же предсѣдателемъ основатель и первый предсѣдатель Общества, покойный супругъ графини гр. А. С. Уваровъ, б) учредить на Съѣздахъ фондъ имени графини съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ его, каждые три года, на очередномъ Съѣздѣ, присуждались поощрительныя преміи молодымъ ученымъ — работникамъ на поприщѣ изученія русской археологіи, причемъ первое присужденіе должно состояться на XVI Съѣздѣ, въ 1914 г., совпадающемъ съ 50-лѣтіемъ Общества, и в) повѣсить въ залѣ засѣданій Общества портретъ графини въ pendant къ портрету гр. А. С. Уварова. Затѣмъ Московскій, Кіевскій и Новороссійскій Университеты, Императорская Академія Художествъ, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ и Финское Археологическое Общество избрали графиню въ число своихъ Почетныхъ членовъ.

Вечеръ закончился любезно предложенной радушной хозяйкой товарищеской трапезой, за которой въ безчисленныхъ рѣчахъ отмѣчены были разнообразнѣйшія стороны дѣятельности графини какъ предсѣдателя, ученаго и чловѣка, а графиня въ теплыхъ словахъ благодарила всѣхъ за поздравленія и привѣтствія, поднимая не разъ тосты за своихъ сотрудниковъ и за процвѣтаніе Общества и его задачъ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Его Императорскаго Величества Государя
Императора.

Въ день празднованія 25-ти-лѣтія вашей плодотворной дѣятельности въ качествѣ предсѣдательницы Археологическаго Общества примите, графиня, Мое сердечное поздравленіе и пожеланія здоровья и силъ для дальнѣйшихъ работъ по изученію нашей родной старины.

НИКОЛАЙ.

Отъ Е. И. Высочества Великой Княгини
Елисаветы Ѳеодоровны.

Въ знаменательный день исполнившагося 25-ти-лѣтія вашего предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ съ какимъ бы искреннимъ удовольствіемъ Мой Мужъ выразилъ бы вамъ, дорогая графиня Прасковья Сергѣевна, Свое глубокое къ вамъ уваженіе, такъ какъ всегда цѣнилъ вашу плодотворную просвѣщенную дѣятельность. Примите же за Него и отъ Меня сердечный привѣтъ; дай Богъ, чтобы родная археологія процвѣтала еще многіе годы подъ вашимъ руководствомъ, храня дорогіе завѣты основателя Общества, незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича.

ЕЛИСАВЕТА.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Наукъ горячо привѣтствуетъ своего почетнаго члена къ двадцатипятилѣтію плодотворной дѣятельности по изученію родной старины и шлетъ искреннія пожеланія, пусть продлится эта дѣятельность долгіе годы на пользу Россіи и науки.

Президентъ КОНСТАНТИНЪ.

Отъ Императорской Академіи Художествъ.

Высоко цѣня ваши плодотворные труды и желая выразить вамъ свое глубокое уваженіе за славную дѣятельность въ области археологіи, ввѣренная Мнѣ ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Художествъ приносить вамъ сердечныя поздравленія по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія предсѣдательства вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и постановляетъ избрать васъ въ Почетные Члены ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ. Прошу васъ также принять Мои личныя поздравленія и наилучшія пожеланія.

Президентъ МАРІЯ.

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Археологическое Общество, озираясь на многочисленные труды ваши въ области археологіи Россіи, шлетъ вашему сіятельству искреннія поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ на пользу родной науки и Россіи.

Предсѣдатель КОНСТАНТИНЪ.

Помощникъ предсѣдателя *графъ Иванъ Толстой.*

Секретарь *Борисъ Фармаковскій.*

II. АДРЕССА, ПОДНЕСЕННЫЕ ДЕПУТАЦИЯМИ.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Императорское Московское Археологическое Общество понесло тяжелую утрату: скончался его основатель и безсмѣнный предсѣдатель, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Удрученному потерей Обществу предстояло рѣшить трудный вопросъ о лицѣ, которое могло бы замѣстить покойнаго, продолжить его дѣло, дать дальнѣйшее развитіе оставленнымъ имъ завѣтамъ. Колебанія Общества были непродолжительны; оно остановилось на мысли, что наилучшимъ замѣстителемъ графа могли быть только Вы, графиня, постоянная и ближайшая сотрудница покойнаго въ его общественно-научной дѣятельности. Общество предложило Вамъ занять постъ Вашего покойнаго супруга и Вы, искренно сочувствуя задачамъ Общества, изъявили согласіе принять на себя сложныя и многотрудныя обязанности его предсѣдателя. Въ засѣданіи Общества 30-го апрѣля 1885 года Вы высказали пожеланіе, чтобы о Васъ сохранилась память, какъ о „послужилицѣ“ Общества, по выраженію, встрѣченному Вами на одной древней пеленѣ XVI-го вѣка, хранящейся въ Вашемъ музеѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ, и теперь, окидывая мысленнымъ взоромъ этотъ періодъ времени, можно съ полнымъ правомъ сказать, что высказанное Вами пожеланіе осуществилось въ полной мѣрѣ. Вы были настолько ревностной „послужилицей“ Общества, что имя Ваше займетъ надолго первое мѣсто въ ряду его дѣятелей. Благодаря Вашей неутомимой энергіи, Вашему беззавѣтному служенію археологіи, Вашей удивительной работоспособности, Вы дали новый импульсъ научной жизни Общества, которая за послѣднія двадцать пять лѣтъ во всѣхъ направленіяхъ расширилась и существенно углубилась. Рядомъ съ продолженіемъ прежней, традиціонной, дѣятельности Общества, объ интенсивности которой за истекшія двадцать

пять лѣтъ свидѣтельствуютъ протоколы многихъ сотенъ его засѣданій и вышедшіе 13 томовъ (въ 22 выпускахъ) „Древностей“, въ средѣ нашего Общества возникла спеціализація археологическихъ изученій въ видѣ учрежденныхъ при Обществѣ особыхъ Комиссій. При Вашей неизмѣнной поддержкѣ стали дѣйствовать Комиссіи: по древностямъ восточнымъ (давшимъ матеріалъ для 3 томовъ въ 8 выпускахъ), — по древностямъ славянскимъ (4 тома въ 5 выпускахъ), — по древностямъ археографическимъ (2 тома въ 5 выпускахъ) и Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ (3 тома); послѣдняя Комиссія, выдѣлившись изъ Общества въ особую организацію подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, особенно много Вамъ обязана, какъ привлеченіемъ къ ея трудамъ многихъ энергичныхъ и преданныхъ ея задачамъ работниковъ, такъ и достигнутыми ею результатами по изученію и охранѣ множества памятниковъ нашего стариннаго искусства. Продолжая начинанія покойнаго графа и вполне сознавая значеніе древностей нашихъ окраинъ, Вы выдѣлили также въ предметы особаго изученія древности Кавказа и восточныхъ губерній, привлекли къ этому изученію компетентныхъ лицъ, изыскали необходимыя средства, внесли въ это дѣло собственную крупную, духовную и матеріальную лепту, — и въ результатѣ мы имѣемъ рядъ цѣнныхъ изданій — 12 томовъ по кавказскимъ древностямъ, 2 выпуска трудовъ Кавказскаго Отдѣленія Общества, возникшаго также по Вашей инициативѣ, и 3 тома по древностямъ восточныхъ губерній. Въ теченіе девяти лѣтъ Обществомъ издавались также „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, служившія дополненіемъ къ другимъ его изданіямъ. Вы осуществили, наконецъ, давно задуманное Обществомъ дѣло постановки памятника московскому первопечатнику Ивану Федорову, а въ послѣднее время основали при Обществѣ новую Комиссію — по изученію старой Москвы.

Много трудовъ и заботъ было положено Вами на дѣло организаціи русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Послѣ того, какъ при жизни графа А. С. Уварова Съѣзды обошли Москву, Петербургъ, Кіевъ, Казань, Тифлисъ и Одессу, они состоялись, въ періодъ Вашего предсѣдательства въ Обществѣ, — въ Ярославлѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ, и притомъ, благодаря Вашей неутомимой энергіи, неизмѣнно черезъ три года. На каждомъ Съѣздѣ Вы не только занимали предсѣдательскій постъ, но и были наиболѣе дѣятельною организующею, одушевляющею силою. Вы исходатайствовали въ пользу Съѣздовъ крупную правительственную субсидію и тѣмъ поставили дѣло устройства ихъ на болѣе прочную почву, какъ относительно ихъ подготовки, такъ и изданія ихъ „Трудовъ“. Вы умѣли заинтересовывать въ успѣхѣ Съѣздовъ мѣстное общество, умѣли привлекать къ ихъ устройству дѣятельныхъ сотрудниковъ, организовывать мѣстныя силы, вызывать притокъ средствъ, причемъ не отказывались и отъ черной работы по перепискѣ, устройству выставокъ, корректурѣ изданій и т. п. Плодомъ этой обширной, многосторонней и многотрудной Вашей дѣятельности являются 20 томовъ „Трудовъ“ Съѣздовъ, не считая 5 томовъ съ предварительными по нимъ данными и матеріалами.

Направляя дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества и объединяя труды русскихъ археологовъ путемъ періодическихъ съѣздовъ, Вы служили и непосредственно дѣлу познанія древностей, какъ производствомъ собственныхъ изысканій, такъ и изданіемъ цѣнныхъ трудовъ и матеріаловъ. Вы путешествовали неоднократно по Кавказу, собрали много свѣдѣній объ его древностяхъ и описали эти поѣздки въ трехъ выпускахъ Вашихъ путевыхъ Записокъ, а самыя древности (первобытныя и христіанскія)—въ обширныхъ и роскошныхъ монографіяхъ, составившихъ три тома „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“. Вами изданы описанія ризницы Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, древностей Херсонеса, которыя, вообще, весьма обязаны Вамъ систематическимъ ихъ изслѣдованіемъ, многихъ коллекцій Вашего музея, каталогъ рукописей Вашего книгохранилища (описанныхъ арх. Леонидомъ въ 4 т.), Византійскій альбомъ, три тома трудовъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, переводъ сочиненія Шуази по исторіи архитектуры въ 2 т., описаніе актовъ собранія графа. Вы не жалѣли для осуществленія Вашихъ научныхъ предпріятій ни силъ, ни времени, ни матеріальныхъ средствъ, и, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ неустанной дѣятельности, Вы сохраняете тотъ же высокій интересъ къ наукѣ, ту же энергію въ служеніи задачамъ нашего Общества, то же неослабное рвеніе въ работѣ на пользу и славу русской археологіи.

Преклоняясь предъ Вашей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельностью, Императорское Московское Археологическое Общество приноситъ Вамъ въ нынѣшній знаменательный день выраженіе искреннѣйшихъ чувствъ своей признательности за все сдѣланное Вами на поприщѣ служенія Обществу и русской наукѣ. За двадцать пять лѣтъ Общество настолько свыклось съ Вашимъ руководствомъ, что считаетъ Васъ неизмѣннымъ своимъ главою и единодушно проситъ Васъ принять на себя званіе пожизненнаго его предсѣдателя. Объединяясь въ чувствѣ сердечной Вамъ преданности, Общество приноситъ Вамъ наилучшія пожеланія силъ и здоровья, чтобы Вы сохранили на многіе и многіе годы ту же бодрость духа и неуклонную энергію, съ которыми останется навсегда связаннымъ Вашъ духовный образъ, какъ передовой „послужилицы“ нашего Общества и всей русской науки о древностяхъ.

30 апрѣля 1910 г.

*Д. Анучинъ.
Всев. Миллеръ.
И. Цвѣтаевъ.
Д. Иловайскій.
Кн. Н. Щербатовъ.
Романъ Брандтъ.
Ап. Васнецовъ.
Бор. Дунаевъ.*

*А. Крымскій.
Х. Кучукъ-Іоаннесовъ.
Леонидъ Савеловъ.
І. Линдеманъ.
Ө. Коршъ.
М. Аттая.
А. Новицкій.
И. Громогласовъ.*

<i>В. Поповъ.</i>	<i>В. Городцовъ.</i>
<i>Фр. Баллодъ.</i>	<i>Иванъ Тарабринъ.</i>
<i>А. Хахановъ.</i>	<i>Николай Кононовъ.</i>
<i>С. Богоявленскій.</i>	<i>А. П. Павловъ.</i>
<i>Игн. Стеллецкій.</i>	<i>И. Бороздинъ.</i>
<i>А. Покровскій.</i>	<i>Н. Чулковъ.</i>
<i>С. Щербакъ.</i>	<i>Н. В. Никитинъ.</i>
<i>А. Григорьевъ.</i>	<i>В. Шейманъ.</i>
<i>Л. Д. Григорьева.</i>	<i>С. Кологривовъ.</i>
<i>В. Поповъ.</i>	<i>А. Орѣшниковъ.</i>
<i>Александръ Соловьевъ.</i>	<i>Д. Суховъ.</i>
<i>Михаилъ Сперанскій.</i>	<i>С. К. Кузнецовъ.</i>
<i>Вяч. Ржиса.</i>	<i>Н. А. Янчукъ.</i>
<i>Протоіерей Іоаннъ Кузнецовъ.</i>	<i>И. Рыльскій.</i>
<i>С. Черторогова.</i>	<i>А. Гуржіенко.</i>
<i>Александръ Карнѣевъ.</i>	<i>А. Курдюковъ.</i>
<i>В. Вульфійусъ.</i>	<i>Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.</i>
<i>М. Савичъ.</i>	<i>В. Щепкинъ.</i>
<i>Дм. Цвѣтаевъ.</i>	<i>З. Ивановъ.</i>
<i>В. Сторожевъ.</i>	<i>И. Машковъ.</i>
<i>В. Трутовскій.</i>	<i>Н. Ардашевъ.</i>
<i>Э. Готье.</i>	<i>С. Соловьевъ.</i>
<i>Ю. Готье.</i>	

Отъ Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ваше Сіятельство

графиня Прасковья Сергѣевна!

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Комиссія по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ работаетъ подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ, какъ ея предсѣдателя. Въ этотъ знаменательный день невольно вспоминается тотъ огромный трудъ, та неустанная энергія, которой полна Ваша дѣятельность въ Комиссіи за истекшую четверть вѣка, при существовавшихъ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для дѣла охраны памятниковъ нашей родной старины при враждебномъ отношеніи большинства заинтересованныхъ учрежденій и лицъ къ этой дѣятельности Императорскаго Археологическаго Общества и состоящей при немъ Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ.

Нужна была та огромная любовь къ дѣлу, настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли и тотъ большой личный трудъ, который

Вы, графиня, исполнили за истекшее время и исполнили этотъ тяжелый трудъ съ великою честію и пользою для науки и искусства.

Состоящая подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Комиссія по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ привѣтствуетъ Васъ, графиня, въ этотъ памятный день и выражаетъ Вамъ чувство глубокаго уваженія за Вашу столь плодотворную дѣятельность.

Товарищъ предсѣдателя Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ *Н. Никитинъ*.

Члены Комиссіи:	{	<i>И. Рыльскій.</i>	<i>Ө. Горностаевъ.</i>
		<i>Ант. Гуржіенко.</i>	<i>Н. Курдюковъ.</i>
		<i>В. Поповъ.</i>	<i>С. Соловьевъ.</i>
		<i>З. Ивановъ.</i>	<i>А. Мейснеръ.</i>
		<i>В. Шейманъ.</i>	<i>Д. Суховъ.</i>
	{	<i>В. Трутовскій.</i>	

Секретарь Комиссіи *Ив. Машковъ*.

Отъ Комиссіи по изученію Старой Москвы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Жизнь рѣдкой красоты, жизнь, посвященная безкорыстному служенію на благо родины и наполненная непрерывнымъ кипучимъ трудомъ, покровительство и широкая матеріальная помощь всякаго рода начинаніямъ въ области науки и искусства, строгое слѣдованіе своимъ убѣжденіямъ,—вотъ что встаетъ передъ нами, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, въ этотъ знаменательный день, когда мы чествуемъ двадцатипятилѣтіе Вашего предсѣдательствованія въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

И съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ, столь обширная дѣятельность все болѣе развивается и являетъ намъ живой примѣръ того самоотверженнаго служенія въ дѣлѣ изученія прошлаго нашей родины, что всегда составляло одинъ изъ благороднѣйшихъ завѣтовъ въ семьѣ графовъ Уваровыхъ, представители которой, будемъ надѣяться, никогда не порвутъ своей кровной связи съ дѣломъ отечественной археологіи.

Несокрушимая энергія, громаднй опытъ и научный авторитетъ невольно привлекали взоры всѣхъ насъ именно къ Вамъ, глубокоуважаемая графиня, когда едва лишь возникла мысль объ образованіи Комиссіи по изученію Старой Москвы.

Первые же шаги Комиссіи, въ которой Вы сплотили вокругъ себя любителей и изыскателей московской старины, показало, что наше

общее дѣло теперь находится въ вѣрныхъ и любящихъ рукахъ, что дѣло изученія всего наслѣдія древней столицы получить планомѣрный и сосредоточенный характеръ.

Какая гордость для насъ, младшихъ членовъ археологической семьи, имѣть Васъ своимъ предсѣдателемъ и, радостно привѣтствуя Васъ въ этотъ торжественный день Вашего юбилея, мы надѣемся, что и впредь на долгіе годы будемъ счастливы видѣть Васъ во главѣ нашего дѣла.

Н. Ардашевъ.

М. Степанова.

А. Соболева.

В. Шейманъ.

Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.

А. Ивановъ-Терентьевъ.

Кн. С. А. Щербатова.

В. Трутовскій.

Кн. М. Щербатова.

И. Бороздинъ.

В. Бодиско.

И. Бондаренко.

Н. Курдюковъ.

Н. Соболевъ.

И. Стеллеукий.

Г. Линдеманъ.

С. Щербакъ.

Э. Готье.

Л. Савеловъ.

Отъ Археографической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Глубокоуважаемая

графиня Прасковья Сергѣевна!

Понимая археологію въ широкомъ смыслѣ слова, Вы дѣлаете назадъ въ предсѣдательствѣ Вами Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ призвали къ жизни новую Комиссію, Археографическую, чѣмъ дали возможность ревнителямъ этой области археологіи отдаться болѣе детальной работѣ въ тѣсномъ кругу специалистовъ.

Иногда вновь начатому дѣлу приходилось переживать трудныя времена. Вы личнымъ своимъ авторитетомъ и волею поддерживали Комиссію, всегда вѣря въ будущность ея при наличности нашихъ архивныхъ богатствъ.

Съ глубокой благодарностью вспоминая о Вашей дѣятельности и вмѣстѣ желая блестящаго продолженія ея на пользу русской археологіи, мы сердечно привѣтствуемъ Васъ въ знаменательный день 100-лѣтняго руководительства Вашего Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Предсѣдатель Археографической Комиссіи *Леонидъ Савеловъ.*

Товарищъ Предсѣдателя *Н. Ардашевъ.*

Члены Комиссии:

<i>Д. Иловайскій.</i>	<i>С. Щербакъ.</i>
<i>В. Трутовскій.</i>	<i>С. К. Кузнецовъ.</i>
<i>Н. Чулковъ.</i>	<i>Ю. Готье.</i>
<i>С. Шамбинаго.</i>	<i>А. Хахановъ.</i>
<i>С. Соколовъ.</i>	<i>А. Орѣшниковъ.</i>
<i>В. Алексѣевъ.</i>	<i>И. Стеллецкій.</i>
<i>В. Сторожевъ.</i>	<i>Л. Григорьева.</i>
<i>Н. Бѣляевъ.</i>	<i>С. Кологривовъ.</i>
<i>В. Шереметевскій.</i>	<i>С. Богоявленскій.</i>
<i>Н. Марковъ.</i>	<i>Н. Совѣтовъ.</i>
<i>И. Катаевъ.</i>	

Секретарь Комиссии *И. Вороздинъ.*

Отъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ваше Сіятельство

Глубокоуважаемая графиня

Прасковія Сергѣевна!

Принимая дѣятельное участіе въ археологическихъ экспедиціяхъ Вашего супруга, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, и производя вмѣстѣ съ нимъ раскопки, Вы прошли строгую школу археологической науки, и, ставъ затѣмъ во главѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, съ честью уже 25 лѣтъ несете званіе его предсѣдателя. Благодаря Вашей кипучей дѣятельности, необыкновенной энергіи и научнымъ трудамъ, Московское Археологическое Общество занимаетъ почетное мѣсто среди другихъ ученыхъ обществъ. Научная Ваша дѣятельность охватываетъ всѣ части необъятной Россіи, но съ особенною любовью Вы отдавали себя изслѣдованію нашего Кавказа—этой неисчерпаемой сокровищницы забытковъ сѣдой старины. Кавказъ сталъ излюбленнымъ Вашимъ дѣтищемъ; Кавказу посвящены лучшіе труды Ваши, и нѣтъ уголка на Кавказѣ, куда бы вы не заглянули пытливимъ своимъ взоромъ; Вы сроднились съ прошлымъ и настоящимъ Кавказа; Вы достойно оцѣнили и полюбили древнюю его культуру. Благодаря Вашимъ научнымъ трудамъ, получили освѣщеніе и сдѣлались достояніемъ науки первоклассные христіанскіе памятники Кавказа и археологическіе предметы, добытые путемъ раскопокъ. Наконецъ, Вашимъ содѣйствіемъ вызвано къ жизни Кавказское От-

дѣленіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, члены котораго, празднуя нынѣ 25-лѣтіе председательства Вашего въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, считаютъ нравственнымъ своимъ долгомъ принести Вашему Сіятельству изъявленіе глубочайшей своей признательности за все то, что Вами сдѣлано на пользу русской науки и, въ частности, для изученія кавказской старины, вмѣстѣ съ сердечными пожеланіями дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на благо родной науки.

Предсѣдатель Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Л. Лопатинскій.*

Секретарь Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Е. Такайшвили.*

Казначей Отдѣленія *Р. Г. Шмидтъ.*

Окружный Инспекторъ Кавказскаго Учебнаго Округа *С. Ларионовъ.*

” ” ” ” ” *А. Словинскій.*

Директоръ народныхъ училищъ Эриванской губерніи *Ө. Смирновъ.*

Членъ Московскаго Археол. Общества *М. Г. Джанашивили.*

Статскій совѣтникъ *Антонъ Ивановичъ Натроевъ.*

Членъ Московскаго Археологич. Общества *І. Ир. Абуладзе.*

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Имп. Археологическаго Общества *Смбатъ Теръ-Аветисіянъ.*

Настоятель Марткобскаго Спасскаго собора, священникъ *Поліевктъ Григорьевичъ Карбеновъ.*

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Давидъ Георгіевичъ Каричашивили.*

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Сергій Романовичъ Горгадзе.*

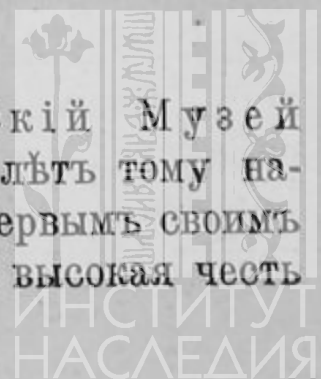
Членъ Совѣта намѣстника Его Величества на Кавказѣ *Е. Вейденбаумъ.*

Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III двадцать лѣтъ тому назадъ почелъ особой для себя честью избрать Васъ первымъ своимъ почетнымъ членомъ; нынѣ на его долю выпала новая высокая честь

привѣтствовать Васъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Эта славная пора дѣятельности Общества останется незабвенной и въ лѣтописи Музея; въ это именно время состоялось знаменательное постановленіе Общества передать въ Музей на пользу наукъ богатое собраніе древностей — плоды неутомимыхъ трудовъ дѣятелей Общества.

Ваше просвѣщенное руководство на всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ, Ваше ревностное охраненіе памятниковъ родной старины—давно поставили высоко Ваше имя въ исторіи русской археологіи. Историческій Музей счастливъ, что первый подъ Вашимъ предсѣдательствомъ съѣздъ состоялся въ его стѣнахъ; Историческій Музей съ глубокой признательностью къ Вамъ долженъ отмѣтить, что, благодаря исключительно Вашей энергіи, спасены и хранятся въ его залахъ многіе памятники дорогой старины, важные по историческому и художественному ихъ значенію. Таковая Ваша плодотворная дѣятельность Историческому Музею тѣмъ болѣе дорога, что она является блестящимъ продолженіемъ трудовъ незабвеннаго Вашего супруга, графа Алексѣя Сергѣевича, по проникновенной мысли котораго основанъ и устроенъ Музей.

Искренне и душевно желаетъ Вамъ Историческій Музей здоровья и силъ на долгіе и долгіе годы дальнѣйшаго Вашего служенія русской наукѣ

Кн. Щербатовъ.

П. Щукинъ.

А. Орѣшниковъ.

В. Щепкинъ.

А. Станкевичъ.

Е. Коршъ.

В. Городцовъ.

Иванъ Тарабринъ.

Н. Кононовъ.

Мая 11 дня
1910 г.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Ваше Сіятельство,

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Сегодня исполняется 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда Императорское Московское Археологическое Общество избрало Васъ своимъ предсѣдателемъ. Еще при жизни незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Вы были его ближайшимъ сотрудникомъ, раздѣляя его интересы, труды

и заботы; будучи же призваны замѣнить его, — Вы въ продолженіе четверти вѣка сдѣлали все, чтобы неутомимымъ трудомъ и достойной благоговѣнія энергіей осуществить славные планы предшественника своего.

Исключительныя по своему значенію работы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, организація археологическихъ съѣздовъ и изданіе ихъ трудовъ, Ваши изслѣдованія Кавказа, обнародованіе сочиненій покойнаго графа и описаній его коллекцій, заботы Ваши о сохраненіи памятниковъ старины — всѣ эти звенья въ длинной цѣпи Вашей неутомимой и плодотворной дѣятельности составляютъ семью русскихъ археологовъ съ глубокой благодарностью привѣтствовать Васъ въ день настоящаго Вашего юбилея.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, присоединяясь къ единодушному хору этихъ привѣтствій, шлетъ Вамъ, — своему почетному члену, — наилучшія пожеланія силъ и здоровья для дальнѣйшей работы на благо русской археологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ Васъ о своемъ единогласномъ постановленіи украсить Музей Общества портретомъ Вашимъ себѣ къ великой чести и грядущимъ поколѣніямъ въ назиданіе.

Предсѣдатель Совѣта *Э. фонъ-Штернъ.*

Секретарь проф. *М. Попруженко.*

Отъ Кіевскаго Историческаго Общества Нестора Лѣтописца.

Ваше Сіятельство

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Историческое Общество Нестора Лѣтописца сердечно присоединяется къ чествованію истекшаго 25-ти-лѣтія Вашего славнаго служенія на высококомъ посту предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Послѣ тяжкой утраты, нанесенной русской наукѣ кончиной незабвеннаго графа Уварова, Вы приняли на себя руководство созданнаго имъ научнаго движенія и съ удивительной энергіей и особеннымъ умѣньемъ повели его дальше. Въ теченіе 25 лѣтъ Вы служите центромъ бодрой научной работы, которая проявилась въ цѣломъ рядѣ археологическихъ съѣздовъ, будившихъ интересъ къ изученію далекаго прошлаго нашего отечества на всемъ просторѣ русской земли.

Продолжая начатое графомъ Уваровымъ дѣло изслѣдованія Кавказа, Вы извлекли изъ безвѣстности множество древнихъ памятниковъ

этого непочатаго края, и, какъ результатъ Вашего личнаго изслѣдованія, оказалась въ обладаніи русской науки цѣлая серія фоліантовъ по изученію старины Кавказа. Подъ Вашимъ воздѣйствіемъ и при Вашемъ участіи возникъ на Кавказѣ Отдѣлъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, чтобы сотрудничать съ Вами на мѣстѣ.

Продолжая непрерывно разработку памятниковъ древности Кавказа, Вы находили время для обработки каталога „Собранія Древностей“ графа Уварова, изданія его трудовъ и, въ память 50-лѣтія его перваго крупнаго открытія въ Херсонесѣ, вызвали цѣлую серію новыхъ ученыхъ работъ по изслѣдованію давнихъ судебъ Черноморскаго побережья, этой первой арены ученой дѣятельности графа Уварова.

Ваша дивная энергія, Вашъ огромный научный авторитетъ, Ваша самоотверженная преданность идеалу знанія и науки поддерживаютъ вокругъ Васъ единеніе русскаго общества на почвѣ интереса къ прошлому нашей земли и служатъ великому дѣлу развитія русскаго народнаго самоуправленія. Въ почтительномъ признаніи Вашихъ заслугъ, Историческое Общество Нестора Лѣтописца шлетъ Вамъ въ этотъ торжественный день свое сердечное привѣтствіе и пожеланіе сохранить свои силы на долгіе годы для плодотворной работы на благо горячо любимой родины.

Предсѣдатель проф. *Ю. Кулаковскій.*

Секретарь проф. *А. Лобода.*

Отъ Московскаго Историко-Родословнаго Общества.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Въ славный день Вашего юбилея Московское Историко-Родословное Общество, считающее за великую честь имѣть Васъ своимъ почетнымъ членомъ, привѣтствуетъ Васъ и сердечно поздравляетъ. Не здѣсь, не въ этомъ краткомъ адресѣ возможно оцѣнить Вашу многостороннюю и многообразную дѣятельность, но нельзя лишній разъ не склониться глубоко предъ основной идеей, которая всегда озаряла многотрудный путь Вашихъ работъ и заботъ. Безза-вѣтная горячая любовь къ родной старинѣ, рыцарская преданность доблестнымъ историческимъ завѣтамъ—вотъ то славное знамя, которое рѣшетъ надъ Вами и собираетъ всѣхъ вокругъ Васъ. Какъ древне-русскій богатырь—символь историческихъ устоевъ нашей родины, Вы зорко и стойко оберегаете древніе памятники—эти внѣшне без-гласные, но много говорящіе свидѣтели былыхъ дѣлъ и дней, и не-

устанно побуждаете изучать ихъ и работать надъ ними. И когда казалось, что наступаетъ затишье, ослабѣваетъ энергія или оскудѣваютъ ряды привычныхъ работниковъ, то тотчасъ раздавался богатырскій окликъ: „Эй, кто въ полѣ живъ есть человѣкъ, озовися!“ И на авторитетный и властный кличъ признаннаго вождя шли новые кадры дружинниковъ, и не ослабѣвала рать любителей древности. Ваши собственные работы и Вашъ личный примѣръ, глубокоуважаемая графиня, всегда побуждали и будутъ побуждать къ активной, научной работѣ. И наше Общество, ограничивающее свои задачи изученіемъ спеціального отдѣла отечественныхъ древностей, высоко цѣнитъ Ваше личное культурное вліяніе и Ваше авторитетное руководство, объединяющее изслѣдователей родной старины.

Предсѣдатель Общества *Леонидъ Савеловъ*.

Товарищъ Предсѣдателя *Вл. Смольяниновъ*.

Кн. Одоевскій-Масловъ.

В. Трутовскій.

Дмитрій Гофштеттеръ.

Сергій Кологривовъ.

Ф. Степановъ.

А. Золотаревъ.

В. Похвистневъ.

И. Бороздинъ.

Л. Сухотинъ.

Е. Сташевскій.

Л. Кологривова.

К. Истоминъ.

А. Филипповъ.

Ал. Лопухинъ.

Полуэктовъ.

Н. Савелова.

Л. Хоменко.

М. Степанова.

Викторъ Чернопятовъ.

Д. Иловайскій.

Н. Чулковъ.

В. Чернопятовъ.

С. К. Кузнецовъ.

Кн. Н. Щербатовъ.

С. Щербакъ.

В. Р. Апухтинъ.

30 апрѣля 1910 г.

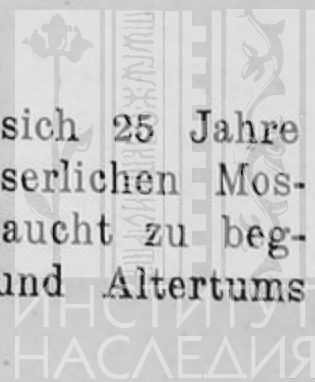
Отъ проф. Р. Гаусмана.

Aufrichtigen Glückwunsch.

Hausmann.

Отъ Общества Исторіи и Древностей
Прибалтійскаго края.

Hochgeehrte Frau Gräfin. An dem Tage, an dem sich 25 Jahre Ihrer umfassenden Wirksamkeit an der Spitze der Kaiserlichen Moskauer Archäologischen Gesellschaft vollenden, Ew. Erlaucht zu beglückwünschen gereicht der Gesellschaft für Geschichte und Altertums

kunde der Ostseeprovinzen Russlands in Riga zu besonderer Ehre und Freude. Für die Archäologie Russlands bedeutet Ihre wissenschaftliche Arbeit, Ihr organisatorischer Einfluss eine neue Epoche der Entwicklung, den archäologischen Funden Russlands aber gebührt ein hervorragender Platz in der Archäologie des gesamten Europa. Indem die Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde das Wirken Ew. Erlaucht mit dem gesamten Reich verehrt bittet sie zugleich dem Gefühl des Dankes Ausdruck geben zu dürfen für das volle Verständnis und nachhaltige Förderung der Bestrebungen unserer Gesellschaft.

Im Namen der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde:
Praesident *Busch*. Für den Sekretair: *K. von Löwis of Menar*.

ОТЪ Финляндскаго Археологическаго Общества.

Madame! La Société Finlandaise d'Archéologie, qui fut fondée en 1870 pour favoriser par les moyens dont dispose l'Archéologie comparative, l'étude de la Finlande et de l'antiquité de ces tribus finno—ougriennes, qui étaient répandues dans une époque préhistorique sur une vaste partie de la Russie septentrionale, vous prie d'agréer son diplôme d'honneur, à l'occasion du jubilé célébré, le 30 avril 1910 pour vous, madame la Comtesse, sous la direction énergique et sympathique de laquelle l'archéologie russe a si longtemps avancé sans cesse, d'un pas vigoureux, de foyer en foyer, à travers les immenses champs d'investigation de l'Empire.

Pour la Société Finlandaise d'Archéologie *Ilhami Rinns*.

ДИПЛОМЪ.

La Société Finlandaise d'Archéologie

reconnaisant avec gratitude l'importance de l'activité déployée
dans le domaine de l'Archéologie

par

Madame la Comtesse P. S. Uvarova

a l'honneur de la nommer par la présente
son

Membre d'honneur.

Pour la Société Finlandaise d'Archéologie:

J. R. Aspelin.
Président.

Ilhami Rinns.
Secrétaire.

Отъ Кіевской Археографической Комиссіи.

Ея Сіятельству, предсѣдателю Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой. Кіевская Археографическая Комиссія считаетъ своимъ долгомъ присоединиться къ тѣмъ многочисленнымъ привѣтствіямъ, которыя, несомнѣнно, будутъ предъявлены въ этотъ знаменательный праздникъ не только Вашей личной дѣятельности, но и самой исторической наукѣ, столь много Вамъ обязанной.

Предсѣдатель *В. Иконниковъ.*

Главный редакторъ *Буяновъ.*

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна. Четверть вѣка Вы несли знамя строгой историко-археологической науки, поднятое въ Москвѣ незабвеннымъ Вашимъ супругомъ, графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ. Ваше глубочайшее проникновеніе идеей археологіи, Ваша энергія въ разнообразномъ служеніи ей, успѣхи и доблесть Вашего ученаго подвига, даютъ Вамъ право на широкое общественное уваженіе и благодарное вниманіе въ настоящій знаменательный для Васъ день. Вы сами лично, не щадя своихъ средствъ, трудились въ той археологической области, которая раздвигаетъ грани русской исторіи. Ревнуя о сохраненіи, уцѣлѣвшихъ историческихъ памятниковъ, не смотря на всѣ препятствія, Вы не мало послужили поддержанію и развитію общественнаго національнаго самосознанія. Организуя всероссійскіе археологическіе съѣзды и покровительствуя областнымъ музеямъ, Вы широко разносили историко-археологическій интересъ и прививали его къ молодымъ поколѣніямъ.

Высоко цѣня Вашу ученую дѣятельность, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, родное Вамъ по задачамъ, но старѣйшее по лѣтамъ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ единодушно привѣтствуетъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ и желаетъ Вамъ крѣпости и силъ на дальнѣйшее плодотворное служеніе русской историко-археологической наукѣ.

Предсѣдатель Общества генераль-отъ-инфантеріи *Глазовъ.*

Секретарь *М. Любавскій.*

Отъ Центрального Архива древнихъ актовъ при университетѣ св. Владимира.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна! Центральный Архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ при Императорскомъ университетѣ св. Владимира, высоко цѣня горячія заботы Вашего Сіятельства о лучшей постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи и Ваше просвѣщенное содѣйствіе къ изученію и обсужденію этого дѣла на русскихъ археологическихъ съѣздахъ, пользуется случаемъ выразить за такія заботы и содѣйствіе Вашему Сіятельству свою глубокую и искреннюю признательность, принести почтительнѣйшее поздравленіе по случаю исполняющагося 30-го сего апрѣля двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего Сіятельства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и отъ всей души пожелать Вамъ здоровья на долгіе годы, для пользы русской археографіи и археологіи. Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и полной готовности нижеподписавшихся служить подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ развитію и усовершенствованію всѣмъ намъ близкой родной археографіи.

Завѣдывающій Архивомъ *И. Каманинъ.*

Помощникъ завѣдывающаго Архивомъ *Ев. Діаковскій.*

Помощникъ завѣдывающаго Архивомъ *В. Абрамовичъ.*

Архивистки: *А. Витвицкая. М. Козловская.*

Секретарь Архива *И. Тарнопольскій.*

Отъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сіятельство, глубокочтимая графиня Прасковья Сергѣевна! Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія дѣятельности Вашего Сіятельства въ званіи предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Таврическая Ученая Архивная Комиссія имѣетъ честь принести Вамъ и свое почтительное привѣтствіе. Продолжая труды незабвеннаго для русской археологіи графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, Ваше Сіятельство съ неослабной энергіей четверть вѣка несли подвигъ изслѣдованія русскихъ древностей и заботы о сохраненіи древнихъ памятниковъ на всемъ пространствѣ земли русской отъ Вильны и Холма до Урала и отъ Архангельска до Херсонеса и Закавказья. Своими учеными трудами, своимъ неустаннымъ печалованіемъ объ охранѣ памятниковъ древности, руководствомъ столь плодотворной дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго

Общества, организаціей всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, къ участию въ которыхъ Вы любовно привлекали скромныя провинціальныя силы, Ваше Сіятельство принесли неоцѣнимыя заслуги русской археологической наукѣ, создали себѣ вѣчный памятникъ, заслужили глубокую признательность родины. Привѣтствуя Ваше Сіятельство въ этотъ свѣтлый день въ Вашей жизни и въ жизни русскаго общества, Таврическая Ученая Архивная Комиссія выражаетъ Вамъ искреннее пожеланіе съ тою же энергіей еще многіе, многіе годы нести тотъ высокопатріотическій подвигъ, которому Вы посвятили свои силы во славу родной науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Арсеній Маркевичъ.*

Правитель дѣлъ *Ив. Ерофеевъ.*

Отъ Тамбовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ея Сіятельству, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, г. почетному члену Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Тамбовская Ученая Архивная Комиссія имѣетъ честь привѣтствовать Васъ, какъ своего почетнаго члена, съ двадцатипятилѣтіемъ, 30-го сего апрѣля, предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и выражаетъ чувство своего глубокаго почитанія неутомимой и плодотворной научной дѣятельности Вашего Сіятельства: именемъ графини Уваровой по справедливости будетъ всегда гордиться Россія.

Происходя по рожденію отъ потомковъ Рюрика и избравъ себѣ въ спутники жизни незабвеннаго для науки археолога и ученаго, Ваше Сіятельство сумѣли счастливо соединить знатность рода съ наиблагороднѣйшей дѣятельностью человѣческаго ума и своей блестящей научной преемственностью продолжить знаменитую плеяду ученыхъ графовъ Уваровыхъ.

Тамбовская Ученая Архивная Комиссія выражаетъ свое самое горячее сердечное пожеланіе Вамъ, глубокоуважаемая графиня Параскева Сергѣевна, силъ, здоровья и энергіи для пользы и славы русской науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Ал. Норцовъ.*

Правитель дѣлъ *В. Коноблевскій.*

Отъ Историко-филологическаго Общества при институтѣ кн. Безбородко.

Ея Сіятельству графинѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Уваровой. Нѣжинское Историко-филологическое Общество при институтѣ кн. Безбородко высоко уважая Вашу научную дѣятельность, одушевляемую любовью къ родной старинѣ, къ ея жизненнымъ завѣтамъ для настоящаго и будущаго, выражаетъ Вамъ почтительнѣйшее привѣтствіе съ пожеланіемъ много лѣтъ здравствовать и продолжать Вашу службу наукѣ во главѣ Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Общества проф. *П. Тихомировъ.*

Тов. секретаря *Н. Шарко.*

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Ваше Сіятельство,

Милостивая Государыня

графиня Парасковія Сергѣевна!

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Вы стали во главѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ приняли на себя тяжелое и животворное бремя веденія Археологическихъ Съѣздовъ, учрежденныхъ и поставленныхъ на вѣрный путь незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ. Обнимая мысленнымъ взоромъ пройденное Вами трудовое двадцатипятилѣтіе Вашей ученой и организаторской дѣятельности, С.-Петербургская Духовная Академія имѣетъ нарочитый поводъ отмѣтить своимъ ближайшимъ участіемъ Вашъ настоящій праздникъ, какъ праздникъ археологіи. Уже на первомъ Археологическомъ Съѣздѣ, организованномъ въ Москвѣ графомъ А. С. Уваровымъ, поставленъ былъ на очередь и разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ крупный принципиальный вопросъ о введеніи археологіи христіанскаго искусства во кругъ предметовъ академическаго преподаванія. Авторитетное слово Съѣзда перешло въ дѣло, и христіанская археологія уже болѣе 35 лѣтъ культивируется не безъ успѣха въ нашей Академіи. Вы всегда зорко слѣдили за этимъ дѣломъ и оказывали ему Ваше постоянное и властное содѣйствіе по ученому изданію памятниковъ церковной старины и старина эта дѣйствительно занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ прекрасно изданныхъ Вами трудахъ Археологическихъ Съѣздовъ.

Независимо отъ того, Вы сами лично, благодаря счастливымъ особенностямъ Вашего духовнаго настроенія, съ особеннымъ интересомъ не мало потрудились въ дѣлѣ изслѣдованія памятниковъ церковной старины, и Ваше имя неразрывно связано съ памятниками Кавказа, Москвы, Ярославля и многочисленными группами памятниковъ Вашего музея, собранныхъ графомъ А. С. Уваровымъ.

Слава и честь самоотверженной, безкорыстной и неутомимой труженицѣ на благодарной нивѣ отечественной старины!

И о. ректора академіи проф. *Ив. Троицкій*.

И о. инспектора академіи профессоръ *И. Соколовъ*.

Заслуженный ординарный профессоръ *Н. Покровскій*.

Заслуженный ординарный профессоръ *А. Пономаревъ*.

Заслуженный профессоръ *А. Садовъ*.

Заслуженный профессоръ протоіерей *С.* (не разобрано).

Заслуженный профессоръ *И. Пальмовъ*.

Профессоръ *П. Жуковъ*.

Профессоръ *П. Смирновъ*.

Профессоръ протоіерей *М. Орловъ*.

Экстраординарный проф. протоіерей *А. Рождественскій*.

Экстраординарный проф. *А. Бриллиантовъ*.

Экстраординарный проф. Академіи *Дмитрій Миртовъ*.

Экстраординарный проф. *И. Соколовъ*.

Экстраординарный проф. *Николай Сагарда*.

Экстраординарный профессоръ *Петръ Лепарскій*.

Ординарный профессоръ *Александръ Бронзовъ*.

Ординарный профессоръ, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ *Николай Глубоковскій*.

Почетный членъ Академіи, докторъ русской исторіи, профессоръ *Дмитрій Цвѣтаевъ*.

Секретарь Совѣта и Правленія Академіи *Александръ Высокоостровскій*.

Отъ Московскаго Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковія Сергѣевна.

Въ знаменательный день двадцатьпятой годовщины служенія Вашего Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ качествѣ его предсѣдателя Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи приносятъ Вамъ, своему глубокочтиму по-

четному члену, искреннѣйшее поздравленіе и горячія пожеланія долгой и неутомимой дѣятельности.

Директоръ Музеевъ профессоръ *И. Цвѣтаевъ.*

Библіотекаръ *Ю. Готье.*

Хранитель *Григорій Георгіевскій.*

Хранитель *Н. Янчукъ.*

Хранитель *С. Долговъ.*

Секретарь Музеевъ *Конк. Стратонитскій.*

Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Ваше Сіятельство,

Милостивая Государыня

графиня Парасковія Сергѣевна.

Высокое и отвѣтственное дѣло служенія русской наукѣ, завѣщанное незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ, Вы ведете уже 25 лѣтъ. Ваша неутомимая энергія, Ваша всецѣлая самоотверженная преданность дѣлу, несокрушимая сила воли принесли уже свои плоды. Руководимое Вами Императорское Московское Археологическое Общество расширило свою ученую дѣятельность, Археологическіе Съѣзды вызвали живой интересъ къ археологіи въ просвѣщенныхъ кругахъ русскаго общества и обогатили науку цѣнными учеными вкладами. Ваши изслѣдованія древностей Кавказа, по широтѣ ихъ задачъ, представляютъ неисчерпаемый источникъ археологическихъ знаній.

Императорскій Археологическій Институтъ, привѣтствуя Ваше Сіятельство въ настоящій знаменательный день Вашей жизни, искренно желаетъ продолженія Вашей многоплодной дѣятельности „на многая лѣта“.

Директоръ Императорскаго Археологическаго Института
профессоръ *Н. Покровскій.*

Грибовскій.

Николай Лихачевъ.

А. Вороновъ.

С. Середонинъ.

Вл. Майковъ.

С. Гольдштейновъ.

Н. Веселовскій.

Почетный членъ Института *А. Гавриловъ.*

Почетный членъ и членъ Правленія Института *Павель Яковлевъ.*

Секретарь Института *С. Розановъ.*

Отъ Совѣта Лазаревскаго Института ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Ея Сіятельству

графинѣ Парасковіи Сергѣевнѣ Уваровой,

Почетному члену Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.

По случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего славнаго служенія русской археологической наукѣ въ званіи предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Совѣтъ профессоровъ Лазаревскаго Института приносить Вамъ самыя искреннія поздравленія. Всѣ мы высоко цѣнимъ Ваши научныя симпатіи къ изученію Востока, выразившіяся въ содѣйствіи основанію Восточной Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества, въ которой Вы лично состоите товарищемъ предсѣдателя. Въ работахъ этой Комиссіи принимали въ теченіе многихъ лѣтъ участіе почти всѣ профессора, преподаватели и многіе студенты Лазаревскаго Института, что является прочнымъ звеномъ, связующимъ интересы обоихъ научныхъ учреждений. Высоко цѣнитъ Совѣтъ и Ваши личные ученые труды по изслѣдованію древностей Кавказа, столь тѣсно связанныхъ съ древней культурой Востока.

Примите же, высокоуважаемая графиня, въ этотъ знаменательный день отъ Совѣта Лазаревскаго Института усерднѣйшія пожеланія здоровья и силъ для успѣшнаго продолженія Вашей неутомимой научной дѣятельности, которую высоко цѣнитъ вся просвѣщенная Россія.

Директоръ проф. *Вс. Миллеръ.*

Инспекторъ *И. Тандовъ.*

А. Веселовскій.

Влад. Гордлевскій.

А. Крымскій.

Ө. Коршъ.

М. Аттая.

М. Гаффаровъ.

А. Хахановъ.

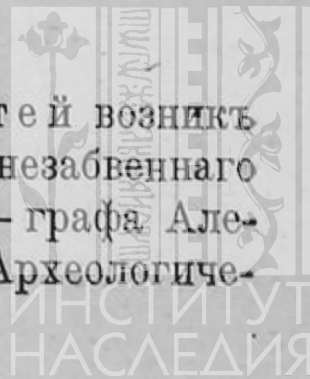
30 апрѣля 1910 г.

Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Ваше Сіятельство,

графиня Прасковія Сергѣевна!

Ростовскій Музей Церковныхъ Древностей возникъ и развивался при живѣйшемъ сочувствіи и поддержкѣ незабвеннаго основателя историко-археологической науки въ Россіи — графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, — а потому для Московскаго Археологиче-

скаго Общества Ростовскій Музей есть учрежденіе, родное по преимуществу.

Вы, многоуважаемая графиня, въ теченіе цѣлой четверти вѣка высоко держите знамя созданной имъ строгой науки въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и, какъ вѣрная преемница его духа и завѣтовъ, никогда не оставляли безъ вниманія и Ростовскій Музей. Вы сердечно откликались на всѣ его нужды; Вы никогда не отказывали ему въ Вашихъ совѣтахъ и охотно разрѣшали всѣ его недоумѣнія; и словомъ и дѣломъ Вы поддерживали и его силы, и его начинанія. Былъ моментъ, когда грозила опасность самостоятельному существованію Музея и его внутренней связи съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, но Вы въ 1902 году нарочито прибыли въ Ростовъ, чтобы убѣдиться въ его развитіи и успѣшной дѣятельности, и своей энергіей и могучимъ вліяніемъ отстаивали независимость его бытія и навсегда укрѣпили его историческую связь съ Археологическимъ Обществомъ.

Движимые чувствомъ глубочайшей благодарности и уваженія, въ настоящій знаменательный для Васъ день, мы отъ имени Музея приносимъ Вамъ икону Димитрія, митрополита Ростовскаго, да своими молитвами великій святитель-археологъ—умножить дни Ваши на благо и процвѣтаніе русской историко-археологической науки!

Ан. Титовъ.

Иванъ Шляковъ.

Отъ Полтавской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сіятельство,

Глубокочтимая Прасковья Сергѣевна!

Къ сонму привѣтствій, вызванныхъ чествованіемъ 25-лѣтія Вашего предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, съ выраженіемъ глубокаго почитанія Вашей изумительно плодотворной дѣятельности по изученію древностей русскихъ земель, Полтавская Ученая Архивная Комиссія присоединяетъ и свой голосъ.

Этой дѣятельностью, наполнившей всю Вашу жизнь, Вы внесли огромный, неоцѣнимый вкладъ въ русскую археологическую науку и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудили къ дѣятельности живое сознаніе обширныхъ круговъ русскаго общества.

Прояснившія общественное сознаніе работы 8-ми археологическихъ съѣздовъ, организованныхъ Вами въ историческихъ центрахъ русскаго отечества и протекавшихъ при руководящемъ и бдительномъ Вашемъ участіи, являются одной изъ самыхъ выдающихся Вашихъ заслугъ. Возбуждая этимъ путемъ инициативу на мѣстахъ по изученію

Древности, т. XXIII, в. I.

прошлаго, входившихъ въ составъ древней Руси малыхъ территорій, Вы вызвали къ существованію рядъ мѣстныхъ обществъ и музеевъ для изученія и храненія предметовъ родной старины, дѣятельность каковыхъ организацій неминуемо ведетъ къ повышенію культурныхъ интересовъ русскаго общества и къ проясненію національнаго самосознанія.

Ваша дѣятельность, направленная какъ на непосредственное Ваше личное изученіе русскихъ древностей, такъ и на организованное содѣйствіе такимъ изученіямъ путемъ археологическихъ раскопокъ и экскурсій, равно какъ и Ваша дѣятельность по изданію вдохновленныхъ Вами трудовъ,—вся эта огромная богатырская работа послужитъ незыблемымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ въ области древнерусскихъ изученій и имя Ваше на Руси во вѣки будетъ славнымъ.

За предсѣдателя товарищъ предсѣдателя *Мальцевъ*.

Правитель дѣлъ *Н. Павловскій*.

30 апрѣля 1910 г.
гор. Полтава.

Отъ Оренбургской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сіятельство

глубокоуважаемая графиня

Прасковія Сергѣевна!

На границѣ Европы и Азіи, на томъ когда-то торномъ пути, по которому двигались народы изъ далекихъ степей въ предѣлы нынѣшней Россіи и дальше на западъ, раскинулась обширная Киргизская степь. Появляется теперь въ ней русскій поселенецъ, лѣнивѣе передвигается со своею кибиткой и стадомъ киргизъ, перерѣзалъ ее уже и желѣзный путь и гулко раздается по степи тяжелые вздохи паровоза и веселая болтовня вагоновъ... Но это не повсюду. Вдали степь дремлетъ въ ожиданіи, вспоминая свою былую славу. Говорятъ объ этомъ безчисленные памятники сѣдой старины, щедрой рукой разсѣянные по степи: курганы, каменные бабы, остатки разрушенныхъ, засыпанныхъ пескомъ и стертыхъ съ лица земли городовъ; они тихо, но внятно призываютъ къ себѣ изслѣдователя-археолога, чтобы подъ его опытной твердой рукою вновь увидѣть свѣтъ и заговорить, если не въ быломъ величіи, то о быломъ величіи. Но... доля далекой степи не радостна—никто не ѣдетъ туда, боясь пути далекаго, трудовъ и лишеній. Въ то время, когда южно-русская степь изслѣдована, юго-восточной еще придется ждать (дай Богъ, чтобы не долго) своего изслѣдователя. Скромную долю въ этомъ дѣлѣ приняла на себя и Оренбургская Ученая Архивная Комиссія,

по мѣрѣ силъ стараясь выполнить эту задачу. Но всѣмъ извѣстна печальная доля Архивныхъ Комиссій: мало работниковъ, недостатокъ средствъ, отсутствіе нужной опытности и книжки, изъ которой можно было-бы научиться. Хорошо все это извѣстно и Вамъ, графиня!

Но Оренбургская Ученая Архивная Комиссія съ гордостью можетъ заявить, что она находится въ лучшемъ положеніи — у нея, правда, нѣтъ средствъ, чтобы организовать экспедицію въ степь, но желающій найдетъ подборъ книгъ по древностямъ и археологіи, и въ этомъ немалая вина графини Уваровой. Вы, графиня, постоянно такъ отзывчивы къ нуждамъ нашей Комиссії, съ такой любезностью исполняете всякую ея просьбу, щедро присылая изданія покойнаго графа, Ваши и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Оренбургская Ученая Архивная Комиссія счастлива, что, привѣтствуя въ день 25-лѣтняго юбилея предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, она имѣетъ право привѣтствовать въ его лицѣ и своего почетнаго члена. Примите же, графиня, отъ насъ, благодарныхъ членовъ Комиссії, въ знаменательный день Вашего юбилея наше поздравленіе изъ далекаго Оренбурга, съ границы Европы и Азіи, искреннія пожеланія здоровья, силъ и долгихъ дней на пользу родной намъ археологіи и науки. Дай Богъ, чтобы еще много лѣтъ процвѣтало подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Императорское Московское Археологическое Общество, а Оренбургская Комиссія пользовалась рѣдкой добротой своего почетнаго члена—графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой.

Потовъ.

Генералъ-Маіоръ Пузановъ.

І. Костанье.

Свящ. В. Евфарицкій.

К. Безинъ.

П. Незнамовъ.

Л. Курашковъ.

А. Гри.

Антипинъ.

Леонидъ Савеловъ.

Генералъ-маіоръ Лобовъ.

Генералъ-маіоръ Честровскій.

Протоіерей Мих. Божуновъ.

Миллеръ.

Н. Бутовскій.

І. Яковлевъ.

В. Трутовскій.

В. Струковъ.

*За Куйзерга І. Житомирскій
кандид. юрид. наукъ. (и еще 7
подписей, кот. не разобраны).*

Отъ Черниговскаго Епархіальнаго Древлехра- нилища.

Церковно-Археологическая Комиссія при Черниговскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ, привѣтствуя 25-лѣтіе Вашего предсѣдательства въ самомъ солидномъ въ Россіи Археологическомъ Московскомъ Обществѣ и высоко цѣня Вашу любовь къ родной старинѣ,

почтительнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать принять на себя званіе почетнаго члена Черниговскаго Епархіальнаго Древле-хранилища.

Предсѣдатель Комиссіи ректоръ Семинаріи протоіерей *Александръ Четыркинъ*.

Завѣдующій Древлехранилищемъ *В. Дроздовъ*.

Отъ Педагогическаго Музея.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая *Прасковья Сергѣевна!*

Педагогическій Музей, поставившій своею цѣлью проводить въ русскую школу науку и новые методы преподаванія, опираясь на принципъ нагляднаго обученія, обильно черпалъ для педагогическихъ нуждъ изъ того громаднаго историческаго и археологическаго матеріала, въ который Вы внесли цѣнный вкладъ неустанною плодотворною полувѣковою дѣятельностью. Привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ преданную служительницу науки, Педагогическій Музей выражаетъ свое горячее пожеланіе видѣть Васъ во главѣ энергичной работы еще долгіе, долгіе годы на благо дорогой Вамъ родины и просвѣщенія.

Предсѣдатель *Тарасовъ*.

Секретарь *П. Никольскій*.

III. АДРЕССА, ПРИСЛАННЫЕ ПО ПОЧТЪ, И ТЕЛЕГРАММЫ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Россійскій Историческій Музей счастливъ привѣтствовать Ваше Сіятельство въ сегодняшній знаменательный день хотя телеграммой и, вспоминая съ искренней глубокой благодарностью содѣянное Вами на благо Музея за истекшую четверть вѣка неутомимой дѣятельности Вашей, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, выражаетъ сердечнѣйшія пожеланія Вамъ добраго здоровья и силъ на продолженіе непримѣрной и плодотворной дѣятельности на долгіе годы.

Товарищъ Предсѣдателя князь Щербатовъ.

Отъ Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго Археологическаго Общества.

Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ приноситъ Вамъ, глубокоуважаемая графиня, искреннее поздравленіе въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ Обществѣ. Въ этотъ знаменательный день Комиссія съ гордостью вспоминаетъ, что находится подъ покровительствомъ столь просвѣщеннаго, неутомимаго и энергичнаго предсѣдателя.

Никитинъ. Мамиковъ.

Отъ Комиссіи по изученію старой Москвы Московскаго Археологическаго Общества.

Комиссія по изученію старой Москвы въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ приноситъ Вамъ свое поздравленіе, съ искреннимъ желаніемъ работать подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ многіе и многіе годы.

По порученію сочленовъ, *графъ Хрептовичъ-Бутеневъ, Шехтель, Машковъ, Соболевъ, Вондаренко, Ардашевъ, Курдюковъ.*

Отъ Археографической Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества.

Археографическая Комиссія привѣтствуетъ Васъ и шлетъ пожеланія видѣть Васъ еще многіе годы во главѣ Археологическаго Общества.

Савеловъ, Ардашевъ, Бороздинъ.

Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Университетъ Св. Владиміра имѣетъ честь увѣдомить Ваше Сіятельство объ избраніи Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ и проситъ Васъ принять привѣтствія въ день чествованія двадцатипятилѣтія достославной дѣятельности.

Ректоръ *Цытовичъ.*

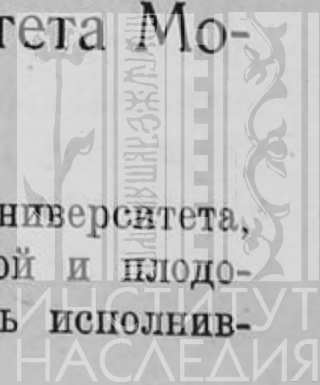
Отъ Императорскаго Московскаго Университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ блестящаго служенія русской археологической наукѣ.

Ректоръ *Мануйловъ.*

Отъ историко-филологическаго факультета Московскаго Университета.

Историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, исполненный глубокаго уваженія къ Вашей энергической и плодотворной дѣятельности на пользу русской науки, въ день исполнен-

шагося двадцатипятилѣтія этой дѣятельности на славномъ посту предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, приносить Вамъ свое привѣтствіе и искреннее пожеланіе добраго здоровья и силъ для продолженія избраннаго Вами служенія.

Деканъ *М. Любавскій.*

Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Петербургскій Университетъ, привѣтствуя Васъ въ день 25-лѣтія Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, приносить Вамъ, вмѣстѣ съ наилучшими пожеланіями, дань глубокаго уваженія къ Вашей неутомимой ученой энергіи, увѣнчавшей блестящимъ успѣхомъ Вашу просвѣщенную работу на поприщѣ археологической науки.

Ректоръ *Гриммъ.*

Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета, высоко цѣня заслуги Вашего Сіятельства на поприщѣ изученія русской старины, въ засѣданіи своемъ 19 мая, по представленію историко-филологическаго факультета, единогласно избралъ Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ.

Ректоръ *Левашевъ.*

Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета привѣтствуетъ уважаемаго предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, графиню Прасковію Сергѣевну Уварову, съ продолжительнымъ и плодотворнымъ ея предсѣдательствомъ въ Обществѣ. Харьковскій Университетъ, почетнымъ членомъ котораго состоитъ графиня, съ чувствомъ особой признательности вспоминаетъ теперь о выдающихся заслугахъ ея въ дѣлѣ развитія нашихъ университетскихъ музеевъ древности и этнографическаго.

Ректоръ *Д. Вагалтъ.*

Отъ историко-филологическаго факультета Харьковскаго Университета.

Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго Университета, памятуя Ваше горячее участіе въ трудахъ XII Археологическаго Съѣзда, результаты котораго оказались столь важными для изученія мѣстнаго края и обогащенія университетскихъ коллекцій, сердечно привѣтствуетъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ 25-лѣтія Вашего высоко-полезнаго предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и желаетъ Вамъ многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу русской науки.

Деканъ *Сумцовъ*.

Отъ Императорскаго Новороссійскаго Универ- ситета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Новороссійскій Университетъ привѣтствуетъ Васъ въ день 25-лѣтія славнаго служенія Вашего на пользу русской науки.

Ректоръ *Левашевъ*.

Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

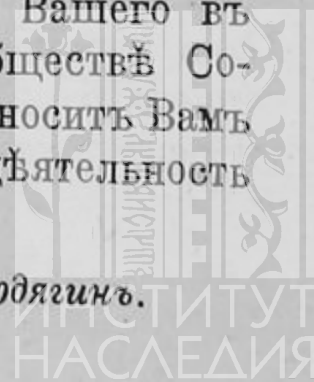
Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета проситъ Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, принять его поздравленія съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего, столь выдающагося, служенія дѣлу развитія русской археологіи; да продлится еще многіе годы Ваша плодотворная работа во главѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества на пользу и славу русской науки.

Ректоръ *Алексѣевъ*.

Отъ Императорскаго Николаевскаго Универ- ситета.

Въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Николаевскаго Университета приноситъ Вамъ свое поздравленіе и пожеланіе, чтобы высоко-полезная дѣятельность Ваша продолжалась еще многіе и многіе годы.

За ректора профессоръ *Гордягинъ*.

Отъ Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Историко-филологическій факультетъ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета, глубоко чтя ваши ученые заслуги въ области археологической науки вообще и русской археологіи въ особенности, вмѣняетъ себѣ въ отраднѣйшій долгъ привѣтствовать Васъ, графиня, въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; да продлится долго, долго Ваше просвѣщенное руководство Обществомъ на славу и преуспѣваніе русской археологіи.

Деканъ *Александровъ.*

Отъ Московской Духовной Академіи.

Дорого цѣня неустанные труды Ваши, высокоуважаемая графиня, по сохраненію, реставраціи и изслѣдованію памятниковъ церковной старины, Московская Духовная Академія горячо привѣтствуетъ Васъ въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и молитвенно желаетъ Вамъ многихъ, многихъ лѣтъ и крѣпкихъ силъ ко благу процвѣтанія родной археологической науки.

Ректоръ Академіи епископъ *Теодоръ.*

Отъ Казанской Духовной Академіи.

Казанская Духовная Академія почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ 25-лѣтіемъ предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, какъ достойную преемницу незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича, основателя Общества.

Ректоръ епископъ *Алексѣй.*

Отъ Лазаревскаго института Восточныхъ Языковъ.

Примите, глубокоуважаемая графиня, искренній привѣтъ и поздравленія отъ Лазаревскаго Института, какъ его почетный членъ, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего высокополезнаго и неутомимаго служенія русской наукѣ и обществу.

Всеволодъ Миллеръ.

Отъ Императорской Археологической Комиссіи.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссія, въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, вмѣняетъ себѣ въ пріятнѣйшій долгъ выразить свое уваженіе къ плодотворной дѣятельности Вашего Сіятельства. Комиссія высоко чтитъ Ваше многолѣтнее руководство Археологическими Съѣздами, изданіе трудовъ ихъ, изслѣдованіе древностей Кавказа, просвѣщенное покровительство начинавшихъ археологовъ и искренно желаетъ многолѣтняго продолженія Вашего служенія русской археологіи по завѣтамъ незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича.

Предсѣдатель Комиссіи *графъ Бобринскій.*

Отъ Императорской Археографической Комиссіи.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археографическая Комиссія горячо привѣтствуетъ Васъ въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и искренно желаетъ, чтобы еще многіе и многіе годы продолжалась плодотворная дѣятельность Ваша на пользу и славу русской науки.

Предсѣдатель *графъ Сергій Шереметевъ.*

Членъ и правитель дѣлъ *Дружининъ.*

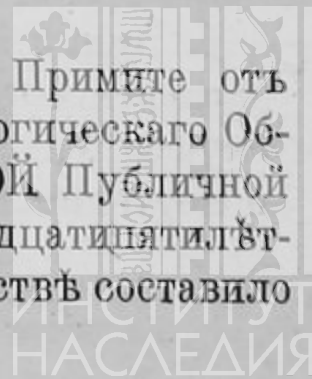
Отъ Управленія Виленскаго Учебнаго Округа.

Прошу принять горячія привѣтствія отъ Управленія Виленскаго Учебнаго Округа съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей выдающейся и плодотворной дѣятельности по археологіи Россіи.

Попечитель *Левицкій.*

Отъ Императорской Публичной Библіотеки.

Высокопочитаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Примите отъ насъ, членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и отъ другихъ служащихъ въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотекѣ, сердечное поздравленіе и привѣтствіе. Двадцатипятилѣтнее предсѣдательство Ваше въ Археологическомъ Обществѣ составило

эпоху для русской археологіи, а своею дѣятельностью, энергичною и неутомимою, полною широкихъ научныхъ интересовъ, Вы крупными буквами вписали свое имя въ исторію русской науки.

Дмитрій Кобеко. Николай Лихачевъ. Владимиръ Саитовъ.

Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Преклоняясь предъ громадными заслугами графини Уваровой въ организаціи съѣздовъ, изученіи Кавказа, охраненіи памятниковъ, Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ горячо привѣтствуетъ своего почетнаго члена.

Успенскій.

Отъ Императорскаго Общества любителей древней письменности.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество любителей древней письменности горячо привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполненіемъ двадцатипятилѣтія служенія русской наукѣ въ области археологіи и шлетъ искреннее пожеланіе продолженія Вашей плодотворной ученой дѣятельности на многіе годы.

Предсѣдатель *графъ Шереметевъ.*

Секретарь *Майковъ.*

Отъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Московское Общество испытателей природы привѣтствуетъ Васъ, своего почетнаго члена, съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Археологическомъ Обществѣ. Ваше славное служеніе въ теченіе четверти вѣка наукѣ и обществу представляетъ блестящую страницу въ лѣтописи изученія прошлаго нашей родины. Мы выражаемъ Вамъ искреннее пожеланіе долготѣней, столь же ревностной работы на преуспѣяніе дѣла, плодотворно захватившаго Ваши думы и силы.

Президентъ *Умовъ.*

21*

Отъ Императорскаго Общества любителей естествознанія антропологии и этнографіи.

Глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна. ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи сердечно привѣтствуетъ Васъ, своего почетнаго члена, въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ которомъ Вы такъ плодотворно трудились, объединяя и направляя работы его членовъ и внося много цѣннаго въ науку Вашими собственными трудами. Общество естествознанія высоко цѣнитъ Ваши заслуги по организациіи русскихъ археологическихъ съѣздовъ, давшихъ, благодаря Вашей изумительной энергіи, такіе высокоцѣнные результаты для русской науки. Пробѣгая мысленно истекшее двадцатипятилѣтіе Вашего служенія въ области археологии, Общество естествознанія выражаетъ Вамъ чувство глубочайшаго своего уваженія и проситъ Васъ принять сердечнѣйшее пожеланіе здоровья, духовной бодрости и неизмѣнныхъ успѣховъ на всѣхъ поприщахъ Вашего служенія обществу и наукѣ.

Президентъ Общества профессоръ *Анучинъ*.

Секретарь Общества *Вл. Богдановъ*.

Отъ Московскаго Нумизматическаго Общества.

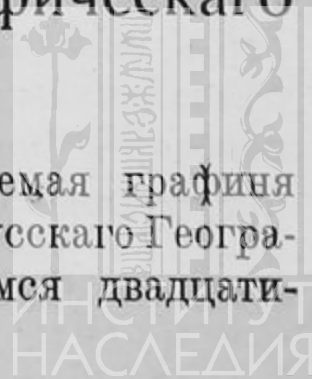
Московское Нумизматическое Общество почитаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать своего глубокоуважаемаго почетнаго члена съ двадцатипятилѣтіемъ достославной дѣятельности на пользу отечественной археологии и пожелать дальнѣйшихъ силъ и здоровья на продолженіе столь же плодотворнаго служенія наукѣ.

Предсѣдатель *Трутовскій*.

Секретарь *Чижовъ*.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отъ всей души привѣтствую Васъ глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, отъ имени ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества и отъ себя лично, съ исполненнымъ двадцати-

пятнадцатилѣтнемъ Вашей высокополезной и энергичной плодотворной дѣятельности на научномъ поприщѣ; дай Богъ еще на многіе и многіе годы Вамъ здоровья и силъ на пользу науки и Россіи.

Вице-предсѣдатель *И. Семеновъ-Тяншанскій.*

Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ

Историко-Филологическое Общество при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Новороссійскомъ Университетѣ привѣтствуетъ Васъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашей неутомимой дѣятельности и многополезнаго предсѣдательства въ Обществѣ.

Предсѣдатель *Доброклонскій.*
Секретарь *Рыстенко.*

Отъ Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи.

Въ знаменательный день плодотворной дѣятельности предсѣдательницы Общества графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой Общество археологіи, исторіи и этнографіи шлетъ сердечный привѣтъ Обществу, желая ему и впредь работать на пользу науки честью и славою Россіи, предсѣдателю же его добраго здравія и благоуспѣшности въ наукѣ еще многіе, многіе годы.

Предсѣдатель *Катановъ.*

Отъ Финноугрскаго Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія Вашей плодотворной научной дѣятельности Финноугрское Общество шлетъ Вамъ свой искренній привѣтъ и наилучшія пожеланія.

Сетяля Карьялаиненъ.

Отъ Ученаго Эстонскаго Общества.

Своему почетному и глубокоуважаемому члену къ 25-лѣтнему юбилею плодотворнѣйшей дѣятельности шлетъ искреннее привѣтствіе.

Ученое Эстонское Общество.

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Харьковское Историко-Филологическое Общество высоко цѣнитъ Вашу научную дѣятельность и желаетъ Вамъ здоровья и силъ на многіе годы для руководства Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и будущими Археологическими Съѣздами.

Предсѣдатель профессоръ *Сумцовъ*.

Отъ Уральскаго Общества любителей естествознанія.

Уральское Общество любителей естествознанія приноситъ почетному члену своему, Ея Сіятельству графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, почтительно поздравленіе съ 25-лѣтіемъ предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Археологическомъ Обществѣ и искреннѣйшія пожеланія еще долгіе годы держать на той же высотѣ мирное знамя науки, какъ въ этомъ Обществѣ, такъ и на Съѣздахъ, среди ревнителей сохраненія и изученія російскихъ древностей.

Президентъ *Онисимъ Клеръ*.

Секретарь *Михѣевъ*.

Отъ Екатеринославскаго Научнаго Общества.

Екатеринославское Научное Общество шлетъ предсѣдательницѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества поздравленіе съ четверть-вѣковымъ юбилеемъ, высоко цѣня ея выдающіяся научныя заслуги въ русской археологіи.

Предсѣдатель профессоръ *Рубинъ*.

Секретарь *Шкамарда*.

Отъ Псковскаго Археологическаго Общества.

Псковское Археологическое Общество шлетъ свое сердечное привѣтственное поздравленіе высокочтимой графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ и горячо желаетъ ей еще долгіе годы подвизаться во славу родной науки и быть защитницей и хранительницей нашей старины святорусской.

Предсѣдатель *графъ Адлербергъ*.

Отъ Новгородскаго Общества Любителей Древности.

Новгородское Общество любителей древности, имѣя честь считать Васъ среди своихъ почетныхъ членовъ, привѣтствуетъ Васъ въ сегодняшній знаменательный для русской археологіи юбилей.

Предсѣдатель *Муравьевъ*.

Отъ Новгородскаго Предварительнаго Комитета.

Новгородскій Предварительный Комитетъ, подготавливаясь къ девятому Археологическому Съѣзду, Вами осуществляемому, единогласно постановилъ 11 апрѣля привѣтствовать Васъ въ этотъ дорогой для русской исторической науки юбилей.

Товарищъ предсѣдателя *Муравьевъ*.

Отъ Комитета по обновленію Смоленскаго собора.

Привѣтствую Ваше Сіятельство съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной дѣятельности на поприщѣ укрѣпленія въ памяти и сознаніи современниковъ и потомства святыхъ завѣтовъ родной самобытной старины. Прошу принять отъ меня лично и отъ Комитета по обновленію собора усердныя и искреннія пожеланія многихъ лѣтъ жизни и крѣпости силъ на благо отечественной археологіи вообще и церковной въ особенности.

Теодосій, епископъ Смоленскій.

Отъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края.

Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей высокоплодотворной научной дѣятельности во главѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и выражаетъ свои искреннія пожеланія продолженія ея еще на многіе годы.

Предсѣдатель *Соболевъ*.

Отъ Калужскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.

Ваше Сіятельство, милостивая государыня Прасковья Сергѣевна!

Калужское Церковное Историко-археологическое Общество считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ, какъ своего почетнаго члена, съ исполненнымъ двадцатипятилѣтнемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ знакъ глубокаго уваженія къ Вашей неутомимой энергіи и плодотворнымъ трудамъ по охраненію и изученію памятниковъ древности, трудамъ, особенно проявившимся въ дѣлѣ устройства археологическихъ съѣздовъ, въ дѣлѣ привлеченія къ работѣ научной выдающихся силъ и содѣйствія своимъ вліяніемъ и средствами открытію различныхъ новыхъ археологическихъ учрежденій и предпріятій и изданію разныхъ научныхъ трудовъ, осмѣливается просить Васъ принять нашъ скромный трудъ—пятый томъ „Калужской Старины“.

Почетный предсѣдатель Общества ректоръ Духовной Академіи протоіерей *Алексѣй Преображенскій*.

Старшина Общества *Иванъ Цветковъ*.

Правитель дѣлъ *А. Станиславскій*.

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Вамъ угодно было уклониться отъ публичнаго чествованія двадцатипятилѣтняго служенія Вашего русской наукѣ; позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ письма привѣтствовать Васъ въ этотъ день и выразить отъ имени Общества любителей Россійской словесности, какъ и отъ себя лично, искреннее чувство уваженія передъ Вашей высокополезной дѣятельностью. Позвольте пожелать Вамъ дальнѣйшей, столь же доблестной работы и пусть Московское Археологическое Общество еще долго видитъ Васъ въ своей главѣ и пользуется Вашей энергіей и знаніями во благо русской науки и просвѣщенія. Пользуюсь случаемъ, чтобы препроводить къ Вамъ изданную нашимъ Обществомъ книгу на память о Гоголевскихъ дняхъ прошлаго года.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и полной преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой.

А. Грузинскій.

Отъ Подольскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.

Подольское Церковное Историко-археологическое Общество привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства и, высоко цѣня Вашу дѣятельность на пользу археологической науки, желаетъ Вамъ многихъ лѣтъ.

Протоіерей *Стѣпанскій*.

Отъ Орловскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.

Орловское Церковное Историко-археологическое Общество, глубокопризнательное Вамъ за участливое къ нему отношеніе, почтительно привѣтствуетъ Ваше Сіятельство, какъ своего почетнаго члена, съ достославнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашего руководственнаго служенія историко-археологическому дѣлу въ нашемъ дорогомъ отечествѣ и усердно молитъ Господа о продленіи на многія лѣта Вашего, глубоко-чтимая графиня, благоплоднаго исполненія великихъ завѣтовъ Вашего приснопамятнаго супруга и его достойнаго родителя, какъ равно и Вашего именитаго предка, историка князя Щербатова.

Почетный попечитель Общества *Александръ*, епископъ Орловскій.

Предсѣдатель Общества, протоіерей *Илія Ливанскій*.

Отъ Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи.

Грузинское Общество исторіи и этнографіи, высоко цѣня Вашу дѣятельность и Ваши труды по изученію Кавказа и грузинскихъ древностей, съ чувствомъ глубочайшей признательности приноситъ поздравленіе по поводу 25-лѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и отъ души желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ на излюбленномъ поприщѣ.

Предсѣдатель *Такайшвили*.

Отъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества.

Кавказскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, привѣтствуя Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтнемъ предсѣдательства Вашего въ Археологическомъ Обществѣ, желаетъ Вамъ еще много лѣтъ здравствовать и работать на пользу археологической науки.

За предсѣдательствующаго *В. Вейденбаумъ.*

Отъ Церковно-историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи.

Церковно-историческое и Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи привѣтствуетъ своего почетнаго члена, предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, графиню Прасковью Сергѣевну Уварову, съ двадцатипятилѣтнемъ широкой плодотворной дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи.

Предсѣдатель Общества ректоръ Академіи епископъ *Феодосій.*

Секретарь профессоръ *Петровъ.*

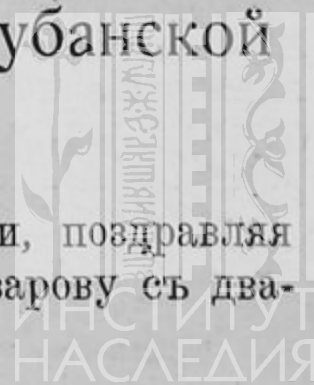
Отъ Кіевскаго Общества древностей и искусствъ.

Кіевское Общество древностей и искусствъ приноситъ почетному своему члену, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, поздравленіе съ юбилейнымъ торжествомъ многолѣтней плодотворной ея дѣятельности къ воскресенію родной старины и проситъ принять выраженіе высокаго уваженія и пожеланіе многихъ лѣтъ полезной работы въ будущемъ.

Предсѣдатель Общества *Ханенко.*

Отъ Общества любителей изученія Кубанской области.

Общество любителей изученія Кубанской области, поздравляя глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергѣевну Уварову съ два-

дцятипятилѣтіемъ предсѣдательства въ Археологическомъ Обществѣ, желаетъ ей еще много лѣтъ поработать на пользу русской археологической науки.

Предсѣдатель *Скиданъ*.

Отъ Русскаго Библіографическаго Общества.

Состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ Русское Библіографическое Общество долгомъ своимъ считаетъ почитать горячимъ привѣтствіемъ глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергѣевну Уварову въ день двадцятипятилѣтія ея выдающейся общественно-научной дѣятельности.

Предсѣдатель Общества профессоръ *Тарасовъ*.

Отъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Счастливъ порученіемъ совѣта почтительнѣйше привѣтствовать Ваше Сіятельство отъ имени ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ коего Вы изволите состоять, въ знаменательный день двадцятипятилѣтія высокихъ трудовъ Вашихъ по предсѣдательствованію въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и просить Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, принять выраженіе нашихъ искреннихъ благопожеланій Вамъ многихъ лѣтъ здоровья и силъ на продолженіе Вашихъ высоко-полезныхъ трудовъ, дорогихъ родинѣ и дѣятелямъ отечественной старины.

Дмитрій Скалонъ.

Отъ Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Московскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества въ день двадцятипятилѣтняго юбилея предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, считаетъ для себя особенно пріятнымъ привѣтствовать Ваше Сіятельство, какъ неутомимаго труженика на поприщѣ общественно-научной дѣятельности.

Генераль-отъ-инфантеріи *Глазовъ*.

Отъ Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Военно-Историческаго Общества.

Высоко цѣня заслуги Вашего Сіятельства, какъ предсѣдателя и представителя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества въ дѣлѣ устройства періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, содѣйствующихъ широкому распространенію изученія памятниковъ родной страны и мѣстныхъ древностей, Кіевскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Военно-Историческаго Общества приноситъ Вамъ, графиня, свое привѣтствіе въ день 25-лѣтія Вашей дѣятельности, присоединяя искреннія пожеланія продолженія ея на многіе годы.

Предсѣдатель Кіевскаго Отдѣла генераль-адъютантъ *Ивановъ*.

Отъ Полтавскаго Церковнаго Комитета.

Прошу принять отъ меня и Церковнаго Комитета искреннее поздравленіе съ юбилеемъ; да продлитъ Господь Вашу славную жизнь на пользу родины и науки.

Иоаннъ, епископъ Полтавскій.

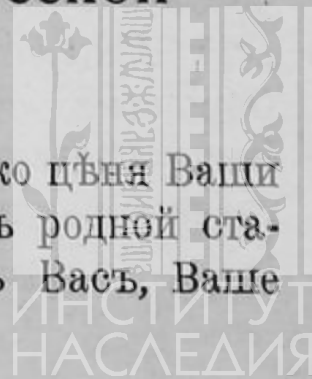
Отъ Императорскаго Палестинскаго Общества.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательствованія Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, плодотворные труды коего, какъ охранителя и изслѣдователя дорогой русской старины, составляютъ выдающуюся заслугу Вашу и Вашихъ сотрудниковъ.

Вице-предсѣдатель князь *Ширинскій-Шихматовъ*.

Отъ Комитета попечительства о русской иконописи.

Комитетъ попечительства о русской иконописи, высоко цѣня Ваши научныя заслуги по изученію и охраненію памятниковъ родной старины, русскаго искусства и иконографіи, привѣтствуетъ Васъ, Ваше

Сіятельство, въ торжественный день Вашего юбилея, горячо желая Вамъ силъ и здоровья на многіе годы.

Предсѣдатель Комитета графъ *Шереметевъ*.

Товарищъ предсѣдателя, академикъ *Кондаковъ*.

Управляющій дѣлами Комитета *Георгіевскій*.

Отъ Архитектурнаго Отдѣла Политехническаго Музея.

Архитектурный Отдѣлъ Политехническаго Музея привѣтствуетъ Васъ, глубокоуважаемая графиня, въ день двадцатипятилѣтія служенія Вашего на пользу науки, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, и выражаетъ глубокое уваженіе Вашей плодотворной и неутомимой дѣятельности.

Директора Отдѣла: *Машковъ, Семеновъ*.

Хранитель Отдѣла *Ивановъ*.

Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія плодотворной научной дѣятельности Вашего Сіятельства, въ качествѣ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, Московское Архитектурное Общество приносить Вамъ, графиня, своему почетному члену, поздравленіе въ этотъ знаменательный и важный для русской науки и искусства день.

Предсѣдатель Общества *Шехтель*.

Товарищъ Предсѣдателя *Машковъ*.

Отъ Харьковской Общественной Библіотеки.

Харьковская Общественная Библіотека, глубоко чтя заслуги графини на поприщѣ археологическаго изслѣдованія прошлаго Россіи, шлетъ искреннее привѣтствіе съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и желаетъ счастливаго продолженія плодотворной научной дѣятельности.

Предсѣдатель Правленія профессоръ *Анциферовъ*.

Членъ Правленія *Плесскій*.

Отъ Виленской Публичной Библіотеки, Археографической Комиссіи и Центрального Архива.

Виленская Публичная Библіотека, Археографическая Комиссіа и Центральный Архивъ привѣтствуютъ Васъ съ исполнившимся 25-лѣтіемъ Вашей неутомимой глубоконаучной дѣятельности и выражаютъ искреннее пожеланіе многолѣтняго продолженія Вашихъ высокополезныхъ трудовъ на пользу русской археологической науки.

Добрянскій, Спрогисъ, Романовъ, Миловидовъ, Довгялло, Турцевичъ.

Отъ Одесской Публичной Библіотеки.

Одесская Публичная Библіотека шлетъ глубокочтимой графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ искреннія пожеланія многихъ лѣтъ славной дѣятельности на благо родной науки.

Библіотекарь профессоръ *Попруженко.*

Отъ Холмскаго Православнаго Братства.

Холмское Православное Братство почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ 25-лѣтіемъ возглавленія ИМПЕРАТОРСКАГО Археологическаго Общества, искренно желаетъ, чтобы Общество подъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ еще многіе годы росло и мужало, неусыпно стояло на стражѣ охраненія отъ гибели памятниковъ старины, непрерывно вызывало свѣжія силы и новые труды на пользу археологической науки и неустанно развивало любовь и сочувствіе къ родной старинѣ на святой Руси. Графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ многія лѣта!

Предсѣдатель Совѣта Братства *Будиловичъ.*

Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи честь имѣетъ привѣтствовать Васъ, графиня Прасковья Сергѣевна, съ двадцатипятилѣтіемъ доблестной дѣятельности по изысканію, охранѣ, изданіямъ и научной обработкѣ русскихъ древностей въ званіи изумительно дѣятельнаго предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и устроителя общерусскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Управляющій Архивомъ *Самоковсовъ.*

Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отъ имени ввѣреннаго мнѣ учрежденія позвольте привѣтствовать Ваше Сіятельство въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и пожелать Вамъ крѣпости и силъ для продолженія Вашихъ обширныхъ и важныхъ трудовъ въ области отечественной археологіи.

Директоръ Московскаго Главнаго Архива
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князь *Львовъ*.

Отъ Московской Оружейной Палаты.

Въ день свѣтлаго праздника русской науки,—чествованія исполнившейся четверти вѣка высокочестнаго служенія Вашего Сіятельства русской археологіи, исторіи искусствъ, Оружейная Палата, хранительница реликвій русской художественности и вкуса, почтительно привѣтствуетъ Васъ, графиня, своего великаго учителя, высказывая свои горячія пожеланія силъ и здоровья на многія еще лѣта такой же плодотворной энергичной дѣятельности на славу и честь дорогой родины и науки.

Арсеньевъ, Трутовскій, Успенскій.

Отъ Курскаго Статистическаго Комитета.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Вслѣдствіе исполнившагося двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и богатой научными результатами Вашей дѣятельности, лично, и отъ имени Курскаго Статистическаго Комитета, имѣю честь просить Ваше Сіятельство принять искреннее привѣтствіе и пожеланія полныхъ силъ на долгіе годы для Вашихъ созидательныхъ трудовъ общественно-государственнаго значенія. Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи и совершенной преданности.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга *Михаилъ Гильженъ*.

Отъ Кіевскаго Музея Императора Николая II.

Кіевскій Музей ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II шлетъ привѣтъ неустанной работницѣ на нивѣ изученія родной старины графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой.

Директоръ Музея *Бѣляшевскій*.

Отъ Комиссіи Музея до - Петровскаго искусства и быта.

Комиссія Музея до-Петровскаго искусства и быта искренно привѣтствуетъ Ваше Сіятельство, своего почетнаго члена, и приноситъ горячія пожеланія долгой высококультурной дѣятельности по изученію отечественной старины.

Предсѣдатель *Рерихъ*.

Секретарь *Макаренко*.

Отъ Кавказскаго Музея.

Отъ имени Кавказскаго Музея приношу Вамъ искреннее поздравленіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ плодотворной дѣятельности Вашей на поприщѣ русской археологіи и въ этотъ день съ благодарностью вспоминаемъ труды Ваши по устройству и научной обработкѣ собранія древностей Кавказа, хранящагося въ Музеѣ.

Директоръ Музея *Казнаковъ*.

Отъ Церковнаго Музея Грузинскаго духовенства.

Комитетъ Церковнаго Музея грузинскаго духовенства считаетъ пріятнымъ долгомъ поздравить Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего плодотворнаго служенія наукѣ и Вашей дѣятельности.

Мраваль-Жаміеръ. Епископъ *Давидъ*.

Отъ Саратовскаго Радищевскаго Музея.

Саратовскій Радищевскій Музей съ чувствомъ живѣйшей радости привѣтствуетъ Ея Сіятельство и шлетъ пожеланіе сохранить плодотворную дѣятельность еще на многія лѣта, на пользу науки.

Директоръ *Боевъ*.

Отъ Минусинскаго Мартьяновскаго Музея.

Ваше Сіятельство, графиня Прасковья Сергѣевна. Минусинскій Мартьяновскій Музей почтительно привѣтствуетъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего выдающагося служенія ИМПЕРАТОРСКОМУ Московскому Археологическому Обществу и археологической наукѣ и желаетъ Вамъ здоровья и силъ для продолженія Вашей энергично-разносторонней и плодотворной общественной и научной дѣятельности.

Баховъ, Мартьянова, Савенковъ, Тропинъ, Кузьмина, Волконскій, Борейша, Соколовъ, Войцѣховскій, Метелкинъ, Персиковъ.

Отъ Донскаго Музея.

Въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашихъ неутомимыхъ трудовъ на пользу русской археологической науки по званію предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и русскихъ археологическихъ съѣздовъ, Донской Музей, много обязанный Вашей нравственной поддержкѣ, приносить Вамъ, высокочтимая графиня, глубокое привѣтствіе, искреннее пожеланіе полного здоровья для продолженія историческаго дѣла, честь руководства которымъ принадлежитъ великой русской женщинѣ.

Х. Поповъ.

Отъ Угличскаго Музея древностей.

Комитетъ Угличскаго Музея древностей привѣтствуетъ Васъ, какъ своего почетнаго члена, въ знаменательный день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія въ Обществѣ, служащемъ дѣлу охраненія русской старины.

Угличскій предводитель дворянства *Тучковъ.*

Отъ Музея Украинскихъ древностей Тарновскаго.

Музей Украинскихъ древностей Тарновскаго привѣтствуетъ Общество и его неутомимаго и беззавѣтно преданнаго интересамъ научнымъ предсѣдателя и желаетъ имъ счастливаго продолженія славной дѣятельности.

Предсѣдатель Губернской Земской Управы *Савицкій.*

Предсѣдатель Музейной Комиссіи *Дорошенко.*

Древности, в. XXIII, т. I.

Отъ Бессарабской губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Бессарабская Губернская Ученая Архивная Комиссія, привѣтствуя двадцатипятилѣтній юбилей предсѣдательствованія Вашего, шлетъ пожеланія еще многихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности въ качествѣ представительницы ученаго учрежденія и ревнительницы сохраненія и изученія родной старины.

Предсѣдатель *Горе.*

Правитель дѣлъ *Халиппа.*

Отъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Почетному члену, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой. Витебская Ученая Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Предсѣдатель *В. Арсеньевъ.*

Секретарь *Н. Чичкевичъ.*

Отъ Владимірской Ученой Архивной Комиссіи.

Владимірская Ученая Архивная Комиссія, высоко цѣня заслуги Ваши для русской историко-археологической науки, почитаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать Ваше Сіятельство съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей общественно-научной дѣятельности во главѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества.

Предсѣдатель Комиссіи *Сазоновъ.*

Отъ Воронежской Архивной Комиссіи.

Воронежская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Вы преемственно замѣнили незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича, продолжая объединять изслѣдователей старины на всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ, имъ основанныхъ. Съ глубокой благодарностью, цѣня Ваши заслуги въ дѣлѣ охраненія, собиранія и изученія русскихъ археологическихъ

памятниковъ, заботы объ устройствѣ провинціальныхъ музеевъ, Комиссія выражаетъ сердечное пожеланіе Вашему Сіятельству долгіе годы служить на избранномъ Вами поприщѣ къ славѣ и пользѣ отечественной науки.

Предсѣдатель *графъ Апраксинъ.*

Отъ Вятской Архивной Комиссіи.

Вятская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ знаменательнымъ въ ученомъ мірѣ днемъ Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея и желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія Археологическому Обществу подъ Вашимъ просвѣщеннымъ предсѣдательствомъ.

Товарищъ Предсѣдателя *Спаскій.*

Отъ Калужской Ученой Архивной Комиссіи.

Отъ имени Калужской Ученой Архивной Комиссіи приношу почетному члену ея сердечныя поздравленія со днемъ двадцатипятилѣтней дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи.

Предсѣдатель *В. Асоновъ.*

Отъ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Высокоуважаемая Прасковья Сергѣевна! Костромская Губернская Ученая Архивная Комиссія привѣтствуетъ Васъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ служенія Вашего археологической наукѣ и выражаетъ пожеланія Вашему Сіятельству дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на пользу родной исторіи и археологіи.

Товарищъ Предсѣдателя *Василій Строевъ.*

Отъ Курской Ученой Архивной Комиссіи.

Высокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашей неутомимой и выдающейся дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи, Курская Ученая Архивная Комиссія, привѣтствуя Васъ, сердечно желаетъ Вамъ еще много лѣтъ здравствовать и трудиться во славу родной старины.

Предсѣдатель Комиссіи *А. Кобылинъ.*

Отъ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи.

День тридцатилѣтней годовщины Вашей многотрудной ученой дѣятельности по изученію русской старины, несомнѣнно долженъ быть отмѣченъ во всѣхъ концахъ русской земли, сливаясь съ общей глубокой, сердечной признательностью Вамъ, достойной преемницѣ и продолжательницѣ великаго дѣла, начатаго супругомъ Вашимъ, незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Нижегородская Ученая Архивная Комиссія, на засѣданіи своемъ 27 апрѣля, постановила бить Вамъ челомъ.

Предсѣдатель *Садовскій.*

Правитель *Мельниковъ.*

Отъ Новгородской Архивной Комиссіи.

Новгородская Архивная Комиссія привѣтствуетъ славный день тридцатилѣтія высокаго служенія Вашего Сіятельства русской археологіи.

Предсѣдательствующій *Литовченко.*

Отъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи.

Орловская Ученая Архивная Комиссія почтительно привѣтствуетъ своего почетнаго члена, глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергѣевну, выражая искреннія пожеланія дальнѣйшей неустанной дѣятельности, подкрѣпляемой новой связью со святилищель знанія, Московскимъ Университетомъ.

Предсѣдатель *князь Кекуатовъ.*

Хранитель Музея *Турчаниновъ.*

Отъ Рязанской Архивной Комиссіи.

Рязанская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Васъ, какъ неутомимую предсѣдательницу Общества, авторитетную руководительницу археологическихъ сѣздовъ, перваго славнаго женщину-археолога и шлетъ искреннее пожеланіе еще многіе годы видѣть Васъ во главѣ археологической науки.

Предсѣдатель *Ясонтковъ.*

Отъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи.

Саратовская Ученая Архивная Комиссія глубоко проникнута сознаниемъ колоссальности труда, положеннаго Вашимъ Сіятельствомъ на пользу родной археологіи, горячо привѣтствуетъ Васъ въ день исполнившагося 25-лѣтія руководительства Вами ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ; да пошлетъ Вамъ Господь здоровья и силъ еще на много лѣтъ, для продолженія славнаго труда по освѣщенію далекаго прошлаго нашей великой страны.

Предсѣдатель Комиссіи *Н. Минхъ.*

Правитель дѣлъ *Щегловъ.*

Отъ Симбирской Архивной Комиссіи.

Симбирская Архивная Комиссія, горячо привѣтствуя Ваше двадцатипятилѣтнее предсѣдательство въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, шлетъ свое искреннее пожеланіе и впредь многіе годы видѣть Васъ достойною преемницею славнаго основателя русской археологіи, незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Полвановъ.

Отъ Смоленской Ученой Архивной Комиссіи.

Смоленская Ученая Архивная Комиссія горячо привѣтствуетъ Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей плодотворной дѣятельности и шлетъ пожеланія еще много лѣтъ такой же успѣшной работы на благо родной старины.

За предсѣдателя вице-предсѣдатель *Ворцевскій.*

Отъ Ставропольской Архивной Комиссіи и попечительства Музея.

Ставропольская Архивная Комиссія и попечительство Музея привѣтствуютъ Васъ со днемъ двадцатипятилѣтія Вашего славнаго служенія задачамъ Археологическаго Общества и избрали Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Предсѣдатель *Прозрителевъ.*

Отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Тверская Ученая Архивная Комиссія почтительно привѣтствуетъ исполнившееся двадцатипятилѣтіе Вашихъ неустанныхъ трудовъ, обогатившихъ историческую науку, прославившихъ русскую женщину, получившихъ нынѣ достойное и высокое признаніе. Да ниспшлетъ Вамъ всещедрый Господь еще много лѣтъ жизни, чтобы мужественно стоять на стражѣ дорогихъ интересовъ родины, ея доблести и славы.

Предсѣдатель Комиссіи *Ивановъ*.

Правитель дѣлъ *Виноградовъ*.

Отъ Ярославской Архивной Комиссіи.

Ярославская Архивная Комиссія, преклоняясь передъ выдающимися историческими заслугами своего почетнаго члена, графини Прасковьи Сергѣевны, на поприщѣ археологической науки, шлетъ свое привѣтствіе и поздравленіе и выражаетъ желаніе предсѣдательницѣ еще ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества многіе годы служить процвѣтанію великаго для родины дѣла.

Предсѣдатель Комиссіи князь *Петръ Урусовъ*.

Отъ Черниговской Губернской Ученой Комиссіи.

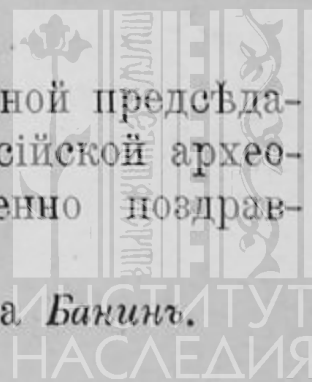
Черниговская Губернская Ученая Комиссія, привѣтствуя Московское Археологическое Общество съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательствованія въ немъ графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, шлетъ, какъ Обществу, такъ и глубокоуважаемой графинѣ горячія пожеланія еще много и много лѣтъ продолжать ихъ доблестный трудъ на пользу науки и на благое просвѣщеніе родины.

Предсѣдатель *Рачинскій*.

Отъ Грай-Воронскаго Археологическаго Комитета.

Въ виду исполнившагося двадцатипятилѣтія полезной предсѣдательской дѣятельности Вашего Сіятельства на благо російской археологіи Грай-Воронскій Археологическій Комитетъ искренно поздравляетъ съ юбилеемъ, какъ своего почетнаго члена.

Предсѣдатель Комитета *Бакинъ*.

Отъ Московской Конторы Св. Синода.

По порученію Московской Конторы Св. Синода, привѣтствую Васъ, графиня, съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашего предсѣдательства въ Археологическомъ Обществѣ и приношу Вамъ мои искреннія пожеланія продолженія Вашей плодотворной дѣятельности на много лѣтъ.

Камергеръ *Ф. Степановъ.*

Отъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Училище Живописи, Ваянія и Зодчества почтительнѣйше проситъ Васъ присоединить его къ учрежденіямъ и лицамъ, принесшимъ Вамъ поздравленія и принять его пожеланія здоровья и силъ для продолженія Вашей многополезной просвѣтительной дѣятельности.

Князь *Львовъ.*

Отъ Вятскаго Художественнаго Кружка.

Высоко цѣня Ваши труды и заслуги на поприщѣ служенія родному искусству, Вятскій Художественный Кружокъ проситъ принять его скромное поздравленіе и лучшія пожеланія въ день Вашего юбилея.

Предсѣдатель Кружка *Лобовиковъ.*

Отъ Общества преподавателей графическихъ искусствъ.

Общество преподавателей графическихъ искусствъ позволяетъ принести Вашему Сіятельству почтительныя поздравленія съ знаменательнымъ днемъ, горячо желая, чтобы несравненная дѣятельность Ваша продолжалась еще много лѣтъ для пользы родины.

Предсѣдатель *Иванъ Евсѣевъ.*

Отъ Комиссіи по постройкѣ инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Федорова.

Комиссія по постройкѣ инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Федорова привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполнившимся сегодня двадцатипятилѣтіемъ полезной дѣятельности Вашей по предсѣдательствованію въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, которое своимъ процвѣтаніемъ всецѣло обязано Вашимъ трудамъ и энергіи.

Предсѣдатель Комиссіи *Андрей Галуновъ.*

Отъ Московской Синодальной Типографіи.

Ваше Сіятельство, милостивая государыня графиня Прасковья Сергѣевна! Въ знаменательный день исполненія двадцатипятилѣтней Вашей плодотворной дѣятельности на посту предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, Московская Синодальная типографія почитаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ почтительнѣйше принести Вашему Сіятельству поздравленіе съ праздникомъ Вашего доблестнаго труда на пользу русской науки, пожеланіе силъ, здоровья, неустанной бодрости духа и выраженіе чувствъ признательности за Ваши постоянно благожелательныя вниманіе и помощь типографіи въ сохраненіи, разработкѣ и обнародованіи ея древностей.

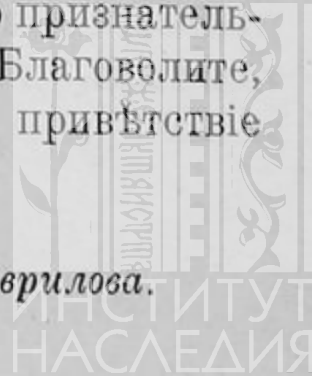
Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Орловъ.

Отъ С.-Петербургской Синодальной Типографіи.

Четверть вѣка неустанной творческой работы въ области археологіи несомнѣнно даетъ Вамъ, графиня, право на горячую признательность всѣхъ, кто цѣнитъ памятники родной старины. Благоволите, Ваше Сіятельство, благосклонно принять почтительное привѣтствіе управляющаго Петербургской синодальной типографіей

Гаврилова.

Отъ Кіевскаго Общества любителей социаль- ныхъ знаній.

Кіевское Общество любителей социальныхъ знаній, привѣтствуя Васъ съ юбилеемъ Вашей плодотворной дѣятельности на пользу русской науки, шлетъ Вамъ пожеланія силъ и бодрости на долгіе годы, для продолженія Вашего пути.

Предсѣдатель *Довнаръ-Запольскій.*

Отъ Комитета Общества воспитательницъ и учительницъ.

Комитетъ Общества воспитательницъ и учительницъ, по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей ученой дѣятельности, привѣтствуетъ Васъ, какъ первую русскую женщину, стоящую во главѣ ученаго Общества и своими трудами много способствующую его успѣху и значенію.

Предсѣдательница Общества *Е. И. Мамонтова.*

IV. ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИВѢТСТВІЯ ОТЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ.

Отъ А. Круазэ ван-дер-Копъ.

Искренно привѣтствую по случаю знаменательнаго дня двадцатипятилѣтія Вашего самоотверженнаго служенія интересамъ археологіи на высокомъ посту предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества.

А. Круазэ ван-дер-Копъ.

Отъ В. Баллодъ.

Вашему Сіятельству въ день праздника дорогаго Общества шлетъ поздравленіе и пожеланіе долго видѣть Васъ во главѣ русской археологіи

Членъ Общества *Францъ Баллодъ.*

Отъ К. В. Болсуновскаго.

Ваше Сіятельство! Проникнутый чувствомъ искренней радости, присоединяюсь къ общему голосу и желаю Вамъ еще долго, долго руководить нашими учеными на пользу отечественной науки.

К. Болсуновскій.

Отъ А. Л. Бертье-Делагардъ.

Прошу принять глубочайшія привѣтствія усерднѣйшаго почитателя.

Бертье Делагардъ.

Отъ И. Н. Бороздина.

Прошу принять искреннія поздравленія и свидѣтельства моего глубокаго уваженія.

Бороздинъ.

Отъ М. П. Боткина.

Примите, глубокоуважаемая графиня, искреннее поздравленіе. Сердечно желаемъ здоровья, еще потрудиться на пользу и славу дорогой родины.

Михаилъ Боткинъ.

Отъ проф. В. П. Бузескула.

Въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства примите и мое искреннее поздравленіе, да продлится Ваша славная дѣятельность еще многія лѣта.

Бузескулъ.

Отъ Бутурлиныхъ.

Въ знаменательный юбилей просвѣщеннаго и патріотическаго Вашего руководительства одного изъ важнѣйшихъ отраслей отечественной науки, просимъ принять привѣтствія и душевныя наши поздравленія.

Бутурлины.

Отъ Бера.

Изъ далекаго Новороссійска шлемъ поздравленіе и привѣтствіе по случаю наступившаго знаменательнаго дня.

Беръ.

Отъ Н. Бонковскаго.

Преклоняясь предъ неутомимой энергіей Вашего Сіятельства, прошу принять мое искреннее поздравленіе по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего служенія на пользу родной археологіи.

Николай Бонковскій.

Отъ С. К. Богоявленскаго.

Милостивая Государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Осмѣливаюсь присоединить свой голосъ къ тѣмъ единодушнымъ и искреннимъ привѣтствіямъ, которыми встрѣчаютъ представители русской науки знаменательный для Васъ день. Надѣюсь, что отечественная археологія будетъ еще многіе годы развиваться подъ Вашимъ внимательнымъ и талантливимъ руководствомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

С. Богоявленскій.

Отъ И. Гавельки.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Какъ членъ Московскаго Археологическаго Общества, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство принять отъ меня самыя искреннія поздравленія по поводу празднованія 25-лѣтія предсѣдательствованія Вашего въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Наслѣдство, принятое Вами отъ Вашего покойнаго мужа, незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича, Вы своими неутомимыми трудами сумѣли не только сохранить, но и значительно расширить такъ, что оно въ настоящее время представляетъ собою учрежденіе, къ голосу котораго, въ вопросахъ русской археологіи, приходится прислушиваться всѣмъ, кому дорога отечественная старина. Отъ всей души желаю Вашему Сіятельству много здоровья и силъ, чтобы долго еще служить на поприщѣ русскаго просвѣщенія, на пользу и славу русской археологической науки.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и почтеніи.

И. Гавелька.

Прага.

Отъ Е. В. Барсова.

Многоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Весьма жалѣю, что не могу быть въ засѣданіи Археологическаго Общества. Сегодня у насъ свое засѣданіе въ Обществѣ исторіи. Конечно, многіе понимаютъ и чувствуютъ заслуги Ваши для археологической науки въ ихъ полномъ и истинномъ значеніи. Но, на мой взглядъ, важнѣе всего то, что вся мыслящая Россія непосредственно сознаетъ Ваше личное и глубокое проникновеніе исторической идеей и что Вы достойно несете археологическое знамя, къ которому не позволяете прикоснуться рукѣ скверной. Умѣя стоять за это знамя, Вы всегда готовы

также гордо и мужественно стоять и за его дружину. На себѣ самомъ я пережилъ эту Вашу силу благороднаго сердца, чуткаго къ скорбямъ и обидамъ, постигающимъ безпомощныхъ археологовъ. Поминая незабвеннаго графа, славлю, графиня, и Вашъ умъ, и Ваше сердце, и Вашъ подвигъ, и Ваше мужество. Здравствуйте, многая Вамъ лѣта, на славу знамени и благо его дружины.

Весь Вашъ всегда и нынѣ

Елпидифоръ Барсовъ.

Отъ В. И. Гошкевича.

Примите мое искреннее поздравленіе съ счастливымъ для русской науки днемъ Вашего юбилея.

Гошкевичъ.

Отъ доктора Грекулова.

Ваше Сіятельство, Прасковья Сергѣевна! Будучи не специалистомъ, а простымъ гражданиномъ, слѣдящимъ за успѣхами археологій, я высоко цѣню Ваши заслуги передъ обществомъ и сердечно привѣтствую двадцатипятилѣтіе Вашей благотворной дѣятельной работы. Отъ души желаю, чтобы Археологическое Общество возможно дольше процвѣтало подъ Вашимъ руководствомъ.

Докторъ Грекуловъ.

Отъ И. Е. Евсѣева.

Высокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Считаю пріятнымъ долгомъ почтительнѣйше привѣтствовать Васъ съ двадцатипятилѣтней годовщиной Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и отъ души пожелать Вамъ еще многихъ и многихъ годовщинъ Вашей трудовой многопольной жизни на благо русской науки! Въ нашей жизни такъ мало идейныхъ руководителей жизни, официальные ея двигатели до такой степени далеки отъ творчества и одушевленія въ своемъ дѣлѣ, что Вашъ свѣтлый примѣръ является неоцѣнимымъ по своему значенію. И, какъ бывший обыватель Москвы и какъ временный обитатель далекой провинціи, а нынѣ, какъ житель сѣверной столицы, я одинаково чувствую благородно одушевляющій къ труду Вашъ голосъ, Ваше незримое вліяніе. Вамъ, какъ и покойному супругу Вашему, выпало на долю не только замѣчать главные пункты сраженія, но и собирать и вооду-

шевлять собранную рать—и Вы достигали этого съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Дай Богъ Вамъ успѣха и впредь на многія лѣта.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства искренній почитатель

И. Евсѣевъ.

Отъ Екатерины и Маріи Ермоловыхъ.

Поздравляемъ съ юбилеемъ Вашей полезной дѣятельности.

Екатерина и Марія Ермолковы.

Отъ А. Жданова.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Примите, Ваше Сіятельство, мое сердечное привѣтствіе по поводу исполнившагося сегодня двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ коемъ завидно энергичная дѣятельность Ваша неволью возбуждаетъ заслуженное уваженіе къ неутомимой труженицѣ на нивѣ родного просвѣщенія въ духѣ завѣтовъ сѣдой старины. Съ чувствомъ глубокаго почтенія имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

А. Ждановъ.

Отъ проф. С. Жебелева.

Многоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна!

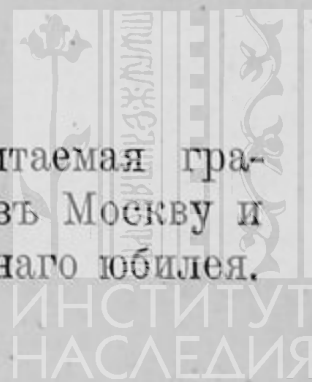
Узнавъ изъ газетъ, что вчера исполнилось 25-лѣтіе предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, позволяю себѣ просить Васъ принять и мои поздравленія и пожеланія на много-много лѣтъ служить и работать на благо російской археологіи съ такою же неустанною энергіею и искреннею любовью, съ какими служили Вы и работали до сихъ поръ.

Прошу вѣрить въ мое глубокое къ Вамъ уваженіе.

С. Жебелевъ.

Отъ М. И. Забѣлиной.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая и высокопочитаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Вчера только возвратилась въ Москву и узнала изъ газетъ о торжественномъ днѣ Вашего славнаго юбилея.

Примите мое, хотя и запоздалое, но вполне сердечное поздравление съ двадцатипятилѣтнемъ Вашей плодотворной и блестящей дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи. Глубоко сожалѣю, что отецъ мой не дожилъ до такого радостнаго и свѣтлаго праздника родной науки. Отъ всей души желаю Вамъ еще на многіе, многіе годы здоровья и силъ на продолженіе Вашей, столь энергичной и вполне достойной удивленія, дѣятельности. Приношу Вамъ увѣреніе въ моемъ искреннемъ, глубококомъ уваженіи, почитаніи и поклоненіи.

Марія Забѣлина.

Отъ проф. В. З. Завитневича.

Сердечно привѣтствую Васъ, досточтимая графиня, съ настоящимъ праздникомъ, отъ души желаю еще долго оставаться руководительницею тружениковъ въ области археологіи.

Завитневичъ.

Отъ Р. Иванова.

Глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна! Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и почитанія привѣтствую Васъ въ этотъ славный день Вашего многолѣтняго служенія наукѣ. Съ перваго дня знакомства съ Вами смотрю на Васъ, какъ на сказочнаго богатыря-женщину, удивляюсь и люблю Вашу несокрушимою энергію. Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и силъ на многіе годы. Душевно преданный

Р. Ивановъ.

Отъ проф. В. С. Иконникова.

Спѣшу присоединиться къ юбилейному чествованію высокопочитаемаго предсѣдателя Общества графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой.

Иконниковъ.

Отъ народнаго учителя Ивана Ильинскаго.

Дай Вамъ Богъ какъ можно дольше стоять на стражѣ глубокой старины.

Народный учитель *Иванъ Ильинскій.*

Отъ Н. І. Криштафовича.

Вернувшись изъ поѣздки, душевно привѣтствую Васъ и Общество съ безпримѣрнымъ знаменательнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ науки во славу ея и русской женщины.

Криштафовичъ.

Отъ проф. Д. А. Корсакова.

Сердечно привѣтствую Васъ, графиня, съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства, искренно желая, чтобы еще долго, долго подвизались на пользу отечественной археологіи и на радость Вашихъ друзей и почитателей.

Профессоръ *Корсаковъ.*

Отъ протоіерея Королькова.

Отъ всей души поздравляю Васъ съ знаменательнымъ днемъ Вашей учено-археологической дѣятельности; дай Богъ Вамъ силъ и здоровья много лѣтъ потрудиться на пользу нашей родины.

Профессоръ Академіи протоіерей *Корольковъ.*

Отъ проф. П. А. Лаврова.

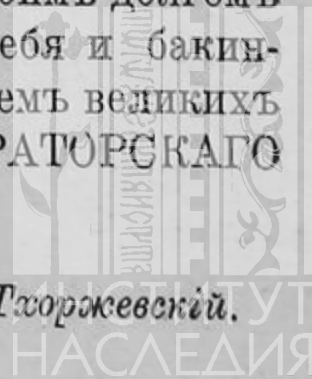
Привѣтствую съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей дѣятельности, какъ предсѣдателя Общества.

Профессоръ *Лавровъ.*

Отъ Л. Г. Лопатинскаго и др.

Не имѣя возможности по дѣламъ службы присутствовать въ сегодняшнемъ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія, считаю своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ, глубокоуважаемая графиня, отъ себя и бакинскихъ членовъ Отдѣленія съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ великихъ научныхъ заслугъ Вашихъ, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества.

Лопатинскій, Денферъ, Храпко, Покровскій, Сазоновъ, Тхоржевскій.

Отъ проф. И. А. Линниченко.

Прошу принять мое сердечное поздравленіе съ днемъ знаменательнымъ и въ Вашей жизни и русской археологіи.

Линниченко.

Отъ Леонова.

Шлю скромный привѣтъ защитницѣ старины, по случаю двадцатипятилѣтія служенія родинѣ.

Леоновъ.

Отъ Лиснеръ-Собко.

Просимъ присоединить насъ къ числу отъ всего сердца чествующихъ именитую предсѣдательницу и почетнаго члена Московскаго и Казанскаго университетовъ.

Лиснеръ-Собко.

Отъ К. фонъ Левисъ офъ Менаръ.

Hochgeehrte Frau Gräfin! Empfangen Sie von meiner Frau und mir die ergebensten Glückwünsche zum Jubiläum Ihrer Praesidentschaft, die Sie mit so ausserordentlichen Erfolgen so lange verwaltet haben. Insbesondere sind wir Livländer Ihnen dankbar für ihre Tätigkeit hier und die reiche Anregung und Aufmunterung, die wir durch Sie erfahren haben.

Reifolgend unter Krenzband erlaube ich mir Ihnen die um Ronneburg, Wolmar und die Aa-Fahrt erweiterte zweite umgearbeitete Auflage des Führers durch die „Livländische Schweiz“ die Ihnen von 1896 her noch bekannt ist, zu übersenden.

Mit den besten Wünschen für Ihre ferneres Wohlergehen Ew. Erlaucht mit vorzüglichster Hochachtung meine Frau und Ihr ganz ergebener

K. v. Löwis.

Отъ Матвѣева.

Шлемъ искреннія поздравленія и пожеланія продолжать долгія лѣта плодотворную дѣятельность.

Матвѣевъ.

Древности, т. XXIII, в. I.

Отъ архіепископа Месропа.

Прошу принять мои сердечныя поздравленія и благословеніе.

Архіепископъ *Месропъ.*

Отъ А. Миняева.

Позвольте привѣтствовать Ваше Сіятельство съ знаменитымъ днемъ двадцатипятилѣтія плодотворнаго предсѣдательства; примите сердечныя пожеланія здоровья и долголѣтія.

Александръ Миняевъ.

Отъ А. К. фонъ-Меккъ.

Извиняюсь, что нездоровье лишаетъ меня возможности лично принести Вамъ поздравленіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ общественной дѣятельности. Прошу принять наилучшія пожеланія и увѣренія глубокаго уваженія.

Александръ фонъ-Меккъ.

Отъ Н. Морозовой.

Ваше Сіятельство! Позвольте мнѣ почтительно принести искреннее поздравленіе и пожеланія добраго здоровья на многіе годы, на радость Обществу. Преданная Вамъ

Надежда Морозова.

Отъ Э. Э. Маттернъ.

Прошу Васъ, многоуважаемая графиня, принять мой привѣтъ и поздравленіе по поводу сегодняшняго чествованія Вашей многолѣтней плодотворной дѣятельности на пользу науки.

Э. Маттернъ.

Отъ П. А. Незнамова.

Позвольте и мнѣ издалека присоединить свое поздравленіе и искреннія пожеланія.

Незнамовъ.

Отъ проф. Л. Г. Нидерле.

Vysocorodá pani hraběnko, račte mi devolitě, abych u příležitosti Vasěho jubilea směl se take připojiti k radě ostatních slovanstých arhaologie s uctivou prosbou, abyste ráčila přijmouti ode mne výraz obdivu nad velkou cinností, kterou Iste vozvinula v oblasti ruské arhaologie, a nad úspěchy, kterých Iste zde dosáhla.

Vzpominám při tom vděčně i laskavosti, kterou Iste mně a pracím mým prokazovala a k těmto slovům obdivu, úcty a díky připojuji viele přání, aby Vam bylo propráno ve velie práci uspešne pobračovati jeste radu dalsich let na slavu a propřech arhaologie ruske i slovanske.

V nejhlubú úctě Vam cele oddalany.

Dr. *Lubor Niederle*, professor české university.

Отъ проф. А. В. Никитскаго.

Приношу Вашему Сіятельству искреннѣйшее привѣтствіе по поводу знаменательнаго для русской археологіи двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства и прошу принять засвидѣтельствованіе глубочайшаго преклоненія предъ беззавѣтнымъ, энергичнымъ, плодотворнымъ, славнымъ служеніемъ Вашимъ русской наукѣ и просвѣщенію.

Членъ Общества *Александръ Никитскій*.

Отъ проф. М. В. Никольскаго.

Только болѣзнь, заставившая меня прекратить занятія и покинуть Москву, воспрепятствовала мнѣ лично привѣтствовать Васъ въ засѣданіи 11-го мая, вмѣстѣ съ товарищами по Обществу съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства и внести свою подпись подъ адресомъ, поднесеннымъ Вамъ Обществомъ. Присутствуя мысленно и на дѣлѣ раздѣляя все, что Общество выразило Вамъ по этому случаю, я не могу, однако же, отказать себѣ въ удовлетвореніи моей сердечной потребности принести Вамъ мое особое привѣтствіе и выразить хвалу Всевышнему, что Онъ далъ Вамъ и разумъ и силу совершить столь огромный жизненный подвигъ на пользу отечественной науки, а также чувство глубокой признательности не только какъ нашему общему руководителю, но и какъ человѣку рѣдкихъ душевныхъ качествъ, рѣдкой чуткости и проникновенности, умѣвшему тонко цѣнить каждого

изъ своихъ сотрудниковъ по ихъ душевнымъ наклонностямъ, угадывать наилучшіе ихъ помыслы, съ предупредительностью идти имъ на встрѣчу и содѣйствовать ихъ осуществленію, благодаря чему и я, одинъ изъ скромныхъ Вашихъ сотрудниковъ, могъ въ жизни осуществить не одно изъ моихъ завѣтныхъ желаній, быть хотя немного полезнымъ наукѣ въ той области, которая мнѣ сродна. Отъ всего сердца присоединяюсь къ общему нашему пожеланію Вамъ долгой жизни и плодотворной дѣятельности во главѣ нашего Общества, которое Вамъ весьма обязано и будущее котораго неразрывно связано съ Вашею личностью.

Искренно Вамъ преданный и глубоко признательный

М. Никольскій.

Отъ А. С. Орлова.

Ваше Сіятельство, милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Пользуюсь временемъ празднованія Вашего самоотверженнаго служенія на пользу русской науки, чтобы выразить Вамъ чувства благодарности и восхищенія Вашимъ подвигомъ—чувства, съ давнихъ поръ волновавшія мою душу, для выраженія которыхъ я ранѣе не сумѣлъ подыскать случая по своей застѣнчивости и потому что считалъ болѣе раннее ихъ выраженіе навязчивымъ.

Я, младшій работникъ на полѣ русской науки, былъ признанъ старшими достойнымъ этой работы, по милостивому указанію Вашего Сіятельства. Извольте припомнить, что Вы рекомендовали меня покойному профессору Соколову къ оставленію при кафедрѣ русской литературы Московскаго университета, для приготовленія къ профессорѣ. Ваша рекомендація была для меня счастливой и опредѣлила все трудовое содержаніе моей жизни. Этотъ благородный трудъ совпалъ съ моими душевными запросами и осмыслилъ мою жизнь. Съ сильнѣйшимъ волненіемъ души благодарно преклоняюсь предъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Было бы мнѣ не по силамъ дерзновеніе опредѣлять и цѣнить словами Вашъ подвигъ на пользу Россіи, великая русская женщина, мудрая бабушка насъ, трудолюбивыхъ внуковъ! Называть Васъ такъ научилъ меня Гончаровъ, низко поклонившійся силѣ и мудрости подобной Вамъ души: передъ нимъ вставали дорогіе ему образы—„а за ними стояла и влекла къ себѣ—еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія“. („Обрывъ“).

Покорный, преданный и благодарный слуга Вашего Сіятельства

Александръ Орловъ.

Отъ И. С. Остроухова.

Позвольте, глубокоуважаемая графиня, въ нынѣшній знаменательный день и мнѣ выразить Вамъ чувства искренняго уваженія Вашей славной дѣятельности, вмѣстѣ съ пожеланіями здоровья и бодрости для дальнѣйшей работы на многіе годы.

Остроуховъ.

Отъ Н. Печенкина.

Прошу принять и мой сердечный привѣтъ и пожеланіе долгой дальнѣйшей плодотворной дѣятельности.

Николай Печенкинъ.

Отъ протоіерея Попова.

Искренно привѣтствую Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ энергичной плодотворной научной дѣятельности. Русское православное духовенство будетъ вѣчно молитвенно благодарно Вамъ за почтеніе его древнихъ представителей культуры и патріотическаго самоотверженія. Умиленно памятуемъ Ваше просвѣщенное вниманіе къ старому Брянску и его древностямъ.

Протоіерей Поповъ.

Отъ священника Льва Паевского.

Ваше Сіятельство, графиня Прасковья Сергѣевна! Почтительнѣйше прошу Ваше Сіятельство принять мое сердечное привѣтствіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей самоотверженной ученой дѣятельности, всецѣло посвященной русской археологіи въ широкихъ и многостороннихъ развѣтвленіяхъ гигантскаго полета ума и сердца —отъ колыбели христіанства на Кавказѣ и Херсонеса Таврическаго включительно до Кіева со всеми окраинами Россіи, переставшими уже нынѣ (какъ во времена Котошихина) быть terra incognita для иностранцевъ, съ такою любовью и живымъ интересомъ всегда спѣшившихъ по зову Вашему на археологическіе съѣзды! Ученыя силы окружали и окружаютъ Васъ, какъ новосажденія масличныя! Да процвѣтаетъ же и впредь Ваша многотрудная и многополезная дѣятельность, освѣщающая своими лучами темные горизонты нашего далекаго прошлаго, а подчасъ и настоящаго!

Кладу земной поклонъ Вамъ, глубокоуважаемая графиня, постигая непостижимое въ цѣломъ лабиринтѣ собранныхъ и уравновѣшенныхъ Вами научныхъ силъ со всего свѣта! Отъ чистаго сердца молитвенно желаю Вамъ и всему дорогому семейству Вашему въ добромъ здоровьи и благополучіи неустойчиво трудиться всѣми Богодарованными силами на многая и многая лѣта! Пусть мои искреннія желанія, какъ полевой цвѣтокъ, посылаемый изъ Исторической Меречи, найдутъ себѣ укромный уголокъ въ роскошномъ живомъ вѣнкѣ, который преподноситъ Вамъ нынѣ вся ученая Россія и Европа—въ видѣ признательной дани Вашему славному юбилею.

Съ сыновними чувствами глубокаго уваженія остаюсь навсегда Вашего Сіятельства слуга и богомолецъ

священникъ *Левъ Паевскій.*

Отъ о. П. Пирлинга.

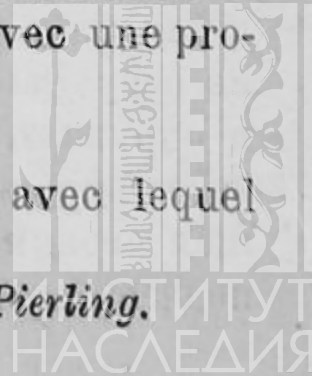
Madame! Veuillez me permettre de devancer le jour, où la Société d'Archéologie vous présentera ses hommages, et de vous exprimer, à titre de membre de cette Société, mes sentiments d'admiration pour l'oeuvre grandiose à laquelle votre nom restera inséparablement attaché. Une idée féconde Vous a servi de point de départ et vous avez eu le bonheur d'atteindre le but, que vous proposiez.

Désormais la science archéologique est créée en Russie, elle a des représentants d'un mérite incontestable, les travaux de la Société en sont une preuve éloquente. Grâce à vos efforts, Madame, l'amour et le culte du passé pénètrent dans les masses et c'est ainsi, ce me semble, que se réalise dans toute son ampleur la pensée inspiratrice de votre oeuvre. Car, si je ne me trompe, c'est bien l'âme du peuple, que Vous voulez atteindre, c'est l'attachement au sol natal, au clocher du village et aux monuments historiques que vous tâchez de développer. Posé de cette manière, le problème archéologique devient un problème social, un élément de bonheur pour tous et une condition de progrès.

Je regrette de ne pas pouvoir m'associer de plus près à vos remarquables travaux. Ma mission est plus modeste. Je cherche à faire connaître la Russie à l'étranger et à la faire apprécier à sa juste valeur. Les magnifiques éditions de la Société, que je suis heureux et fier de posséder, me prêtent un concours, que j'accepte avec une profonde reconnaissance.

Agréez, Madame, l'hommage du respect très sincère avec lequel j'ai l'honneur d'être Votre dévoué serviteur

Paul Pierling.

Отъ А. Покровскаго.

Въ тотъ день, когда вся наша научная семья, собранная Вами, сойдется, чтобы достойно почтить Ваши труды на пользу Россіи и ея науки,—позвольте и мнѣ принести Вамъ свои наилучшія, горячія пожеланія. Зная, цѣня и уважая постоянное вниманіе Вашего Сіятельства къ занятіямъ Славянской Комиссіи, я спѣшу привѣтствовать Васъ, какъ одинъ изъ ея сочленовъ; привѣтствую Васъ и отъ имени нашихъ старыхъ Печатныхъ палатъ, подъ сводами которыхъ Вы еще такъ недавно принимали самое близкое участіе въ достойномъ чествованіи нашего первопечатника; привѣтствую Васъ и какъ одинъ изъ членовъ Археологическаго Общества, вскормленнаго Вашими заботами, привѣтствую Васъ и какъ простой смертный, которому дорога русская старина и который находитъ у Васъ постоянный отзвукъ и сердечное, теплое отношеніе,—привѣтствую и огорчаюсь, что лично не могу видѣть Васъ и сказать Вамъ русское „спасибо“.

Покорнѣйшій слуга Вашего Сіятельства

А. Покровскій.

Отъ Поляковыхъ.

Примите наше сердечное поздравленіе по случаю юбилея Вашей полезной дѣятельности, съ искреннимъ пожеланіемъ продолженія много-полезныхъ Вашихъ трудовъ на многіе годы, на общую пользу.

Поляковы.

Отъ художника М. А. Розанова.

Высоко цѣня необычайно полезныя заслуги Ваши въ области археологіи, Ваши драгоцѣнныя заботы о сохраненіи старинныхъ памятниковъ русскаго искусства, я считаю долгомъ привѣтствовать Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей многополезной дѣятельности, какъ талантливаго предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, и пожелать Вамъ побольше здоровья и силъ неустанно продолжать работать на пользу русской археологіи и русскаго искусства!

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю искренно преданный
художникъ

Михаилъ Розановъ.

Отъ Н. А. и Л. М. Савеловыхъ.

Поздравляемъ Васъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной работы во главѣ Московскаго Археологическаго Общества, такъ много сдѣлавшаго для исторической науки, желаемъ силъ и здоровья на многіе годы.

Савеловы.

Отъ А. В. Селиванова.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Позвольте мнѣ просить Васъ принять отъ меня поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательствованія Вашего въ Археологическомъ Обществѣ. Отъ всей души желаю Вамъ еще много лѣтъ стоять во главѣ русскихъ археологовъ на пользу науки и счастье нашей дорогой родины. Извиняюсь за свое запоздалое поздравленіе. Причиною тому моя болѣзнь. Скоро мѣсяць, какъ я нахожусь въ лечебницѣ и только теперь начинаю входить въ норму. Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи и преданности. Вашъ покорный слуга

А. Селивановъ.

Отъ П. К. Симони.

Милостивая государыня, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Позвольте покорнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать принять и отъ меня поздравленія Васъ съ исполняющимся 30-го сего апрѣля юбилеемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, основанномъ Вашимъ супругомъ, незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашей науки графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ,—Обществѣ, достигшемъ своего процвѣтанія уже подъ Вашимъ далнѣйшимъ и непосредственнымъ руководствомъ и самомъ близкомъ и внимательномъ съ Вашей стороны благопопеченіи и неустаннымъ трудѣ и заботѣ о преуспѣяніи и правильномъ ростѣ дорогаго намъ Археологическаго Общества. Вы же такъ счастливо и усердно продолжаете завѣты графа Алексѣя Сергѣевича по изученію восточныхъ и особенно кавказскихъ древностей; приходится только восхищаться Вашей кипучей энергіей въ этихъ послѣднихъ изученіяхъ и радоваться, что Вы—наша соотечественница и наша радость.

Осчастливленный Вашимъ вниманіемъ въ разные моменты своей жизни, я не могу не пожелать и Вамъ, и дочерямъ Вашимъ, и дорогимъ помощницамъ, и всему Вашему семейству на много-много гря-

душихъ годовъ добраго здоровья, процвѣтанія силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, въ гармоническомъ сочетаніи и непремѣнномъ сопутствіи всевозможнаго счастья, радостей и благополучія на утѣшеніе и для славы русской науки и культурныхъ завѣтовъ!

Прошу у Васъ извиненія, что утруждаю Васъ чтеніемъ этихъ безискусственно-пространныхъ строкъ; эти мысли въ лучшемъ изложеніи старшихъ членовъ Общества Вы, конечно, уже слышали сегодня, но простите мою рѣшимость и вѣрьте, что только самая искренняя воля подвигла меня писать Вамъ эти простыя мысли, которыя отъ восхищенія я выразилъ какъ только сумѣлъ въ первую минуту. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, искреннимъ и высокимъ уваженіемъ и душевнѣйшею преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою и душевнѣйшимъ почитателемъ Вашихъ заслугъ и неустанныхъ трудовъ

Павель Симионн.

Отъ А. Н. Соловьева.

Въ торжественный день двадцатипятилѣтія Вашего просвѣщеннаго руководительства археологическими собраніями и изслѣдованіями прошу Васъ, глубокоуважаемая графиня, принять мое почтительное привѣтствіе и сердечныя пожеланія полного преуспѣянія во всѣхъ Вашихъ трудахъ на пользу отечественной науки и непоколебимаго здравія на многіе годы.

Справщикъ Московской синодальной типографіи

Соловьевъ.

Отъ М. П. Степанова.

Примите мое душевное поздравленіе съ днемъ двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Какъ дорого должно быть Вамъ, глубокопочитаемая графиня Прасковья Сергѣевна, сознание, что дѣло, начатое графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, такъ окрѣпло и процвѣло подъ Вашимъ руководствомъ! Помогай Вамъ Богъ и впредь на многія и многія лѣта.

Михаилъ Степановъ.

Отъ И. Я. Стеллецкаго.

Привѣтствую съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ высокоплодотворной дѣятельности на поприщѣ боевой науки археологіи.

И. Стеллецкій.

Древности, т. XXIII, в. I.

Отъ А. И. Стоянова.

Приношу искреннее поздравленіе въ день празднованія двадцатипятилѣтней дѣятельности Вашей на пользу отечественной археологіи.

Стояновъ.

Отъ В. В. Сулова.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Земно преклоняюсь передъ Вашимъ двадцатипятилѣтнимъ славнымъ служеніемъ русской наукѣ. Ваша любовь, отзывчивость и несокрушимая энергія въ изученіи и охраненіи родной старины да будутъ свѣтлымъ примѣромъ для большинства привѣтствующихъ Васъ въ этотъ знаменательный день. Я счастливъ, что Вы отнынѣ членъ нашей Академіи Художествъ и вѣрую, что Ваше ревнивое участіе внесетъ новую живую струю въ нашу работу. Дай Богъ Вамъ долго, долго здравствовать и служить на благо и процвѣтаніе дорогой родины. Примите, Ваше Сіятельство, мое увѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и искренней преданности.

В. Суловъ.

Отъ И. А. Сулова.

Примите, незабвенная графиня, искреннее привѣтствіе съ знаменательнымъ днемъ Вашей жизни, всецѣло отданной Вами на служеніе науки.

Илья Суловъ.

Отъ В. М. Сысоева.

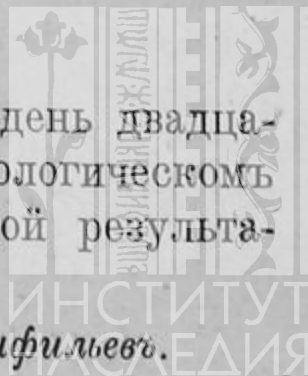
Сердечно привѣтствую Ваше Сіятельство въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства въ Обществѣ. Да даруетъ Вамъ Богъ силы трудиться на пользу науки многія лѣта!

Сысоевъ.

Отъ Е. П. Трифилева.

Горячо привѣтствую высокоуважаемую графиню въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; сердечно желаю такой же неутомимой, богатой результатами, дѣятельности еще многіе годы.

Трифилевъ.

Отъ Н. И. Троицкаго.

Сердечно привѣтствую Ваше Сіятельство съ юбилеемъ доблестнаго энергичнаго труда на пользу отечественной науки, на славу ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества многая лѣта.

Дѣйствительный членъ Общества *Николай Троицкій.*

Отъ проф. Б. А. Тураева.

Примите и мои привѣтствія юбилейному дню Вашего славнаго служенія родной наукѣ.

Тураевъ.

Отъ Татариновыхъ.

Отъ московскихъ Татариновыхъ примите искреннія поздравленія и пожеланіе на многіе, многіе годы продолжать Вашу плодотворную дѣятельность.

Отъ И. Ф. Токмакова.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Привѣтствуя Васъ въ настоящій знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашего президентства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, долгомъ считаю выразить Вашему Сіятельству чистосердечное пожеланіе еще на долгое время продолжать Ваше блестящее поприще.

Сердечно скорблю, что по нездоровью лишенъ высокой чести и удовольствія засвидѣтельствовать Вамъ на словахъ предъ Вами, какъ очевидцу, состоящему чл.-корреспондентомъ Общества въ теченіе 30-ти лѣтъ (я былъ избранъ еще 7 апрѣля 1880 года), до какой степени личныя Ваши свойства, какъ предсѣдательницы, благотворно способствовали съ любовью трудиться скромнымъ работникамъ по описанію археологическихъ памятниковъ не только Московской старины, но и по всей Россіи.

Препровождаю при семъ составленное мною „Краткое историко-статистическое и археологическое описаніе гор. Зубцова (Тверской губ.) съ уѣздомъ“, съ 16 рисунками, въ 2-хъ экземплярахъ, почтительнѣйше прося Ваше Сіятельство принять одинъ изъ таковыхъ для личной библіотеки Вашего Сіятельства, а другой соблаговолите передать

въ бібліотеку нашего Общества. За симъ, поручая себя и впредь доброму Вашего Сіятельства расположенію, съ чувствомъ глубочайшаго къ Вамъ почтенія и совершенной преданности остаюсь Вашъ покорный слуга

И. Токмаковъ.

Отъ Тучковыхъ.

Позвольте и намъ, глубокоуважаемая графиня, привѣтствовать Васъ съ сегодняшнимъ знаменательнымъ днемъ; да пошлетъ Вамъ Господь здоровья и силъ для продолженія Вашей плодотворной работы, вливающей столько свѣта и историческаго просвѣщенія въ древніе памятники нашей дорогой родины.

Тучковы.

Отъ проф. Г. А. Халатьянцъ.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна!

Позвольте и мнѣ, изъ далекаго нѣмецкаго курорта Вильдунгена, куда вынужденъ былъ я наспѣхъ выѣхать изъ Москвы на лечение, — присоединить свой слабый голосъ къ дружному хору привѣтствующихъ Ваше Сіятельство въ этотъ знаменательный день, 30-го апрѣля, по случаю исполнившагося четвертьвѣкового служенія Вашего археологической наукѣ, въ качествѣ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и горячо пожелать Вамъ силъ и энергіи для продолженія столь же славнаго и плодотворнаго руководительства тѣмъ же Обществомъ на пользу русской и кавказской археологіи.

Съ глубокимъ уваженіемъ и таковой же преданностью *Г. Халатьянцъ*, ординарный профессоръ, дѣйств. членъ Императ. Московск. Археолог. О-ва.

Отъ А. Хвостова.

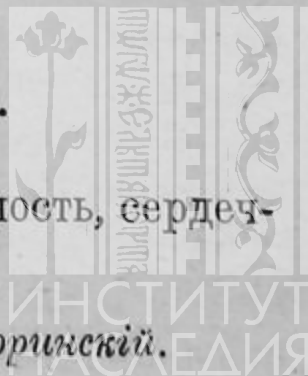
Привѣтствую Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства; искренно желаю долгаго продолженія славнаго служенія по познанію родной старины.

Сенаторъ *Алексѣй Хвостовъ.*

Отъ проф. Т. Д. Флоринскаго.

Доброму генію русской науки глубокая признательность, сердечный привѣтъ и лучшія пожеланія.

Кіевскій профессоръ *Флоринскій.*

Отъ В. В. Хвойка и С. А. Мазараки.

Просимъ принять поздравленіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ и пожеланіе еще многіе годы продолжать Вашу ученую дѣятельность на пользу отечественной археологіи.

Хвойка. Мазараки.

Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія проф. А. Н. Шварца.

Примите сердечныя поздравленія съ юбилейнымъ днемъ Вашего долгаго служенія Россіи и наукѣ.

А. Шварцъ.

Отъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна.

Примите и отъ меня наилучшія пожеланія по поводу Вашего юбилея; пусть Богъ хранитъ Васъ, мать-покровительницу всей нашей археологической семьи, на многія лѣта.

Штернъ.

Отъ кн. Эристова и Домерщикова.

Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашей дѣятельности въ качествѣ предсѣдательницы Археологическаго Общества шлемъ наши сердечныя поздравленія и пожеланія долгой, долгой еще работы на пользу отечественной археологіи.

Эристовъ. Домерщиковъ.

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣдующія изданія.

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описание Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологическаго Съезда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологическаго Съезда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 25 р.

Труды V-го Археологическаго Съезда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологическаго Съезда въ Ярославлѣ. Томы I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съезда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р. Т. IV. Ц. 9 р.

Труды IX Археологическаго Съезда въ Вильнѣ. Т. I. Ц. 8 р. Т. II. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Ком. X Археол. Съезда въ Ригѣ, вып. 1. Ц. 1 р. 50 к., вып. 2—3 р.

Труды X-го Археологическаго Съезда въ Ригѣ. Томъ I. Ц. 5 р. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Ц. 5 р.

Труды XI Археологическаго Съезда въ Кіевѣ, Т. I, ц. 10 р. Т. II, ц. 5 р.

Труды XII Археологическаго Съезда въ Харьковѣ. Т. I, ц. 10 р., т. II, ц. 5 р., т. III, ц. 3 р. 50 к.

Труды XIII Археологическаго Съезда въ Екатеринославѣ, т. I, ц. 10 р., т. II, ц. 12 р.

Труды Москов. Предвар. Комитета XIII-го Археол. Съезда въ Екатеринославѣ, вып. I, ц. 1 р. 50 к.; вып. 2, ц. 1 р. 50 коп.

Древности Украины, вып. I, ц. 3 р.

Материалы по археологическому Кавказу; вып. 1, 2, 3, 5 и 6-й по 6 р.; вып. 4-й—ц. 8 р. 50 к.; вып. 7-й—ц. 4 р.; вып. 8-й—25 р., вып. 9—4 р., вып. 10-й—8 р., вып. 11-й—5 р., вып. 12-й—6 р.

Материалы по археологическому восточныхъ губерній. Вып. I, ц. 3 р. Вып. II, 5 р. Вып. III, 3 р.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 12 р.

„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 12 р.

„ III, три выпуска. 1870—73 г., ц. 12 р.

„ IV, три выпуска. 1874 г., ц. 12 р.

„ V, 1885 г., ц. 6 р.

„ VI, три выпуска. 1875—76 г., ц. 6 р.

„ VII, три выпуска. 1877—79 г., ц. 8 р.

„ VIII, 1880 г., ц. 8 р.

Приложеніе къ VII тому:

Пятый Археологический Съездъ. Труды Предварит. Комитета. 1882 г., ц. 6 р.

Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.

„ X, 1885 г., ц. 8 р.

„ XI, три выпуска. 1886—87 г., ц. 8 р.

„ XII, два выпуска. 1888 г., ц. 8 р.

„ XIII, два выпуска. 1889—90 г., ц. 8 р.

„ XIV, 1890 г., ц. 7 р.

„ XV, два выпуска. 1894 г., ц. 8 р.

„ XVI, 1900 г., ц. 6 р.

Томъ XVII, 1900 г., ц. 4 р.

„ XVIII, 1900, ц. 4 р.

„ XIX, три выпуска, 1901 г., ц. 6 р.

„ XX, вып. I, ц. 5 р., вып. II, ц. 1 р. 50 к.

„ XXI, два выпуска, ц. 6 р.

„ XXII, два выпуска, ц. 7 р. 50 к.

Древности Восточныя. Труды Восточн. Ком. Т. I, три вып. по 4 р. Т. II, три вып. по 4 р. Т. III, вып. I, ц. 3 р., вып. II, ц. 9 р.

Древности. Труды Славянскаго Комиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к. Вып. II. Ц. 3 р. Вып. III. Ц. 3 р. Вып. IV. Ц. 5 р.

Древности. Труды Археологическаго Комиссіи. Т. I, вып. 1-й и 2-й по 1 р. 50 к., вып. 3-й—3 р. Т. II, вып. 1-й и 2-й по 1 р. 50 к.

Древности. Труды Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ. Т. I, ц. 3 р., т. II, ц. 3 р., т. III, ц. 9 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи. 1897 г. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединен. засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ графа А. С. Уварова). 1885 г. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-ти-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н. С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Памяти арх. Саввы, проф. Павинскаго и гр. Толстого. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библиотечкамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки; года: 1893—1897 по 1 р. 50 к., 1898 и 1899 по 2 р., а всѣ семь лѣтъ вмѣстѣ 10 р.

Изданія графа и графини Уваровыхъ:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 23 р.

Византийскій Альбомъ. Вып. I, съ Атласомъ, гр. А. С. Уварова. Ц. 25 р.

Архим. Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. (Продается безъ уступки).

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ.—Графини П. С. Уваровой. Ц. 5 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой, 2 томъ и 3—ц. 3 р.

Описаніе актовъ собранія графа А. С. Уварова. Акты историческіе. Ц. 6 р.

Каталогъ Собранія Древностей гр. А. С. Уварова, графини П. С. Уваровой. Четыре тома. Т. I—ц. 3 р., 2 и 3—ц. 5 р., 4-й—ц. 4 р. 50 к.

Памятники христіанскаго Херсонеса. Вып. I. Д. В. Айналовъ. Развалины храмовъ. Ц. 4 р. Вып. II. С. П. Шестаковъ.

Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Х. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ мелкихъ трудовъ гр. А. С. Уварова. 3 тома. Т. I, ц. 15 р., т. II, ц. 8 р., т. III, ц. 5 р.

Христіанская Символика. Т. I—2 р. 50 к.

Огюсть Шуази. Исторія архитектуры. 2 тома. Ц. по 6 р.

Уступка книгопродавцамъ и библиотечкамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

